

РСМД
**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

IRAS
The Institute for Iran-Eurasia Studies
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИРАНА И ЕВРАЗИИ
موسسه مطالعات ایران واوراسیا

ДОКЛАД

**ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И ИРАНА:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

№ 29 / 2017

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ИРАНА И ЕВРАЗИИ**

МОСКВА 2017

УДК [327+339.92](470+55)

ББК 66.4(2Рос),9(5Ирн)+65.59(2Рос)+65.59(5Ирн)

П18

**Российский совет по международным делам
Центр по изучению Ирана и Евразии**

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член–корр. РАН **И.С. Иванов**

Авторы:

Ph.D. по полит. геогр. **Б. Амирахмадиан**, Ph.D. по Центральноазиат. и Кавказ. исслед. **Х. Азизи**, канд. ист. наук **С.В. Демиденко**, канд. ист. наук **Е.В. Дунаева**, канд. техн. наук **В.В. Евсеев**, канд. геогр. наук **П.В. Зюзин**, член–корр. РАН **И.С. Иванов**, Ph.D. по междунар. отнош. **Дж. Карам**, канд. ист. наук **А.В. Кортунов**, Ph.D. по междунар. отнош. **Д. Киани**, докт. ист. наук **А.А. Князев**, докт. ист. наук **Н.А. Кожанов**, **Г.В. Лукьянов**, канд. экон. наук **Н.М. Мамедова**, Ph.D. по полит. наук. **Р. Мусави**, Ph.D. по торг. упр. **Ф. Паранд**, Ph.D. по полит. наук. **М.К. Саджадпур**, Ph.D. по сравн. полит. **Ж. Шакиби**, Ph.D. по полит. наук. **М. Санаи**, Ph.D. по междунар. отнош. **М. Шариятиниа**, Ph.D. по междунар. отнош. **М. Шури**, канд. ист. наук **В.И. Сажин**, Ph.D. по междунар. отнош. **М. Тишейар**, канд. ист. наук **П.В. Топычканов**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; Ph.D. по междунар. отнош. **М. Шури**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**;
канд. полит. наук **Е.С. Алексеенкова**; **В.А. Морозов**; **Р.Ш. Мамедов**

Амирахмадиан, Б.

Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад № 29/2017 / [Б. Амирахмадиан, Х. Азизи, С.В. Демиденко, Е.В. Дунаева, В.В. Евсеев, П.В. Зюзин, И.С. Иванов, Дж. Карам, А.В. Кортунов, Д. Киани, А.А. Князев, Н.А. Кожанов, Г.В. Лукьянов, Н.М. Мамедова, Р. Мусави, Ф. Паранд, М.К. Саджадпур, Ж. Шакиби, М. Санаи, М. Шариятиниа, М. Шури, В.И. Сажин, М. Тишейар, П.В. Топычканов]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2017. – 184 с. – Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978–5–9909440–1–5

Доклад подготовлен Российским советом по международным делам (РСМД) в партнерстве с Центром по изучению Ирана и Евразии (IRAS, Тегеран) в рамках проекта «Российско–иранские отношения на современном этапе». Цель издания – представить взгляды российских и иранских экспертов на ключевые аспекты российско–иранского партнерства, обозначить сходства и различия в видении общих вызовов и угроз. Издание отражает подходы экспертов России и Ирана к проблемам глобального управления и роли великих держав, вопросам сотрудничества в регионах Ближнего Востока, Центральной Азии и Афганистана, двусторонним торгово–экономическим отношениям, региональным транспортным проектам и взаимодействию в рамках многосторонних организаций и инициатив (ШОС, ЕАЭС, ЭПШП и др.).

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме и любым способом без письменного разрешения Российского совета по международным делам и Центра по изучению Ирана и Евразии, за исключением случаев короткого цитирования в новых статьях, рецензиях и обзорах. Просьба направлять запросы по адресу: Российский совет по международным делам (РСМД), 119180, Россия, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1., welcome@russiancouncil.ru; Центр изучения Ирана и Евразии (IRAS), д.2, кор.6, Аллея Амини, ул. Вали–Асп, Тегеран, Иран, editor@iras.ir.

Полный текст доклада опубликован на интернет–портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report29

© Перевод статей экспертов РСМД, составление, оформление, дизайн обложки. НП РСМД, 2017

Оглавление

Предисловие Игоря Иванова, Президента РСМД, члена-корреспондента РАН	4
Предисловие Мехди Санаи, Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в Российской Федерации	7
Раздел I. Развитие стратегического партнерства России и Ирана	11
Тема 1. Стратегическое партнерство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу? (Владимир Сажин / Джахангир Карами)	11
Тема 2. Взгляды России и Ирана на систему глобального управления (Петр Топычканов / Мохаммад Казем Саджадпур)	33
Тема 3. Россия, Иран и страны Запада (Андрей Картунов / Жанд Шакиби)	42
Раздел II. Проблемы безопасности и перспективы сотрудничества	58
Тема 4. Взгляды России и Ирана на развитие ситуации в регионе Ближнего Востока: как мы видим будущее региона? (Николай Кожанов / Давуд Киани)	58
Тема 5. Общие вызовы безопасности и перспективы сотрудничества (Владимир Евсеев / Махмуд Шури)	74
Тема 6. Сотрудничество России и Ирана в противодействии терроризму и религиозному экстремизму (Сергей Демиденко / Расул Мусави)	90
Раздел III. Сотрудничество России и Ирана в Афганистане и Центральной Азии	105
Тема 7. Сотрудничество России и Ирана в Афганистане: перспективы и ограничения (Григорий Лукьянов / Мандана Тишейар)	105
Тема 8. Сотрудничество России и Ирана в Центральной Азии: перспективы и ограничения (Александр Князев / Хамидреза Азизи)	117
Раздел IV. Возможности и перспективы экономического сотрудничества	130
Тема 9. Развитие региональных и трансрегиональных транспортных путей: перспективы сотрудничества (Павел Зюзин / Бахрам Амирахмадиан)	130
Тема 10. Торгово-экономические отношения между Россией и Ираном: достижения и возможности (Нина Мамедова / Фархад Паранд)	150
Тема 11. Перспективы сотрудничества России и Ирана с третьими странами и международными организациями (Китай, ШОС, ЕАЭС, ЭПШШ) (Елена Дунаева / Мохсен Шариатиниа)	163
Об авторах	177
Российский совет по международным делам (РСМД)	181
Центр по изучению Ирана и Евразии (IRAS)	182

Предисловие Игоря Иванова, Президента РСМД, члена–корреспондента РАН

Иран всегда занимал особое место во внешней политике России. Отношения между нашими двумя странами никогда не были простыми, но даже в самые драматические моменты истории обе стороны осознавали важность двустороннего диалога и сотрудничества. За последние два года международная ситуация вокруг Ирана претерпела существенные изменения к лучшему. Подписанный в июле 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий относительно ядерной программы Ирана открывает существенные возможности для Ирана по дальнейшему укреплению своей роли ведущей региональной державы. Можно с уверенностью сказать, что попытки международной изоляции Тегерана полностью провалились. Иран снова становится мощным экономическим игроком, привлекательным рынком для иностранных инвестиций, важной силой на Ближнем Востоке, в других регионах Азии, да и в мире в целом.

В этих условиях перед Россией стоит задача формирования системного взгляда на отношения с Ираном, который отражал бы стратегическое видение двустороннего сотрудничества – от торгово–экономических отношений до партнерства на региональном и глобальном уровне. При этом необходимо понимание, что формирование «стратегического партнерства» возможно только в том случае, если отношения двух государств не будут подвержены влиянию политической конъюнктуры, не будут зависеть от внешних – пусть даже и очень существенных – факторов.

Поиск фундаментальной основы для стратегического партнерства требует системной ревизии двусторонних отношений: того, что уже реализовано или реализуется, и тех потенциальных возможностей, которые открываются в условиях меняющейся экономической, региональной и глобальной ситуации. Наверное, особое внимание должно быть уделено сохраняющимся «узким местам» в нашем взаимодействии, тому, что у нас пока не получается, субъективным и объективным препятствиям на пути повышения эффективности двустороннего взаимодействия.

Для Российского совета по международным делам анализ отношений нашей страны с Ираном всегда был в числе приоритетных направлений работы. С 2014 г. РСМД реализует исследовательский проект «Российско–иранские отношения на современном этапе», основной задачей которого является всестороннее изучение актуальных проблем взаимодействия двух государств, поиск перспективных направлений сотрудничества, углубление и расширение экспертного знания в России об Иране, в Иране – о России.

В апреле 2014 г. между РСМД и Центром по изучению Ирана и Евразии (Iran and Eurasia Studies Institute, IRAS) было подписано соглашение о сотрудничестве, направленное на проведение совместной исследовательской работы и подготовку практических предложений с целью развития российско–иран–

ских отношений на долгосрочную перспективу. В течение 2016 г. эксперты РСМД и IRAS вели работу по четырем тематическим направлениям: общие проблемы формирования стратегического партнерства, подходы в сфере безопасности, вопросы регионального сотрудничества на Ближнем Востоке, в Афганистане и Центральной Азии, проблемы и перспективы экономического взаимодействия.

Данное издание призвано отразить результаты такой работы, представить читателю максимально системную картину состояния российско–иранских отношений на современном этапе, и определить те фундаментальные интересы, принципы и сферы сотрудничества, которые могут лечь в основу стратегического партнерства двух государств. Главной особенностью издания является то, что удалось представить взгляд с обеих сторон: и с российской, и с иранской.

Подготовленные материалы, на наш взгляд, демонстрируют наличие общих подходов российских и иранских исследователей к таким проблемам, как глобальное управление и роль великих держав, вопросам полицентризма и национального суверенитета. Эксперты IRAS и РСМД разделяют точку зрения о том, что современный мировой порядок находится в стадии глубокой трансформации и радикальных перемен. Окончательный исход этого процесса пока не вполне понятен, однако, и Иран, и Россия в одинаковой мере заинтересованы в том, чтобы их голоса были услышаны международным сообществом, а за каждым государством было признано право отстаивать собственные национальные интересы и возможность их реализовывать в рамках международного права. Россия и Иран как никогда заинтересованы в сотрудничестве на данном направлении – как на двустороннем уровне, так и в рамках региональных международных организаций и инициатив (ШОС, ЕАЭС, ЭПШП и др.).

Мнения экспертов сходятся также и в том, что «стратегическое партнерство» России и Ирана нуждается в прочном фундаменте и реальном наполнении: в сборнике предложен целый набор мер по улучшению торгово–экономических отношений, развитию сотрудничества в сфере транспорта и инфраструктуры, очерчен круг региональных проблем, требующих совместного решения силами России и Ирана. В случае их реализации данные меры могли бы стать тем прочным фундаментом, который позволил бы обеспечить надежную взаимосвязь наших экономик и способствовать развитию партнерства государств в долгосрочной перспективе.

Позиции Ирана и России сближает ряд общих вызовов безопасности: расширение НАТО, распространение терроризма, угроза дестабилизации Центральной Азии и Южного Кавказа, нерешенность внутривосточного кризиса в Афганистане. Отдельного внимания заслуживает тематика сотрудничества по сирийскому кризису. По мнению экспертов, оно стало едва ли не ключевым фактором, который подвел оба государства к более тесной кооперации вперые за последнюю четверть века. Россия и Иран могут расходиться в видении будущего Сирии и всего Ближнего Востока в целом, однако, у сторон есть четкое понимание того, каким они не хотят видеть данный регион – повергнутым

в хаос, разорванным экстремистскими группировками разной степени радикализма, неуправляемым и несущим вовне дестабилизацию и террор.

Следует признать: опираясь на внушительный багаж общих взглядов и подходов, у России и Ирана есть все шансы на формирование полноценного стратегического партнерства. Это партнерство должно быть основано на решении общих региональных задач, прагматичных и реалистичных инициативах в области экономического сотрудничества, противостоянии общим угрозам. Надеюсь, что данное издание станет еще одним шагом на пути к формированию общего видения Россией и Ираном фундаментальных основ сотрудничества на длительную перспективу.

*Президент Российского совета по международным делам,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук*

И.С. Иванов

Предисловие Мехди Санаи, Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в Российской Федерации

История ирано–российских связей, насчитывающая около пятиста лет, имела на своем протяжении многочисленные взлеты и падения и несет много уроков для нынешнего времени. Для поддержания отношений на столь же хорошем уровне, как в настоящее время, так и в будущем, важно, чтобы у нас было положительная и реальная картина друг о друге. Мы должны учитывать такие реалии, как, например, близкие позиции по многим международным аспектам, общие подходы по ряду региональных процессов, отсутствие территориальных и пограничных разногласий, наличие многих направлений для сотрудничества в политической сфере, в сфере безопасности, экономике, науке и технике. Выявление представителями элиты и научного сообщества новых реалий во взаимоотношениях между двумя странами снизит уровень негативных ожиданий и снимет преграды в теоретической и практической сферах в отношениях между двумя странами.

К счастью, на протяжении нескольких последних лет во взаимоотношениях между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией произошли важные и многообещающие изменения. В свете новых международных условий эти изменения были достигнуты благодаря воле лидеров двух стран к развитию отношений. Количество встреч и телефонных разговоров между президентами, министрами иностранных дел, министрами обороны, руководителями институтов законодательной, судебной власти и другими высокопоставленными должностными лицами двух стран является важным свидетельством нового этапа в отношениях между двумя соседними странами. В результате количество таких встреч, а также взаимодействие и сотрудничество между различными институтами исполнительной, законодательной и судебной власти двух стран существенно возросло.

Кроме того, в течение прошлых лет укрепилось региональное ирано–российское сотрудничество, особенно в области борьбы с терроризмом в Сирии, а также контакты и консультации между двумя странами в международных и региональных организациях. Помимо усилий, направленных на то, чтобы, наконец, достичь договоренностей по ядерной программе Ирана, Россия также сыграла важную роль в реализации СВПД (Совместного всеобъемлющего плана действий) в части обмена урана с иранской стороной. Россия также подтвердила свою готовность по участию в перепрофилировании завода в Фордо и оказанию содействия в производстве устойчивых изотопов. С формированием новых рамок сотрудничества отношения между двумя странами по другим международным направлениям, включая борьбу с контрабандой наркотиков, стали еще крепче по сравнению с предыдущим периодом.

В сфере военного сотрудничества в значительной степени повысился уровень взаимодействия между должностными лицами, курирующими сферы обороны и безопасности двух стран. Это сотрудничество охватывает различные аспекты – от постоянных консультаций по вопросам, вызывающим совместную обеспокоенность до военно-технического сотрудничества. После нескольких лет наконец была передана система противовоздушной обороны С-300, продолжаются консультации с целью развития и углубления двустороннего военного сотрудничества. Кроме того, с целью борьбы с терроризмом и экстремизмом две страны организовали сотрудничество в области разведки, оперативного и стратегического взаимодействия в Сирии. Место Ирана и России на региональной и международной арене, сотрудничество двух стран и совместные угрозы, стоящие перед Тегераном и Москвой, стали настолько серьезными, что у двух стран нет другого пути, кроме как укреплять отношения между собой. С уверенностью можно отметить, что наличие политической воли в каждой из двух стран и укрепление взаимного доверия приведут к расширению двусторонних отношений.

В экономической сфере новые условия, складывающиеся в результате отмены санкций, создают основу для расширения торгово-экономического взаимодействия между Ираном и Россией. Увеличение числа взаимных поездок между высокопоставленными должностными лицами, ответственными за экономическую политику двух стран, включая сопровождающие их торговые делегации, привело к снятию многих структурных и законодательных препятствий в торговых отношениях между двумя странами. Подписано несколько базовых документов в таких областях, как избежание двойного налогообложения, поддержка инвестиций, таможенное сотрудничество между двумя странами. Впервые для иранских компаний-экспортеров морепродуктов и молочной продукции были оформлены лицензии на осуществление экспортных поставок в Российскую Федерацию. Снижение таможенных тарифов и готовность России предоставить кредиты для нескольких промышленных проектов является еще одним важным шагом, направленным на упрощение торгового сотрудничества между двумя странами. Вместе с тем, для поддержания крепких экономических связей стороны должны шире и глубже знать экономические возможности друг друга и знать порядок ведения коммерческой деятельности в противоположной стране. С моей точки зрения, такие области, как транспорт, особенно, железнодорожный, нефтегазовая промышленность, тепловые и атомные электростанции, горнодобывающая промышленность, аэрокосмическая промышленность, сельское хозяйство, рыболовство являются теми областями, которые способствуют повышению уровня сотрудничества между нашими странами.

Укрепление гуманитарных, культурных, научных и межуниверситетских связей также важно для российско-иранских отношений. Подписание министерствами иностранных дел двух стран соглашения об упрощении выдачи виз, рост туризма между Ираном и Россией, увеличение количества авиарейсов между двумя странами, переговоры, ведущиеся относительно отмены виз для туристических групп – все это является надежной основой

для этого направления работы. Формирование Высшей комиссии по научно-техническому сотрудничеству между Ираном и Россией, форум с участием крупнейших иранских и российских университетов являются основой для укрепления и развития университетского и научного взаимодействия двух стран. Сотрудничество в сфере культуры между нашими странами также претерпело серьезные изменения по сравнению с прошлым периодом, в настоящий момент оно охватывает такие направления, как содействие взаимному обучению фарси и русскому языку, участие в культурных событиях, издательство и публикацию книг, изучение архивных материалов, мероприятия и программы в области музыки, кинематографии, обмен информацией и экспозициями между музеями.

Указанные выше примеры свидетельствуют об укреплении связей между Ираном и Россией, которые наряду с имеющимся потенциалом и возможностями могут вывести отношения между двумя государствами на стратегический уровень в таких областях, как экономика, политика и безопасность. Однако кроме указанных выше позитивную роль играют и другие важные факторы. В особенности, вопрос взаимного доверия является фактором, оказывающим влияние на двухсторонние связи. На протяжении прошлых лет с учетом приобретенного опыта недоверие относительно уменьшилось. Россия смотрит на Иран как на страну, которая может быть надежным партнером в различных аспектах в регионе. Иран также смотрит на новую Россию с большим доверием, и тем самым двусторонние связи превратились в императив времени для каждой из стран.

Убежден, что связи между двумя странами имеют важные стратегические аспекты, и с учетом достигнутого прогресса мы должны стремиться защитить их от возможного ущерба и вмешательства со стороны третьих сил. С учетом позитивной и прогрессивной динамики в отношениях и связях между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией, имевшей место на протяжении прошлых лет, эти отношения нуждаются в концептуальной и стратегической поддержке. Задача, стоящая перед элитой и представителями научного сообщества, заключается в оказании помощи тем, кто принимает и проводит решения во внешнеполитических ведомствах двух стран. Будущее ирано-российских связей зависит от воли лидеров и созидательной роли деятелей исполнительной власти и элиты двух стран. Поэтому необходимо смотреть в будущее и больше думать о развитии и углублении взаимовыгодных отношений между двумя странами.

К счастью, благодаря выгодному и эффективному сотрудничеству, которое на протяжении прошлых лет имело место между IRAS и Российским советом по международным делам (РСМД), был создан потенциал для проведения совместных форумов, составления и публикации совместных научных произведений. Результатом этого сотрудничества стали ценные для наших стран идеи. Настоящее произведение, состоящее из сборника совместных статей IRAS и РСМД, является еще одним важным шагом в этом направлении. Вместе с тем, динамика изменений требует постоянного внимания и новых идей.

Считаю необходимым выразить искреннюю благодарность Президенту РСМД господину Игорю Иванову за его усилия и внимание и его коллегам из Российского совета по международным делам. Также хотел бы выразить признательность своим коллегам по IRAS за их самоотверженный труд и неистощимую энергию и всем заслуженным ученым и экспертам, которые, представив свои статьи, внесли вклад в формирование этого ценного сборника.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Исламской Республики Иран в Российской Федерации,
доцент международных отношений Тегеранского университета
доктор **Мехди Санаи***

Раздел I. Развитие стратегического партнерства России и Ирана

Тема 1. Стратегическое партнерство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу?

О термине «стратегическое партнерство»

Понятие «стратегическое партнерство» широко употребляется в дипломатической практике и в журналистике для подчеркивания особых отношений высокого уровня между двумя или несколькими государствами. Однако научного определения этого понятия до сих пор не выработано¹.

Так что же такое стратегическое партнерство? Прежде всего, это высшая степень сотрудничества по сравнению с обычными отношениями.

Приведем некоторые характерные признаки, определяющие суть стратегического партнерства:

- отсутствие серьезных антагонистических межгосударственных проблем в двусторонних отношениях;
- высокая степень доверия;
- прозрачность отношений, т.е. широкое взаимодействие в решении как внутренних, так и международных проблем;
- широта сотрудничества не только в экономической, но и в политической сфере;
- тесная координация внешнеполитических шагов на всех ключевых направлениях;
- абсолютная сопротивляемость любым конъюнктурным влияниям, происходящим как из стран-партнеров (например, смена руководства), так и извне;
- обязательная продолжительность отношений, необходимая для реализации долгосрочных политических, экономических и, как правило, военных программ.

Российский исследователь И. Новиков предлагает еще несколько отличительных черт стратегического партнерства:

- наличие правовой базы, где юридически закреплены содержание сотрудничества и механизмы его реализации;

**Владимир
САЖИН,
эксперт РСМД**

¹ Стратегическое партнерство. URL: http://www.studbooks.net/8187/politologiya/strategicheskoe_partnerstvo

- существование устоявшихся механизмов, посредством которых реализуется партнерство;
- способность сторон учитывать интересы друг друга, идти на компромиссы, поддерживать партнера, даже если в этом нет очевидной выгоды;
- взаимный отказ от дискриминационных и ультимативных действий относительно партнера;
- общие ценности, лежащие в основе политической системы партнеров.

Нет сомнений в том, что перед декларированием стратегического партнерства необходимо, во-первых, проанализировать и сравнить реальное содержание общественной трансформации как страны-партнера, так и своих возможностей, во-вторых, выявить точки и линии взаимного приближения и возможного совпадения, различия и противоречия, на которые следует обращать внимание в политических и экономических взаимосвязях².

В период с 2000 г. Россия подписала документы о стратегическом партнерстве с полутора десятком стран, в том числе с Алжиром, Азербайджаном, Вьетнамом, Египтом, Индией, Испанией, Китаем, Лаосом, Марокко, Монголией, Сербией, Узбекистаном, Украиной, Эквадором, ЮАР³.

Если объективно проанализировать нынешнее состояние отношений России с этими странами, то можно констатировать, что их диапазон весьма широк – от хороших до плохих. И называть отношения со многими из упомянутых стран стратегическим партнерством было бы большим преувеличением.

² Стратегическое партнерство. URL: http://studbooks.net/8187/politologiya/strategicheskoe_partnerstvo

³ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. 05.10.2000. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901783728>;

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам. 02.03.2001. URL: http://www.mid.ru/maps/vn/-/asset_publisher/a6q3L9Hzzxu2/content/id/589248;

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой. 04.04.2001. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901794649>;

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Марокко. 15.10.2002. URL: <http://www.docs.pravo.ru/document/view/17355744/15005987>;

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 01.12.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3546>;

Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. 16.06.2004. URL: http://www.uzbek-people.narod.ru/p_4.html;

Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией. 03.07.2008. URL: <http://www.sngcom.ru/azerbajjan/legislation/declaration.html>;

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания. 03.03.2009. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/163>;

Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет. 23.06.2009. URL: <http://www.dokipedia.ru/document/5191408>;

Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией. 25.08.2009. URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html;

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Эквадор. 29.10.2009. URL: http://www.mid.ru/web/guest/k-70-letiu-pobedy/-/asset_publisher/HMNA6A99fPmT/content/id/1289377;

Декларация о содержании российско-украинского стратегического партнерства. 12.07.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1258>;

Совместная Декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой. 26.03.2013. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/499014861>;

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией. 24.05.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1461>

В связи с этим представляется некорректным идентифицировать даже хорошо, на высоком уровне функционирующие политические, дипломатические, торгово-экономические отношения как стратегическое партнерство, равно как и совпадение взглядов по некоторым международным проблемам или спорадическое согласование действий на определенных направлениях внешней политики двух государств.

В политике или даже в войнах страны иногда выступают в качестве партнеров для достижения конкретных целей, но это отнюдь не означает, что между ними существует стратегическое партнерство.

Партнерство России и Ирана: дефицит доверия

Если исходить из перечисленных признаков стратегического партнерства, а также откровенно и без пропагандистского задора, вызванного текущей ситуацией вокруг России и Ирана, говорить о нынешнем состоянии российско-иранских отношений, то, к сожалению, характеризовать их как стратегические было бы явным преувеличением.

В значительной степени виной тому отсутствие доверия. Аналитики⁴ выделяют несколько исторических и современных фактов, которые не позволяют иранцам с полным доверием относиться к России⁵. Приведем эти факты (без расшифровки):

- Гюлистанский (1813 г.) и Туркманчайский (1828 г.) мирные договоры, которые закрепили результаты побед России над Персией в двух войнах и юридически обосновали переход под российскую юрисдикцию значительных территорий южного Кавказа (современных Грузии, Армении и Азербайджана);
- договор о разделе сфер влияния в Персии между Россией и Великобританией (1907 г.);
- оккупация, как говорят в Иране, этой страны в 1941 г. советскими и английскими войсками;
- деятельность Народной партии Ирана (партии «Туде»), которую спонсировал СССР;
- попытка отторжения Советским Союзом Южного Азербайджана (1946 г.);
- поддержка Советским Союзом иранских курдов из Мехабадской республики (1946 г.);
- афганская кампания СССР (1979–1989 гг.);
- советская позиция в ирано-иракской войне (активная поддержка Саддама Хусейна) (1980–1988 гг.);

⁴ Алексеев С. 16 причин иранского недоверия к России. 11.07.2014.
URL: http://www.iran.ru/news/analytics/94167/16_prichin_iranskogo_nedoveriya_k_Rossii

⁵ Об этом свидетельствует также материал на сайте Центра по изучению Ирана и Евразии (Institute of Iran Eurasian Studies, IRAS). См.: Gholamreza Shafei: «Iranian pessimism towards Russia is one of the reasons hindering further economic cooperation». URL: <http://www.iras.ir/www.iras.iren/doc/interview/1190/gholamreza-shafei-iranian-pessimism-towards-russia-is-one-of-the-reasons-hindering-further-economic-cooperation>

- известная сделка Гор–Черномырдин (1995 г.), заморозившая военно–техническое сотрудничество (ВТС) России и ИРИ;
- долгострой Бушерской АЭС (1995–2011 гг.);
- поддержка Россией антииранских санкций в Совете Безопасности ООН (2006–2010 гг.);
- история с зенитно–ракетными комплексами С–300 и другими контрактами по ВТС (2010–2015 гг.);
- влияние США и Запада на экономику и политику Москвы (до 2014 г.);
- несправедливое, по мнению иранцев, деление Каспия;
- неполное совпадение взглядов на ситуацию в Сирии и будущее этой страны.

Вот что говорит Мандана Тишейар, доцент Тегеранского университета, доктор политологии: «Этот исторический негатив, который присутствует в иранском обществе в отношении России, можно было также ясно увидеть во время народных протестов после выборов 2009 г... Почему же тогда люди выступали с антироссийскими лозунгами? По моему мнению, проблема в исторической памяти иранцев, которые в любом событии видят тайную руку России и Англии и негативно относятся к обоим этим государствам»⁶.

Москве тоже сложно вести дела с Тегераном. Примечательное наблюдение сделал азербайджанский политолог Фахраддин Абосзода, ныне проживающий в России: «...7 июня 2012 года в Шанхае встретились новоизбранный президент РФ Владимир Путин и тогдашний президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад. В ходе этой встречи они единогласно согласовали “дорожную карту” для Ирана, разработанную с участием ведущих российских экспертов и состоявшую из 10 пунктов. Что произошло дальше? Увы, после возвращения Ахмадинежада в Тегеран, по сведениям достоверных источников в кругах местной элиты, там развернулась настоящая борьба вокруг этого документа [по сути, он был аннулирован. – В.С.]... В дальнейшем российскому руководству пришлось провести некоторые коррективы в своей политике в отношении Ирана»⁷.

Примечательно, что еще в 2002 г. был разработан грандиозный проект Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно–технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран на период до 2012 года⁸. Правительство России одобрило документ. Иранское руководство промолчало, в силу чего этот перспективный проект утратил силу на основании постановления Правитель–

⁶ Цит. по: Российско–иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 20.

⁷ Абосзода Ф. Россия – Иран: что мешает прорыву в отношениях двух стран? // Информационное агентство Rex, 25.10.2014. URL: <http://www.iarex.ru/articles/51164.html>

⁸ О заключении Долгосрочной программы развития торговли, экономического, промышленного и научно–технического сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран на период до 2012 года. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901823293>

ства РФ № 853 от 12 декабря 2007 г.⁹ Это был упущенный шанс. Поэтому можно констатировать, что нулевые годы XXI в. стали практически нулевыми и для российско–иранских торгово–экономических отношений, если, конечно, не брать в расчет строительство Россией АЭС в Бушере.

Сложившиеся в последние годы торгово–экономические связи не дают оснований называть нынешние российско–иранские отношения стратегическими. Так, доля Ирана во внешнеторговом обороте России в 2015 г. составила 0,2%, а доля России во внешней торговле Ирана – 1,1%¹⁰. Продолжалось снижение товарооборота. Если в 2014 г. этот показатель составлял 1,68 млрд долл.¹¹ (для сравнения: в том же году торговый оборот между Ираном и Китаем достиг примерно 52 млрд долл.¹²), то в 2015 г. он уменьшился на 26% и скатился до крайне низкого уровня – 1,24 млрд долл.¹³

Интересы России и Ирана в Каспийском регионе: территория сотрудничества или соперничества?

На протяжении 500 лет с момента зарождения русско–персидских связей Каспий с неразлучной Волгой играли первостепенную роль в жизни двух соседних государств. Если раньше значение этого моря–озера ограничивалось использованием в первую очередь в качестве морского водного пути, то впоследствии оно распространилось и на другие сферы – политическую, дипломатическую, экономическую, военную.

До распада СССР в 1991 г. прикаспийских стран было две – Россия (СССР) и Иран (Персия). Затем к ним прибавились Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Естественно, сразу же возникла «проблема Каспия», включающая в себя юридические, политические, экономические, военные, экологические вопросы. Важнейшим из них уже 25 лет остается вопрос о правовом статусе Каспия, в частности о порядке раздела этого водоема.

Сегодня продолжают действовать следующие советско–иранские соглашения: Договор между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г.¹⁴ и Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 г.¹⁵ Однако эти документы не регу–

⁹ О подписании Меморандума о намерениях развития долгосрочного торгово–экономического, промышленного и научно–технического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран. Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2007 г. № 853.
URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/902077319>

¹⁰ Дмитриев И. От медведя к дракону: Иран уходит от России в объятия Китая.
URL: <https://www.versia.ru/iran-uxodit-ot-rossii-v-obyatiya-kitaya>

¹¹ Торговый оборот между Россией и Ираном за 2015 год.
URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4239/>

¹² Дмитриев И. Указ. соч. URL: <https://www.versia.ru/iran-uxodit-ot-rossii-v-obyatiya-kitaya>

¹³ Торговый оборот между Россией и Ираном за 2015 год.
URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4239/>

¹⁴ Договор между РСФСР и Персией. 26 февраля 1921 г. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/233>

¹⁵ Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном. 25 марта 1940 г. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901861932>

лируют ставшие актуальными вопросы раздела Каспия, недропользования, военной деятельности, транзита, охраны природной среды¹⁶.

В 2003 г. Россия, Казахстан и Азербайджан заключили ряд двусторонних соглашений, по которым объекты разграничения – дно и недра, а водная поверхность остается в общем пользовании. Три государства подписали Соглашение о линиях разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. Все спорные вопросы между ними были урегулированы.

На российско–казахстанское соглашение Иран отреагировал резким несогласием, а в ответ на российско–азербайджанское отозвал своего представителя по Каспию и выразил намерение отозвать и своего посла в России¹⁷. Тегеран не признает легитимность трехсторонних соглашений по Каспию¹⁸ и настаивает на разделе дна и поверхности моря на равные национальные секторы – по 20% на каждое государство¹⁹ (сегодня ИРИ принадлежит около 13%).

Именно споры по поводу того, как разделить Каспийское море, служат главным препятствием на пути заключения Конвенции о правовом статусе Каспия. Следует отметить, что руководство ИРИ рассматривает каспийское направление как один из приоритетов своей внешней политики. Но до сих пор именно иранская позиция по разделу моря была камнем преткновения на пути договоренностей²⁰.

¹⁶ Краткая историческая справка: «В начале 18-го века, к концу царствования Петра Первого, Каспийское море входило в границы России (персидские районы Гилян, Мазандеран и Астрабад, расположенные на южном берегу, входили в состав Российской империи). Однако затем граница между Персией и Россией часто менялась.
URL: <http://www.freebooks.site/uchebnik-geopolitika/pravom-statuse-kaspiya.html>.

По Гюлистанскому мирному договору, заключенному после русско-персидской войны 1804–1813 гг., России было предоставлено исключительное право иметь военный флот на Каспии.

Туркманчайским мирным договором (после войны России с Персией 1826–1828 гг.) было подтверждено исключительное право России иметь здесь военный флот, а Персия была лишена подобных прав (ст. 8 Договора). Этот Договор действовал вплоть до 1917 г.

28 февраля 1921 г. правительство РСФСР подписало договор с Персией, которым отменялись все соглашения, заключенные царским правительством, в т.ч. Туркманчайский договор 1828 года, признавалось право Персии на свободное плавание по Каспию. Каких-либо упоминаний о разграничении вод Каспия в договоре не было.

27 октября 1931 г. между СССР и Персией была подписана Конвенция о поселении, о торговле и мореплавании, в которой заявляется, что в Каспийском море могут находиться только суда СССР и Персии.

Договором между СССР и Ираном 1935 г. о поселении, торговле и мореплавании впервые устанавливалась десятимильная прибрежная зона.

Это же положение было подтверждено в Договоре между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. о торговле и мореплавании. Вновь подчеркнуто, что в Каспийском море могут находиться только суда СССР и Ирана. Однако и в этом договоре отсутствовали четкие положения о разграничении Каспийского моря, что создавало трудности в охране границы.

Сугубо в одностороннем порядке Советским Союзом за линию границы в 1935 году была принята линия Гасан-Кули (Туркмения) – Астара-чай (Азербайджан)». О правовом статусе Каспия.

URL: <http://www.uchebnik-online.com/129/1407.html>

Подробнее см.: Мамедов Р. Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра (вопросы теории и практики). URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/19.Mamedov.shtml>

¹⁷ Бутаев А.М. Каспий: зачем он Западу?

URL: <http://www.caspij.net/knigi/kaspij-zachem-on-zapadu/43-kaspij-zachem-on-zapadu-4-kak-razdelit-kaspijskuyu-neft.html>

¹⁸ Bahman Aghai Diba. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and Positions of Iran.

URL: <http://www.payvand.com/news/16/may/1110.html>

¹⁹ Ibid.

²⁰ Дунаева Е. Итоги Астраханского саммита прикаспийских государств // NEO Новое восточное обозрение, 09.10.2014. URL <http://www.ru.journal-neo.org/2014/10/09/itogi-astrahanskogo-sammita-prikaspijskih-gosudarstv>

Отсутствие консенсуса у Ирана с Азербайджаном и Туркменистаном тормозит процесс разработки общего документа. Поэтому ожидать здесь серьезного прорыва в ближайшее время не стоит.

Вместе с тем на некоторых других направлениях прогресс очевиден. В частности, приняты Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря²¹, соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на море²² и о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря²³. Достигнута договоренность о принципах национального суверенитета каждой из стран над прибрежным морским пространством в пределах 15 миль и еще 10 «рыболовных» миль²⁴.

Участники последнего Четвертого Каспийского саммита, проходившего в Астрахани в сентябре 2014 г., высоко оценили его итоги, в частности подписание ряда важных документов. В их числе – заявление президентов пяти прикаспийских государств, коммюнике саммита, соглашения о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря, о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море, о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря²⁵. Пять прикаспийских государств договорились, что военная деятельность в регионе должна осуществляться на принципах разумной достаточности и обеспечения равных условий безопасности для всех прикаспийских государств²⁶. Был также подтвержден согласованный ранее принцип «неприсутствия на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих сторонам»²⁷.

В настоящее время Каспийский регион – это в значительной степени территория российско–иранского сотрудничества, в том числе и в военной сфере. В последние годы взаимные визиты российских и иранских кораблей в Каспийском море стали регулярными. Проводятся совместные военно–морские учения России и Ирана. На вторую декаду сентября 2016 г. запланированы масштабные маневры всех прикаспийских государств. Место проведения – береговая часть со стороны России²⁸.

²¹ О подписании Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря. Постановление Правительства РФ от 29 октября 2003 г. № 652. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/901878548>

²² Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. Подписано президентами Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан и Туркменистана в ходе Третьего каспийского саммита в Баку 18 ноября 2010 г. URL: http://www.mid.ru/obyecnyie-vooruzhenia/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/191434

²³ Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря. 29.09.2014. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/420356911>

²⁴ Страны Каспия договорились о суверенитете над морским пространством в пределах 15 миль. URL: <https://www.regnum.ru/news/1852227.html>

²⁵ Документы, подписанные по итогам IV Каспийского саммита. 29.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4756>

²⁶ Заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. 29.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4754>

²⁷ Там же.

²⁸ Астрахань определила место для международных учений «Каспий–2016». 05.05.2016. URL: http://www.astrakhan-24.ru/news/kaspy/k_boju_gotov_17659

В каспийском вопросе главное, что объединяет Москву и Тегеран, – резко отрицательное отношение к прокладке трубопроводов по дну моря, в частности Транскаспийского газопровода (на этом настаивают Туркменистан и Азербайджан, Казахстан колеблется)²⁹. И это понятно: ни Россия, ни Иран не хотят быть отрезанными от транспортировки газа в европейские страны по возможному пути Казахстан – Туркменистан – дно Каспия – Азербайджан и далее в Европу.

Помимо единства по этим основополагающим для двух сторон проблемам, по многим другим вопросам позиции России и ИРИ совпадают или близки. Однако при декларируемой общности взглядов в Москве с некоторым беспокойством наблюдают за усилением военной мощи Ирана на Каспии³⁰. Примечательно, что во времена шаха Мохаммеда Резы Пехлеви все ВМС Ирана на Каспии были представлены одной яхтой Его Величества.

Нельзя не отметить и противоположность подходов Москвы и Тегерана по ключевому вопросу – о разделе Каспия. Однако после заключения соглашений с Казахстаном и Азербайджаном Россию уже меньше беспокоит позиция Ирана. В свою очередь иранцы стараются дипломатично не акцентировать внимание, прежде всего в СМИ, на различиях взглядов на проблему. Тем не менее проблема остается в качестве «занозы» в российско–иранских отношениях.

Довольно схожая ситуация отмечается и в позициях двух стран по сирийскому вопросу.

Интересы России и Ирана в Сирии

Россия и Иран находятся по одну сторону баррикад в конфликте в Сирии, поддерживая ее нынешние государственные институты. Без помощи Ирана и России президент Башар Асад уже был бы свергнут. В тактическом плане позиции Москвы и Тегерана совпадают, однако в стратегическом видении будущего Сирии единства нет. Так, Россия хочет видеть Сирию светским государством, в котором все конфессии и этнические группы будут равны. Иран же настроен на содействие сирийцам в формировании такой государственной структуры, которая сохранила бы преимущество алавитов (шиитского направления в исламе) и других религиозных меньшинств перед суннитским большинством. Это позволило бы ИРИ укрепить свои военно–политические позиции в Сирии и на всем Ближнем Востоке путем создания «шиитской дуги» от Ирана через Ирак, Сирию до Ливана.

Такие планы Тегерана могут быть реализованы только при неприкосновенности власти Б. Асада, который остается стратегическим союзником ИРИ

²⁹ «Каспийские пожелания» Москвы вряд ли обернутся успехом, пока не будет урегулирован Карабахский конфликт. 18.10.2014. URL: <http://www.vesti.az/news/222323>

³⁰ Иран имеет на Каспии 3 военно–морские базы, около 90 судов, в том числе ракетноносцев, 2 эсминца (точнее это легкие фрегаты) типа «Джамаран», мини–субмарины «Кадир». Планируется развернуть несколько кораблей–вертолетоносцев и малые ракетные катера типа «Пейкаап» в количестве до 75 ед. См.: Каспий 2014: как разделить пирог? 30.04.2014. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=3627#top-content; Сажин В.И. Военная мощь Исламской Республики Иран. М.: Издательство Московского университета, 2014.

(официально единственным). Как следствие, будущее нынешнего президента Сирии по-разному видится из Москвы и Тегерана. В частности, Иран жестко настаивает на том, чтобы Б. Асад оставался главой государства. Россия же в его отношении готова пойти на компромисс при условии сохранения сирийской государственности и формирования временного коалиционного правительства из сторонников Б. Асада и представителей оппозиции, готовых к диалогу. Причем для Москвы важно не то, кто будет президентом САР, а то, какие отношения он будет строить с Россией и какие российские интересы будут обеспечены и гарантированы.

Российский исследователь Николай Кожанов пишет: «Ни у Москвы, ни у Тегерана нет иллюзий относительно различий их конечных целей, которые заставляют РФ и ИРИ бороться за выживание сирийских госинститутов. Об этом вполне открыто заявил Велаяти³¹: «Каждая страна преследует свою выгоду, [но] в одиночку Россия не сможет защитить собственные интересы на Ближнем Востоке и в регионе»³². Однако в тактическом плане российская и иранская стороны проводят консультации, хотя и без образования полноценного военного союза.

Как справедливо отмечает Н. Кожанов, российско-иранский «брак по расчету» позволяет сглаживать острые углы, но не решает проблему, а только отодвигает то время, когда вопрос опять будет поставлен ребром³³.

Поэтому даже в столь важном для Москвы и Тегерана сирийском вопросе было бы очень смело оперировать таким термином, как «стратегическое партнерство».

Возможно ли вообще стратегическое партнерство между Россией и Ираном?

Если исходить из академической дефиниции термина «стратегическое партнерство», а не из пропагандистского понимания этого слова, то в ближайшее время оно вряд ли возможно. Приведем мнение Голям Резы Шафеи, бывшего посла Ирана в России (1999–2005 гг.): «Это зависит от того, как вы определяете стратегический альянс... Я все же уверен, что каждый народ должен сначала учитывать свои собственные национальные интересы и на их основе строить отношения с другими странами. Наши отношения с Россией должны следовать этому курсу»³⁴.

Надо добавить, что аналогичны и отношения России с Ираном. Российские интересы на Ближнем Востоке многоплановы и не концентрируются только на ИРИ, которая ныне находится в сложном положении как на геостратегическом поле (ирано-шиитское противостояние с суннитами), так и в рамках

³¹ Али Акбар Велаяти – советник Верховного лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи по внешнеполитическим вопросам.

³² Кожанов Н. Брак по расчету // Россия в глобальной политике. 2016. № 3.
URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Brak-po-raschetu-18143>

³³ Там же.

³⁴ Gholamreza Shafei: «Iranian pessimism towards Russia is one of the reasons hindering further economic cooperation». URL: <http://www.iras.ir/www.iras.iren/doc/interview/1190/gholamreza-shafei-iranian-pessimism-towards-russia-is-one-of-the-reasons-hindering-further-economic-cooperation>

региона, где ее военно–политические интересы сталкиваются практически со всеми региональными державами.

Россия, отстаивая свои интересы на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии, сохраняет нормальные деловые отношения практически со всеми ближневосточными государствами, в том числе с главными противниками ИРИ – Саудовской Аравией и Израилем. В этой ситуации вхождение в стратегический альянс с Ираном могло бы резко ослабить позиции России и привести к конфронтации, во–первых, с большинством стран региона, во–вторых, с глобальным суннитским мусульманским большинством, что чревато для Москвы уже и внутривнутриполитическими последствиями.

Какой же выход?

В одном из своих последних интервью Нематолла Язди, последний посол Ирана в СССР и первый посол Ирана в России, сказал: «Мы не можем иметь стратегические отношения. Наши цели в некоторых сферах противоречат друг другу... Но мы можем иметь наилучшие отношения на самом высоком уровне»³⁵. В этой связи Н. Язди высказал очень правильную и своевременную мысль: «Тегеран и Москва не могут быть стратегическими союзниками, но они должны иметь стратегию развития своих отношений»³⁶.

К сожалению, стратегия развития двусторонних отношений сегодня не просматривается. Если говорить о политике, то, как уже отмечалось, даже по таким важнейшим проблемам, как раздел Каспия и конфликт в Сирии, полного единства взглядов нет. Нет и совместного плана, как решать эти проблемы.

Пожалуй, один из немногих пунктов, который политически сближает Москву и Тегеран, – противостояние Западу. Однако, по всей вероятности, этого недостаточно. Тезис, выдвинутый бывшим министром иностранных дел РФ, президентом Российского совета по международным делам Игорем Ивановым на конференции «Развитие стратегического партнерства России и Ирана» 24 ноября 2014 г., наилучшим образом показывает это: «Стратегическое партнерство Москвы и Тегерана ... не может строиться на базе их совместного противостояния Западу. Это партнерство должно быть основано на общем видении решений глобальных проблем современности, на проработанных “дорожных картах” стабилизации положения в соседних обеим странам регионах, на детальных предложениях по созданию международных режимов управления ресурсами, на реалистических инициативах, касающихся совершенствования фундаментальных норм международного права и пр.»³⁷.

³⁵ URL: <http://www.iras.ir/fa/doc/interview/1256> دی-ایب-ام-اجدنش اب-کیژتار تس-ان-ان-دختم-دن-ان-وت-یم-ن-وکسم-ن-ار هت/ (на перс. яз.)
هت-ش-اد-طباور-ی-ژتار تس

³⁶ Ibid.

³⁷ Иванов И. Ирану есть, что предьявить и своим соседям, и мировому сообществу в целом помимо ядерной программы. Выступление на конференции «Развитие стратегического партнерства России и Ирана», Москва, 24 ноября 2014 г. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=4863#top-content; Стратегическое партнерство России и Ирана – формирование доверия и общий ответ на региональные и глобальные вызовы. 24.11.2014. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=4826#top-content

Но даже в близости антизападных взглядов Москвы и Тегерана появляются новые оттенки. Выходящий из-под санкций Иран в лице либерально-реформаторского крыла политической и бизнес-элиты, а также большинства населения все пристальнее, все с бóльшей надеждой смотрит на Запад, в первую очередь на Европейский союз³⁸. Более того, президент ИРИ Х. Роухани заявил, что Иран может иметь дружеские отношения с США. В понимании его оппонентов-фундаменталистов такое заявление – крамола и ересь, достойные порицания и осуждения³⁹.

Но главное в том, что сегодня Ирану как воздух необходимы огромные иностранные инвестиции и высокие технологии⁴⁰.

Каковы интересы России в выстраивании партнерства с Ираном: зачем России Иран?

Исламская Республика Иран играет одну из доминирующих военно-политических ролей в важнейшем регионе планеты – Западной Азии, куда входят Ближний и Средний Восток, Кавказ, зона Каспийского моря, Центральная Азия. Излишне напоминать, что Иран – мощный источник углеводородных природных ископаемых. Он обладает 10% мировых разведанных запасов нефти⁴¹ (158 млрд баррелей) и занимает четвертое место в мире после Венесуэлы (298,3 млрд баррелей), Саудовской Аравии (267 млрд) и Канады (172,9 млрд)⁴². Кроме того, в Иране сосредоточено 18,2% мирового природного газа (34 трлн м³ – первое место в мире, Россия – 32,6 трлн м³)⁴³. Территория ИРИ имеет абсолютную ценность для транспортировки нефте- и газопродуктов и в целом транспортных коммуникаций «Север – Юг» и «Запад – Восток». Более того, восьмидесятиmillionный Иран, имеющий одну из самых многочисленных армий в мире, объективно, вне любой внешнеполитической и внутривнутриполитической конъюнктуры, служит решающим фактором западноазиатской региональной и мировой политики.

После решения иранской ядерной проблемы 14 июля 2015 г. и начала процесса снятия санкций Иран стал мировым центром притяжения политики и бизнеса. Россия не может потерять эту перспективную страну и в политическом, и в торгово-экономическом плане.

³⁸ Сажин В. Иран возвращается. 01.02.2016. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=7184#top-content

³⁹ Сажин В.И. А. Хаменеи – Х. Роухани: разные взгляды на развитие Ирана. 26.03.2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27853>

⁴⁰ Роухани: Иран совершит технологический скачок в течение 4–5 лет. 03.05.2016. URL: [⁴¹ Иран прогнозирует рост цен на нефть. URL: <http://www.profi-forex.org/forex/entry1008255852.html>](http://www.pronedra.ru/globalpolitics/2016/05/03/ruhani-iran-sovershit-tehnologicheskij-skachok;Таривердиева Э. Иран осваивает крупнейшее газовое месторождение. 03.05.2016. URL: http://www.trend.az/iran/business/2528206.html; Иран больше не намерен вкладывать в нефть. 26.08.2015. URL: http://www.mt5.com/ru/prime_news/fullview/17212</p></div><div data-bbox=)

⁴² Костюкевич А. Нефтяной пакт. Зачем Владимир Путин поедет в Саудовскую Аравию? 02.07.2015. URL: http://www.ko.ru/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=130715

⁴³ ВР поставила Россию на второе место в списке газовых гигантов. URL: http://www.ya62.ru/news/economy/bp_postavila_rossiyu_na_vtoroe_mesto_v_spiske_gazovykh_gigantov

Что касается политики, то здесь приоритетный интерес Москвы, возможно, заключается в том, что Тегеран в глобальном и региональном масштабах проводит в целом антизападную политику.

Если говорить о деловых торгово-экономических отношениях двух стран, то Россия ограничена в своих возможностях всего несколькими сферами: энергетика, включая атомную; исследование космоса, в том числе запуск российскими носителями мощных стационарных спутников для практических хозяйственных нужд; железнодорожное строительство, электрификация и модернизация иранских железных дорог; сельское хозяйство на разных уровнях (от государства до малого бизнеса). Перспективная область взаимодействия – нефте- и газоразведка, а также проекты по повышению коэффициента извлечения нефти на старых иранских месторождениях с помощью российских технологий. Важным направлением может стать военно-техническое сотрудничество. Но в целом в бизнесе по причинам объективного и субъективного характера особой заинтересованности предпринимательских структур двух стран не просматривается.

Несмотря на явную активизацию в 2014–2016 гг. встреч, переговоров на разных уровнях, в том числе и высшем, в различных форматах, а также немалое количество соглашений о намерениях, лишь несколько проектов подошли к стадии реализации: Соглашение о строительстве Россией двух новых энергоблоков на площадке Бушерской АЭС⁴⁴, Соглашение о модернизации иранских железных дорог⁴⁵, Соглашение о геологоразведке железной руды⁴⁶, Соглашение между «Роснефтегазстроем» и иранской «NPC International» о создании совместной компании по производству удобрений⁴⁷, договоренности по поставкам в Иран российской автомобильной продукции⁴⁸. Некоторые подвижки наблюдаются в поставках в Россию иранской сельскохозяйственной продукции.

Россия выразила готовность выделить государственный экспортный кредит в размере 5 млрд долл. Первый транш – 2,2 млрд долл. – пойдет на финансирование контрактов на строительство электростанций и электрификацию железных дорог. Отобрано 35 приоритетных проектов в области энергетики, строительства, морских терминалов, железных дорог и т.д.⁴⁹ Но дойдут ли все эти планы до завершающей стадии? Вот в чем вопрос.

⁴⁴ Россия построит в Иране 8 энергоблоков для АЭС. Ожидаемая новость, и приятная. 11.11.2014. URL: <http://www.neftegaz.ru/news/view/132147-Rossiya-postroit-v-Irane-8-energoblokov-dlya-AES.-Ozhidaemaya-novosti-priyatnaya>

⁴⁵ Евгений Куйвашев: «Контакты между Свердловской областью и иранской провинцией Хамадан приобретают регулярный характер». 25.04.2016. URL: http://gausoiac.ru/uploads/25%20%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%98%20%D0%9E%D0%91%D0%9B%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%98/PDF/A3/%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%98%20%D0%9E%D0%91%D0%9B%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%98_A3_2016-04-25%20-%20%D0%98%D0%90_%D1%81%D1%82%D1%802.pdf

⁴⁶ Россия построит в Иране восемь энергоблоков АЭС. 11.11.2014. URL: <http://www.investfuture.ru/news/id/48928/>

⁴⁷ Товарооборот между РФ и Ираном может достичь в 2015 году 2–2,5 млрд долларов. 29.01.2015. URL: <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/tovarooborot-mezhdu-rf-i-iranom-mozhet-dostich-v-2015-godu-2-2-5-mlrd-dollarov-1000473593>

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Путин: Россия готова выделить Ирану экспортный кредит в размере 5 млрд долларов. 24.11.2015. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1577018>; РФ и Иран парафировали документы для открытия кредитной линии на \$2,2 млрд. 10.02.2016. URL: <http://www.oilcapital.ru/konyunktura/282014.html>

Развитию российско–иранских экономических связей мешает множество факторов:

- в обеих экономиках велика роль государственных корпораций и крупного капитала, тесно взаимосвязанного с бюрократическим аппаратом;
- структура экспорта России и ИРИ такова, что потребительский спрос на товары друг друга крайне незначителен (в определенной степени доказательством этому служит очень низкий уровень товарообмена);
- даже после восстановления доступа Ирана к системе передачи финансовой информации SWIFT банковские платежи между российскими и иранскими контрагентами серьезно затруднены;
- у сторон нет достаточных средств, чтобы наполнять эти платежи необходимыми деньгами, даже рублиами и риалами;
- завышены транспортные издержки в силу отсутствия современной логистики и соглашений по автомобильным перевозкам;
- малый и средний бизнес в Иране ориентирован на внутреннее потребление или соседние страны, а крупный – на Запад и Китай;
- ведению бизнеса в обеих странах сильно мешают бюрократические препоны и повсеместная коррупция, а предприниматели в большинстве своем имеют смутное представление об особенностях деловой практики обоих партнеров.

Примечательно, что, по данным ежегодного рейтинга Всемирного банка Doing Business, Иран находится на 119–м месте по простоте ведения бизнеса. В 2015 г. по индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index) он занял 130–е место в списке из 175 стран⁵⁰.

Какие шаги следует предпринять, чтобы обеспечить долгосрочные партнерские отношения России и ИРИ?

Во–первых, необходимо сформировать прочную основу, прежде всего правовую, для выработки стратегии поступательного развития сотрудничества на долгосрочный период во всех сферах: политической, экономической, военной, культурной. Без этого ожидать стабильности и устойчивости двусторонних отношений не приходится. В связи с этим следует подготовить и принять всеобъемлющий документ об основах двусторонних партнерских отношений (нестратегических) с учетом глубинных интересов двух государств и четким определением того, что их объединяет, а что разъединяет.

Во–вторых, важнейшим объектом взаимных усилий должна стать система расчетов и перевода денег, которая затрагивает буквально все сферы сотрудничества, включая туризм, обмен в области культуры, и препятствует их развитию.

⁵⁰ Corruption Perceptions Index – ежегодный рейтинг государств мира, отражающий оценку уровня восприятия коррупции международными аналитиками. Составляется компанией «Transparency International». Первое место в рейтинге получает наименее коррумпированная страна, а 175-е – наиболее коррумпированная.

В–третьих, необходимо сформировать список проектов во всех областях сотрудничества и сосредоточиться в первую очередь на них, сконцентрировав силы и средства для их практического осуществления⁵¹.

В–четвертых, немаловажным представляется информационное обеспечение процесса развития двусторонних отношений как российскими, так и иранскими СМИ.

Выводы

В заключение можно сделать несколько выводов.

1. После решения иранской ядерной проблемы 14 июля 2015 г. и начала процесса снятия санкций Иран стал важнейшим игроком на мировой и региональной политической арене и серьезным субъектом глобального рынка.
2. Россия заинтересована в развитии прочных партнерских отношений с Ираном. Цель России – установить в кратчайшие сроки и на длительный период надежные связи, которые не были бы подвержены влиянию как внутривосточной, так и внешнеполитической конъюнктуры.
3. Возможности конкурентной борьбы России на иранском рынке ограничены не в последнюю очередь в силу серьезных кризисных явлений, которые имеют место в российской экономике.
4. Наряду с позитивными сторонами российско–иранского сотрудничества, которые выражаются в общих или близких интересах, существуют и негативные. Одна из них – явная тенденция к повороту постсанкционного Ирана в сторону Запада.
5. В связи с изменением внутривосточной обстановки в России и в Иране, изменилась и ситуация вокруг этих стран. Налаживание партнерских, доверительных отношений между Москвой и Тегераном, проводящим более реалистичную, прагматическую политику внутри страны, в регионе и мире, будет способствовать всестороннему развитию политических, торгово–экономических, научных и культурных связей и установлению основ безопасности на южном и восточном стратегических направлениях.
6. Учитывая политические, идеологические, психологические, торгово–экономические и даже философские факторы, влияющие на двусторонние связи, представляется корректным не использовать для их определения термин «стратегическое партнерство», а идентифицировать нынешнее состояние российско–иранских отношений как прагматическое партнерство, устремленное в будущее.

⁵¹ Хлопков А., директор Центра энергетике и безопасности РФ. Выступление на конференции «Развитие стратегического партнерства России и Ирана», Москва, 24 ноября 2014 г. // Стратегическое партнерство России и Ирана – формирование доверия и общий ответ на региональные и глобальные вызовы.
URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=4826#top-content

Предисловие

Отношения Ирана и России за последние 25 лет приобрели совершенно иную логику и содержание. Как в Иране после революции и войны, так и в России после распада СССР сформировались новые политические системы. Кроме того, существенно изменилась ситуация на региональном и международном уровнях. Важнейшей особенностью этого периода было отдаление России от Южного Кавказа и Центральной Азии. С другой стороны, письмо имама Хомейни М. Горбачеву открыло новые возможности для развития двусторонних отношений. В итоге геополитические и идеологические изменения привели к формированию нового типа отношений между Тегераном и Москвой, причем этот процесс происходил под сильнейшим влиянием Запада, определявшим укрепление или ослабление двустороннего сотрудничества. Этот фактор, в особенности в России, всегда играл значительную роль.

Отношения Тегерана и Москвы в этот период можно рассмотреть на двух важных примерах: военное сотрудничество, противостояние общей угрозе в Афганистане с 1996 по 2001 г. и Сирии в 2012–2016 гг., с одной стороны, и поддержка Россией шести резолюций Совета Безопасности ООН по поводу ядерного досье Ирана – с другой. Очевидно, что характер ирано–российских связей различался на двустороннем, региональном и международном уровнях, и ожидать стратегического партнерства можно только в рамках региона. В данной статье я постарался обосновать это утверждение, представив анализ отношений между Ираном и Россией на трех вышеупомянутых уровнях с точки зрения перспектив стратегического партнерства.

Технологии и рынок

Товарооборот Ирана и России с 1991 по 2000 г. достиг 3 млрд долларов, и с начала 2001 по 2010 г. равнялся примерно 4 млрд долларов, затем в 2010–2013 гг. он снизился до 1,5 млрд. Конечно, эта цифра по сравнению с показателями товарооборота с другими странами (например, отношения двух стран с Турцией, где примерный объем товарооборота составляет 40 млрд долларов) очень мала. С началом нового периода президентства Владимира Путина в 2012 г. из-за проблем, связанных с возобновлением политики расширения НАТО и проектом размещения систем ПРО НАТО в Чехии, Польше, Румынии и Турции, отношения России и Запада стали более напряженными, а с украинским кризисом обострились и даже привели к введению санкций против России со стороны ЕС и США. Однако по причине правовой основы санкционного режима эти новые противоречия не оказали влияния на улучшение экономических отношений Ирана и России, и объем торгового оборота с Ираном также остался на уровне 1 млрд долларов.

Сотрудничество Ирана и России в урегулировании сирийского кризиса начиная с 2012 г., политика правительства нового президента Исламской Республики Иран Хасана Роухани и активизация дипломатических контактов с Россией, а также постоянные встречи официальных лиц, направление нового посла и укрепление взаимодействия между Тегераном и Москвой

**Джахангир
КАРАМИ,
эксперт IRAS**

позволили в последующие 2013–2014 гг. лишь остановить спад в торговле, а затем стимулировать рост на 0,5 млрд долларов. На сегодняшний день для обеспечения дальнейшего роста в этой сфере сделано многое: состоялось подписание всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве на 70 млрд долларов сроком на 10 лет, соглашения о ключевых этапах развития сотрудничества на 40 млрд долларов, дополненного активизацией межправительственных комиссий. Кроме того, в отношениях двух стран наблюдались сдвиги с начала переговоров и первичных соглашений по ядерной программе. В этой связи можно указать на область технологий и формирование комитета по технологиям и вопросам передачи технологий, а также на такие отрасли, как связь, железные дороги, воздушное и железнодорожное сообщение. Кроме того, следует отметить соглашения по вопросам тепловых и ядерных электростанций, нефтегазовой промышленности, рудников и металлургии, космической промышленности, а также – особенно в последние месяцы – договоренности в области сельскохозяйственной, молочной, мясной продукции и морепродуктов.

Однако важнейшей областью, подверженной наиболее сильному влиянию санкций, являлась банковская и финансовая сфера, которая в последние 6 лет была основным препятствием в развитии отношений Тегерана и Москвы. Кажется, что окончательное снятие санкций позволит, наконец, экономическим отношениям Ирана и России выйти на желаемый уровень.

Новое правительство смогло предпринять важные дипломатические шаги для расширения связей и запуска авиарейсов IranAir и Mahan и содействовать снижению таможенных тарифов на сельскохозяйственную, животноводческую продукцию, в том числе молочные продукты, мясные продукты и морепродукты для экспортеров наших стран. К числу дополнительных мер, которые будут предприняты с учетом перспективы снятия санкций после реализации совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана, можно отнести усилия по упрощению и отмене визового режима, переговоры по созданию совместного инвестиционного банка, соглашения об инвестировании со стороны России на 40 млрд долларов, кредитная линия на 5 млрд долларов и 2 млрд долларов со стороны российских банков. Так, в сфере пищевой промышленности и сельскохозяйственной продукции иранские производители получают доступ к рынку сбыта в 140 млн человек. Среди последних действий, предпринятых Ираном, можно отметить поднятие вопроса о создании зеленого таможенного коридора с целью упрощения электронной отгрузки товаров, благодаря чему стало возможным начало переговоров о создании зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), с тем чтобы иранские экспортеры могли использовать механизмы приоритетной торговли, что в перспективе может стимулировать развитие ненефтяного экспорта Ирана. Устранение основного фактора ослабления экономических связей Тегерана и Москвы и появление возможности сотрудничества в финансовой и банковской сферах, а также реализация ряда мер, способствующих преодолению последствий санкционного режима, могут способствовать восстановлению торгового оборота двух государств до 4 млрд долларов – уровня 2001–2007 гг.

В настоящее время, в условиях когда Россия оказалась под давлением санкций Запада, а отношения с Турцией также ослабли, торговые отношения Тегерана и Москвы начинают снова укрепляться. В этих условиях ряд дополнительных мер может усилить экономическую взаимозависимость, создав основу для сближения в области политики и безопасности. В этой связи следует указать на действия по организации коридора «Север – Юг» и воздушного сообщения для скорейшей перевозки продовольственных и сельскохозяйственных товаров, подготовку правовой и ИТ инфраструктуры, активизацию зон свободной торговли, таких как Арас и Энзели.

Иран и Россия также сотрудничали друг с другом в военно-технической сфере. Иран в этот период стал третьим военным партнером России после Китая и Индии. В соответствии с соглашением на 15 млрд долларов между Ираном и СССР от 1989 г., примерно 2 млрд долларов отводилось на покупку военной техники и соответствующих технологий. В 2001 г., несмотря на давление со стороны США, важным инструментом которого оставалось соглашение «Гор – Черномырдин» от 1995 г. (в соответствии с которым после окончания 10-летнего срока договора 1989 г. с Ираном не допускалось заключение нового соглашения в области передачи вооружений), Россия отменила вышеупомянутое соглашение и подписала договор о военном сотрудничестве на десятилетний срок с министерством обороны Ирана. Согласно заявлениям некоторых российских экспертов, военное сотрудничество с Ираном ежегодно приносило Москве прибыль в 300 млн долларов.

Процесс военно-технического сотрудничества после кризиса в Косово и прихода к власти Путина претерпел радикальные изменения: официальные лица обеих стран пришли к основополагающему соглашению о военном сотрудничестве, а Россия настаивала на недействительности соглашения «Гор – Черномырдин». Обе страны договорились в ходе продолжительного военного сотрудничества консультироваться по вопросам безопасности, держать друг друга в курсе военных доктрин, устройства армии и информировать об угрозах совместной безопасности, а также содействовать расширению военных связей, двустороннему обмену, военному обучению иранцев в российских учебных заведениях. Однако эти планы в последующие годы претерпели изменения под влиянием отношений России и Запада, в особенности с улучшением отношений России и США и присоединением России к резолюциям, касающимся санкций в отношении Ирана по поводу его ядерной программы, что продолжалось до прихода к власти Хасана Роухани. В период после соглашения по ядерной программе Ирана военное сотрудничество Ирана и России возобновилось. В любом случае, двусторонние связи Ирана и России в торговой и технической сферах обладают важным потенциалом для развития, так как военные и гражданские технологии России имеют огромную важность для Ирана, а рынок Ирана также может решить ряд проблем сбыта для российского производства. В области сельскохозяйственной продукции Иран способен снизить давление от санкций, которому подверглась Россия.

Стабильность и баланс в геостратегических регионах

Иран и Россия после 1992 г. постепенно пришли к общему пониманию взаимных интересов в Центральной Азии, Прикаспийском регионе и на Кавказе, что стало основой для сотрудничества в этих регионах. Опасность роста влияния западных стран и их союзников, распространения существовавших кризисов в этих регионах на внутреннюю территорию двух государств оказало влияние на развитие двусторонних отношений. Поэтому на региональном уровне обе страны могут в случае необходимости наладить более плодотворное сотрудничество. В Центральной Азии, Прикаспийском регионе и на Кавказе обе страны имеют возможности и потенциал для того, чтобы создать такие структуры, как, например, Организация стран Прикаспийских государств, для разрешения проблем, обеспечения безопасности и сотрудничества. Эти организации могут содействовать региональному развитию и экономическому, культурному и политическому сближению.

Исламская Республика Иран в качестве мусульманской страны и прогрессивного политического режима способна продемонстрировать альтернативу политике других государств, которые пропагандируют вражду с Россией. Обе страны выражают сильное беспокойство по поводу кризиса Карабаха, а Исламская Республика Иран старалась выступать посредником между сторонами. С 1994 г. в Тегеране и Москве был проведен ряд встреч между участниками внутреннего конфликта в Таджикистане что позволило добиться преодоления кризиса в 1996 г. Необходимо также отметить сотрудничество в поддержке коалиции на севере Афганистана с 1996 по 2001 г., которое дало возможность сопротивляться агрессии Талибана. В действительности, с точки зрения Тегерана и Москвы, радикальные движения, в том числе этнические и религиозные, в приграничных регионах ставят под угрозу их интересы, и поэтому Иран и Россия во многих областях смотрели друг на друга не как на соперников, а как на партнеров и предпринимали усилия для решения проблем.

Отношения Ирана и России с учетом роли обеих стран в геостратегических регионах Среднего Востока и Центральной Евразии, а также их общие интересы на этой арене являются жизненно важными. Кроме того, роль Ирана и России в вышеупомянутых регионах обязывает их к сотрудничеству для противостояния существующим и формирующимся угрозам. Естественно, до тех пор, пока в центре международной системы отношений стоит борьба за власть и сферы влияния – особенно со стороны основных держав, стремящихся сохранить свои позиции, – региональное сотрудничество и взаимная поддержка являются основой для обеспечения интересов и национальной безопасности. Установление равновесия и баланса в международных отношениях также требует устойчивости связей с важными игроками на региональном уровне и соблюдения их интересов. Обе страны крайне обеспокоены проникновением внерегиональных сил и стремятся сохранить существующее геополитическое положение в регионе, выступая за защиту независимых, признанных и обладающих национальным суверенитетом государств. Оба государства также придают большое значение противодействию радикализму и терроризму и активно сотрудничают в этой сфере.

Взаимодействие Ирана и России в связи с региональными кризисами было и остается важным вопросом; Иран и Россия с 1996 по 2001 г. в Афганистане поддержали Северный Альянс в борьбе с «Талибаном», и Иран даже использовал российскую территорию для перевозки вооружений для Альянса. В случае с Сирией Иран и Россия также имеют пятилетний опыт сотрудничества на различных уровнях, одним из последних примеров которого было использование Россией иранского аэродрома Хамадан. Этот уровень сотрудничества является стратегически важным и перспективным, а развитие отношений может продолжаться не в ущерб интересам других стран. Если Иран и Россия не смогут сотрудничать в общих регионах, в особенности на Южном Кавказе и Ближнем Востоке, то нестабильность и нарушение регионального равновесия могут иметь опасные последствия для обеих стран.

Многополярная и многоуровневая международная система

Система международных отношений в последние десятилетия постепенно переходила от однополярности и концентрации власти к многополярности и рассредоточению власти. Сегодня в мире сложилась многополярная система, и хотя США в различных областях предстают в качестве влиятельной международной державы, но и другие игроки, такие как Евросоюз, Россия, Китай и даже региональные державы, заняли новые позиции. Страны БРИКС, среди которых Россия, Бразилия, Индия, Южная Африка и Китай также играют важную роль. Наряду с изменением системы международных отношений возник другой вопрос, а именно – сближение геостратегических мировых регионов в последние 2–3 десятилетия. Китай создал в Центральной Азии четыре крупных энергетических маршрута, три из которых активны и четвертый находится на стадии строительства. С другой стороны, ЕС проникает в регион с инициативой Восточного партнерства. Сегодня Грузия в рамках этого проекта достигла крупного торгового соглашения с ЕС. Поэтому регион Восточной Азии распространился до границ Прикаспийского региона за счет Китая, и Евро–Атлантический регион также расширился до этой территории, что привело к существенному укреплению связей между Центральной Азией и Ближним Востоком. То есть взаимодействие между Россией и Ираном и Россией и Турцией расширилось, в результате чего возник важный единый регион, который занимает территорию от Черного до Каспийского моря, и все крупные мировые державы от Китая до США, Европы и России и региональных держав, таких как Иран, Турция и даже Саудовская Аравия на этой территории вынуждены тесно взаимодействовать друг с другом.

Кризисы в Сирии и Украине являются важнейшими проявлениями этого процесса, в котором столкнулись интересы важнейших международных игроков. Иран и Россия выступают против однополярной системы международных отношений, ориентированности на Запад и того, что США играет решающую роль в международных проблемах. Оба государства поддерживают концепцию многополярной международной системы, в которой НАТО не будет расширяться и политические правила Запада не будут наносить ущерб международно–признанным основам, таким как национальный суверенитет, Вестфальская система международных отношений и принцип невмешатель–

ства во внутренние дела других стран. Противодействие давлению США с целью изоляции Ирана и России, укрепление позиций на международном уровне за счет сотрудничества с независимыми государствами, не удовлетворенными существующим положением, и предотвращение расширения НАТО являются важнейшими общими темами в области внешней политики двух государств. Однако, несмотря на наличие общих интересов, на практике мы не видим обширного сотрудничества между Тегераном и Москвой.

Стратегический характер сотрудничества

Для анализа стратегического сотрудничества двух стран необходимо разделить категории «стратегический союз», «стратегическое партнерство» и дать определение понятию «стратегическая деятельность». «Стратегическая деятельность» является понятием, относящимся к безопасности, жизненно важным и долгосрочным проблемам в конкурентной среде. Стратегический союз – это наивысшая степень сотрудничества двух или нескольких государств против общей угрозы в течение длительного времени и в рамках четких механизмов, в то время как стратегическое партнерство может быть сотрудничеством против одной общей угрозы, в одном общем вопросе и в определенный период. Поскольку этот уровень сотрудничества не предполагает долгосрочности, применение выражения «стратегический» для него не точно, если только это партнерство не будет повторяться в схожих случаях.

Отношения Ирана и России за прошедшие 25 лет, то есть с момента распада СССР до настоящего времени, можно проследить в рамках двух линий. Устойчивая линия – Иран и Россия на региональном уровне в течение этого периода сотрудничали друг с другом по различным вопросам. Это сотрудничество имело место в Афганистане, Центральной Азии, Каспийском регионе, на Кавказе и Среднем Востоке. После гражданской войны в Таджикистане в начале 1990-х, а затем в период власти Талибана в Афганистане с 1996 по 2001 г., в рамках кризиса в Сирии с 2012 г. Тегеран и Москва наладили военное и дипломатическое сотрудничество. Это сотрудничество по вопросам безопасности и для сохранения стабильности в регионе имело большое значение для предотвращения развития терроризма и нестабильности. Большую роль сыграли Иран и Россия в стабилизации ситуации и окончании гражданской войны в Таджикистане. Это способствовало укреплению таджикского государства и во многом определяло положение страны вплоть до настоящего времени. Трудно представить, как Тегеран и Москва без сотрудничества друг с другом боролись бы с терроризмом и агрессией в Сирии и каково было бы положение в регионе и в самой Сирии. Без этого сотрудничества не только ситуация в Сирии и на Среднем Востоке, но даже на Кавказе и внутри границ Ирана и России также была бы нестабильной. Однако можно ли назвать сотрудничество Ирана и России стратегическим партнерством? Конечно, его нельзя считать стратегическим союзом, но с учетом предложенного определения партнерство по региональным вопросам является стратегическим, поскольку обе страны в трех вышеупомянутых случаях (гражданская война в Таджикистане, про-

тивоедействие «Талибану» в Афганистане и кризис в Сирии) неоднократно шли на сотрудничество в военной сфере и в сфере безопасности на информационном и операционном уровнях с целью борьбы с нестабильностью и сохранения регионального баланса. С этой точки зрения, использование понятия «стратегическое партнерство» не будет неправильным. Однако помимо этого стратегического партнерства на региональном уровне мы наблюдали взлеты и падения в двусторонних отношениях, в особенности по вопросу санкций и в годы президентства Д. Медведева, который проводил политику сближения с Западом.

До 2008 г. торговый оборот Ирана и России составлял примерно 4 млрд долларов; с 2009 до 2013 г. этот показатель сократился до 1,5 млрд долларов, однако на международном уровне обе страны выражали беспокойство относительно создания однополярной системы, политики Америки и расширения НАТО, игнорирования вопросов национального суверенитета и вмешательства Запада и западных организаций в дела других стран. Конечно, эти общие интересы во внешней политике существовали только на уровне заявлений и в результате не привели к формированию практического сотрудничества и конкретного соглашения между двумя государствами.

Возможно, важнейшей проблемой в отношениях двух стран в последние десятилетия является то, что до сих пор это взаимодействие не отличается системностью и желаемой стабильностью. Это, в свою очередь, связано со многими факторами, ключевым среди которых является то, что отношения двух стран больше всего зависели от характера взаимодействия России и Запада, и до сих пор не сформировалась независимая основа, опирающаяся на взаимные интересы. Другим важным фактором, осложняющим взаимодействие, можно назвать отношение иранцев и русских друг к другу, а также объективные обстоятельства, влияющие на взаимное восприятие России и Ирана. Стоит подчеркнуть, что до тех пор, пока отношения Ирана и России не смогут превратиться в сформировавшееся сотрудничество с ясными определяющими соглашениями и структурой, так же, как и 25 лет назад, они будут зависеть от отношений России с Западом и носить временный характер, что отрицательно скажется на интересах обеих стран в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

С учетом ухудшения ситуации вокруг безопасности в мире и распространения кризисов от Африки до Китая, отсутствия четкой позиции США и Запада по поводу этих кризисов, втягивания Запада в Ближневосточный регион, Центральную Евразию и Восточную Азию крайне важно, что сотрудничество Ирана и России на региональном уровне не направлено против других стран, а Тегеран и Москва могут успешно сотрудничать в данных сферах и достичь стратегического партнерства для обеспечения безопасности, стабильности и поддержания баланса в регионах общего соседства.

Выводы

Два государства, Иран и Россия, не являются угрозой друг для друга, несмотря на случаи соперничества между ними, которые имели место в прошлом.

На двустороннем, региональном и международном уровнях они могут способствовать продвижению интересов друг друга. Отношения Ирана и России на двустороннем и международном уровнях столкнулись со многими трудностями, и до сих пор не удалось реализовать весь имеющийся потенциал, особенно на двустороннем уровне. Сотрудничество в торговой и технической областях также имеет хорошие перспективы. В этой связи военные и гражданские технологии России обладают огромной значимостью для Ирана, а рынок Ирана открывает ряд возможностей для производителей России. В области сельскохозяйственной продукции Иран способен снизить санкционное давление на Россию.

Сотрудничество Ирана и России в решении региональных кризисов является очень важным; Иран и Россия в Афганистане поддержали Северный Альянс, и Иран даже воспользовался территорией России для перевозки вооружений для Альянса. В случае с Сирией это сотрудничество также осуществлялось на различных уровнях, важнейшим примером чего было использование аэродрома Хамадан. Этот уровень является стратегически значимым, а отношения на нем могут развиваться не в ущерб интересам других стран. Если Иран и Россия не смогут сотрудничать в регионах общего соседства, в особенности на Южном Кавказе и Среднем Востоке, нестабильность в регионе и нарушение регионального баланса могут иметь опасные последствия для обеих сторон. Кажется, что проблема Сирии и сотрудничество в сфере безопасности может стать основой для того, чтобы стратегическое партнерство было реальным.

Иран и Россия сотрудничают при решении различных проблем региона: от Афганистана и Центральной Азии до Прикаспийского региона, Кавказа и Среднего Востока – и предпринимают совместные шаги в том, что связано с установлением стабильности, противодействием терроризму, а также сохранением государственных структур и региональных границ. С учетом предложенного определения понятия «стратегическое сотрудничество» сотрудничество Ирана и России в региональных вопросах можно назвать стратегическим, так как обе страны во всех трех случаях (гражданская война в Таджикистане, противодействие «Талибану» в Афганистане и кризис в Сирии) предприняли шаги для сотрудничества, и с этой точки зрения можно говорить о стратегическом партнерстве в интересах обеих стран и даже в интересах народов региона против нестабильности и терроризма.

Тема 2. Взгляды России и Ирана на систему глобального управления

Трансформация мирового порядка

В мировой политике происходят радикальные перемены. От биполярного мира периода холодной войны через неудавшийся проект однополярного мира идет движение к новой модели организации международных отношений – полицентричной. Соединенные Штаты теряют свою лидирующую роль в мировых делах. Влияние европейских государств также снижается. США и западные государства в целом все чаще уклоняются от ответственности за решение возникающих проблем. Такие страны, как Россия и Иран, играют важную роль в формировании нового мирового порядка. Однако они, как и другие державы, заявляющие о своих интересах в области международной политики, часто сталкиваются с их игнорированием со стороны западных государств.

Хотя новые принципы международных отношений еще далеко не сформированы, уже сейчас произошли существенные изменения в наследии Вестфальской системы международных отношений. Это наследие включало принципы невмешательства во внутренние дела других государств, уважения национального суверенитета, отказа от использования силы или угрозы применения силы.

Как понимание этих принципов, так и применение их на практике претерпели существенные изменения. Некоторые государства считают себя вправе по-новому интерпретировать эти принципы. Такие односторонние шаги, как создание коалиций для применения силы (без соответствующих решений ООН), или односторонние санкции, идут в разрез с принципами ООН, а так же международных экономических и торговых организаций, например, ВТО.

В международном правовом поле оправдываются агрессивные шаги, противоречащие вестфальским принципам. Частым явлением стало изменение границ, расчленение государств и других форм грубого нарушения принципов суверенитета и целостности других государств. Несмотря на устав ООН, использование силы или угроза ее применения стали средством, к которому часто прибегают мировые державы.

В ответ на изменяющиеся условия в международных отношениях сторонники полицентричного мирового порядка пытаются сформировать различные объединения с тем, чтобы вместе бороться с глобальными вызовами. Эти страны заинтересованы в таком мировом порядке, в основе которого лежали бы принципы, выработанные в рамках многосторонних институтов. Эти принципы должны быть всеобъемлющими, глобальными, эффективными и справедливыми.

Процесс перехода к полицентричной модели международных отношений еще находится на начальном этапе. Основные игроки мировой политики

**Петр
ТОПЫЧКАНОВ,
эксперт РСМД**

принимают активное участие в формировании новых правил игры на мировой арене, стремятся закрепить за собой наиболее значимые роли в будущем мировом порядке. Этими стремлениями во многом определяется неустойчивость текущей мировой политики.

На масштабы глобальной неустойчивости влияют такие факторы, как глобализация, технологический прогресс, революция в сфере коммуникаций. Это все в значительной степени увеличило масштабы неустойчивости. Есть основания полагать, что из-за этих факторов период неустойчивости в мировой политике может затянуться. Запутанность и непредсказуемость данного периода заставляет игроков мировой политики вести более рискованную политику.

Ошибочные оценки собственных и чужих возможностей, неправильное понимание намерений других игроков приводят к потере позиций на мировой арене. И, наоборот, правильные оценки особенностей переходного периода, грамотное планирование, реалистичный взгляд на слабые и сильные стороны собственной и чужой политики помогают укрепить позиции на международной арене.

В условиях перехода от биполярного к полицентричному миру проблемы международной безопасности приобретают большие остроту и масштаб. Среди главных проблем международной безопасности выделяются следующие: распространение оружия массового уничтожения, терроризм и религиозный экстремизм, кризисы в Сирии, Ираке, Афганистане, Ливане, в зоне Персидского залива.

Сирийский кризис оказывает значительное влияние на глобальную безопасность. Российско-иранское взаимодействие может помешать этому кризису превратиться в долгосрочный источник региональной и глобальной нестабильности.

Важным вопросом, связанным с системой глобальной безопасности, является афганское урегулирование. Без внутриафганского урегулирования говорить о создании системы безопасности в регионе и даже в глобальном смысле, было бы ошибочно. Соседи Афганистана, включая Россию и Иран, будут играть важнейшую роль в недопущении возникновения хаоса в Афганистане, роста угроз региональной и глобальной безопасности. Трудно переоценить роль России и Ирана как одних из ключевых участников процесса афганского урегулирования.

Глобальная безопасность предусматривает тесное сотрудничество всех стран без исключения, независимо от их национальных интересов, в сосредоточении усилий на борьбе с общими угрозами. От того, смогут ли Россия, Иран и другие сторонники полицентричного мирового порядка обеспечить такой уровень сотрудничества, во многом будет зависеть то, как и когда будет завершён переход от биполярного к полицентричному миру.

Регионы играют важную роль в складывании полицентричного мирового порядка. Глобализация, которая является одним из ключевых факторов

текущего переходного периода, сопровождается повышением роли регионов и региональной политики. В целом, международные отношения все больше основываются на региональном сотрудничестве.

Учитывая расплывчатость понятия региона, его можно интерпретировать и как сферу сотрудничества, и как арену соперничества. Региональные игроки могут воспользоваться существующими региональными структурами для налаживания диалога друг с другом и игроками из других регионов. Недостаточная эффективность таких структур в одних случаях, их отсутствие – в других, или же пренебрежение ими – в-третьих, – все это может стать причиной трудностей на пути внутри- и межрегионального диалога. Однако появление внешних или региональных соперников заставляет другие региональные державы уделять большее внимание региональным структурам и повышать их значение в региональной и глобальной политике.

В теории международных отношений сформировались такие понятия, как «многорегиональный мировой порядок» и «мир регионов». Эти понятия отражают происходящие изменения в мировой политике. Возросшая взаимосвязь между глобальным и региональным уровнями мировой политики стала очевидна для основных игроков в международных отношениях, которые стали более активно пытаться извлечь прибыль из своих возможностей, обусловленных региональными особенностями. Поэтому существующие и зарождающиеся региональные и межрегиональные объединения становятся значимым явлением переходного периода между биполярным и полицентричным миром.

Для лучшего понимания возможностей стратегического партнерства между Россией и Ираном нужно обращать пристальное внимание на изменения не только на глобальном, но и региональном уровнях. Среди важных для этих двух стран регионов следует выделить Ближний Восток, где происходят серьезные изменения системы безопасности. В этом регионе исчерпаны возможности традиционных инструментов поддержания безопасности, например, вооруженных сил. Внешние игроки, прежде всего Соединенные Штаты, утратили способность выступать гегемоном на Ближнем Востоке. Для США значительно увеличилось затраты на реализацию региональной политики, а так же изменились ее формы, включая способы применения силы. Европейские государства не готовы играть определяющую роль на Ближнем Востоке, хоть и считают его регионом, в котором у них есть интересы.

В этих условиях российское и иранское взаимодействие со странами Ближнего Востока приобретает особое значение. Возросшая активность этих двух государств заметна во многих сферах региональной политики. Российско-иранское сотрудничество на Ближнем Востоке может стать одной из основ двустороннего стратегического партнерства.

Другой важный для России и Ирана регион включает пять прикаспийских стран и страны водосбора Каспийского моря. Помимо того, что эти государства располагают богатыми возможностями в области природных ресурсов и экономики, в целом, они так же могут играть важную роль в установлении

мира и стабильности в регионе. Важным вызовом, стоящим перед данными странами, является выработка совместного понимания сложившихся условий в мировой политике и собственных действий в этих условиях.

Помимо таких традиционных регионов, как Ближний Восток или прикаспийский регион, появляются новые. Вместо привычного термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» все чаще можно услышать термин «Индо-Тихоокеанский регион». Появление этого понятия, объединяющего государства, расположенные в акваториях Индийского и Тихого океана, отражает складывание новых политико-экономических связей и, одновременно, новых проблем безопасности, включая энергетическую безопасность.

Для каждой из стран Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Южной Азии, объединенных понятием Индо-Тихоокеанского региона, обеспечение импорта энергоресурсов является важнейшей задачей, не решив которую они не смогут поддерживать необходимые темпы экономического развития. Это лишь один из примеров, демонстрирующий значительные возможности, которыми располагают Россия и Иран в Индо-Тихоокеанском регионе.

России и Ирану не хватает стратегического видения

В России распространено мнение, согласно которому политика западных стран в некоторой степени соответствует российским интересам, поскольку она создает дополнительные стимулы для развития особых отношений между Москвой и Тегераном. Такое мнение представляется не только неверным, но и опасным. Нельзя строить российско-иранское стратегическое партнерство на основе политической конъюнктуры. Это основание представляется слишком ненадежным.

Российско-иранские отношения пока лишены того фундамента, который позволил бы говорить о реальном, а не декларативном стратегическом партнерстве. Более того, несмотря на потребности, связанные с проблемами на региональном и глобальном уровнях, Россия и Иран так и не смогли создать адекватные этим потребностям экономические, научно-технические и образовательные связи.

Опыт российско-иранского взаимодействия по решению глобальных и региональных проблем свидетельствует о недостатке стратегического видения. Это подтверждают примеры афганской и сирийской проблем.

В 1990-е гг. Россия и Иран предпринимали совместные усилия по ограничению влияния талибов в Афганистане. Эти усилия включали, но не ограничивались помощью Северному альянсу, выступавшему главным оппонентом «Талибана». Несмотря на успешное сотрудничество России и Ирана в Афганистане, эти два государства не смогли выработать общее понимание желаемого будущего Афганистана. В отсутствие стратегического видения Россией и Ираном афганского развития после свержения режима «Талибан» инициатива в определении направлении этого развития перешла к США и их союзникам.

Подобная ситуация повторяется в российско–иранском взаимодействии по Сирии и ИГИЛ. Несмотря на близкие позиции России и Ирана в отношении этих проблем, они так и не смогли достичь общего понимания относительно желаемого развития Сирии и всего региона Ближнего Востока. Россия и Иран пока не сформировали общий подход относительно основных механизмов урегулирования сирийской проблемы и контроля за развитием дальнейшей ситуации на территориях, на которых сегодня идут боевые действия.

России и Ирану не хватает долгосрочного видения тех или иных проблем. Выработка такого видения по названным и другим проблемам станет одной из важных основ российско–иранского стратегического партнерства.

Совпадение взглядов в глобальных вопросах

Идеи и принципы, на которых строятся российско–иранские отношения, были зафиксированы еще в Договоре об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 12 марта 2001 г. Это та основа, которая дает обоим государствам достаточный простор для развития многопланового сотрудничества.

По важнейшим проблемам мировой и региональной политики Россия и Иран имеют близкие или совпадающие позиции, будь то, например, построение полицентричного мирового порядка, укрепления роли ООН в международных делах, ситуация в Афганистане, сирийское урегулирование. Совпадение позиций России и Ирана служит во благо укрепления стабильности и безопасности не только на региональном, но и на глобальном уровне. К настоящему времени Россия и Иран создали прочную основу для продолжения диалога по всей этой проблематике и дальнейшего укрепления российско–иранского партнерства в целом.

Значительные возможности для сотрудничества между Россией и Ираном существуют в сфере выстраивания новой системы международных отношений, основанной на равноправии, уважении, принципах неприменения силы, независимости всех государств, безотносительно их величины и силы, и, что особенно важно в нынешних условиях, на понятии о справедливости. Последнее понятие недостаточно активно используется в международных отношениях. Ввод этого понятия в активный оборот соответствует интересам как России, так и Ирана.

Несовпадение взглядов

Российско–иранские дискуссии последних лет показывали два взаимосвязанных противоречия в позициях представителей двух стран. Первое противоречие было связано с иранской ядерной программой.

Россия всегда была заинтересована в снятии международных санкций с Ирана и никогда не поддерживала введение односторонних санкций против этой страны. Однако Россия голосовала за несколько резолюций Совета Безопасности ООН по иранской ядерной программе – в 2006 (резолюции №1696 и №1737), 2007 (резолюция №1747), 2008 (резолюции № 1803 и

№1835) и 2010 г. (резолюция №1929). Резолюции №№ 1737, 1747 и 1929 ввели санкции против Ирана.

Россия ни разу не то что не наложила вето, она даже ни разу не воздержалась. Причина, по которой Россия таким образом голосовала в Совете безопасности ООН, очевидна. Она была заинтересована в соблюдении Ираном требования СБ ООН, т.е. в ограничении своей ядерной программы и обеспечении ее максимально возможной транспарентности перед МАГАТЭ. Именно таким виделся в Москве иранский путь к полному выходу из-под режима санкций.

Ключевые интересы России заключаются в укреплении режима ядерного нераспространения, региональной стабильности и широкомасштабном сотрудничестве с Ираном.

Второе противоречие связано с позицией некоторых иранских специалистов, которые уверены в том, что стратегическое партнерство между Россией и Ираном может иметь своей целью, во-первых, создание баланса против Запада и, во-вторых, «обуздание» антироссийской и антииранской политики Запада. Для большинства российских участников важной особенностью российско-иранских отношений является их ненаправленность против третьих стран.

Приоритеты сотрудничества

Российско-иранское стратегическое партнерство должно быть основано на прочной и транспарентной инфраструктуре. Развитие связей в таких сферах, как энергетика, транспорт, современные технологии, включая информационные и космические, могут и должны сыграть ключевую роль в формировании новой модели российско-иранских отношений. Независимая позиция двух стран на мировой арене может сыграть важную роль в формировании повестки дня таких региональных организаций, как ШОС.

Но для того, чтобы развитие стратегического партнерства между Россией и Ираном стало успешным, этим странам необходимо не просто доверие, а правильное понимание целей и интересов друг друга. Россия и Иран должны больше говорить о том, как ими понимаются интересы друг друга, корректировать это понимание и избегать неправильных интерпретаций. Поэтому так важно правильное взаимодействие между научными и экспертными сообществами России и Ирана, которые должны способствовать построению стратегического партнерства.

**Мохаммад
Казем
САДЖАДПУР,
эксперт IRAS**

Каким образом следует рассматривать подходы Ирана и России к системе международных отношений? Этот вопрос для исследователей, занимающихся вопросами внешней политики и международных отношений, является ключевым в силу того, что Россия и Иран являются глобальными игроками, а также в свете недавних улучшений в отношениях между ними. Однако ответ на него невозможно дать исключительно на основании укоренившихся подходов и взглядов. Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо прежде всего отметить, что система международных отношений не является окончательно сформировавшейся, а находится на стадии становления.

Становление означает, что большинство игроков, в частности западных, не оставляют попыток оказать влияние на формирование международной системы путем развития различных дискурсов, интерпретаций и нарративов с помощью широкого набора концепций и других предложений. Иными словами, согласно распространенному представлению, они стремятся занять важное место не только на региональной, но и на общемировой арене, используя различные подходы, в том числе формируя и распространяя новые идеологические концепции в глобальном масштабе. Кроме того, следует иметь в виду, что система международных отношений – это не только формирование дискурса, восприятий и идеологий, но и объективный физический процесс, в котором также действуют различные акторы. Другими словами, следует учитывать постоянную взаимосвязь между идеологическими концепциями и объективной реальностью. С этой точки зрения, множество вопросов, связанных с системой отношений на международном уровне остаются открытыми без каких-либо надежд на их скорейшее разрешение. Таким образом, международная система находится на стадии становления и до перехода на новый устойчивый этап необходимо пройти немалый путь.

Несмотря на динамический характер соотношения между дискуссиями и реальностью, нельзя отрицать, что подходы Ирана и России к развитию системы международных отношений следуют в общем русле продолжающихся дискуссий по данному вопросу. Выдвигаемые ими идеи и проводимая их правительствами политика раскрывают их подходы к формирующейся системе. Наши страны могут иметь разные точки зрения на то, какой должна быть новая мировая система, равно как и наши ученые, эксперты и чиновники могут по-разному интерпретировать происходящие в мире события. Однако, опираясь на три понятия – «поляризация власти в системе международных отношений», «институты власти в международной системе», а также «актуальные процессы в системе международных отношений» можно представить картину основных подходов к системе международных отношений Ирана и России. Внимательное рассмотрение этих понятий прояснит сходства и различия во взглядах Ирана и России на указанную систему.

А. Поляризация системы международных отношений. Прежде всего, нужно иметь в виду, что подходы Ирана и России к проблеме поляризации власти в системе международных отношений, несмотря на схожесть, имеют под собой разные основания. Россия является глобальной державой, а Иран – региональной; однако концепции региональной и мировой державности

включают различные аспекты. Россия превратилась в глобальную державу во время холодной войны, когда она была одной из двух сверхдержав; но это было нелегко, и за два прошедших десятилетия Россия на пути к становлению великой державы прошла путь, полный побед и поражений, достигнув этапа относительной стабильности совсем недавно. Иран из региональной державы, зависимой от Запада в дореволюционный период, превратился в независимую и влиятельную после Исламской революции. Путь Ирана к настоящему положению, особенно с учетом обеспечения внутренней безопасности и без опоры на внешние силы, также был очень непростым и напряженным.

Несмотря на различные исходные условия, подход обеих стран к поляризации мира в определенной степени позволяет говорить об их схожести, где общим знаменателем является несогласие с однополярной моделью миропорядка. Обе страны также занимают единую позицию, выступая против тенденции, при которой только Запад рассматривался как ключевой центр силы. Со своей стороны они поддерживают и продвигают идею многополярности в системе международных отношений. Другой феномен, который также сближает позиции двух стран в отношении миропорядка – осознание необходимости внимания к основным центрам силы в формирующейся системе. Этот взгляд на поляризацию в системе международных отношений должен рассматриваться вместе с другим важным элементом, а именно – с ключевыми институтами системы международных отношений.

Б. Ключевые институты системы международных отношений. Очевидно, что членство Ирана и России в ключевых институтах в рамках системы международных отношений имеет существенные различия. Россия является постоянным членом в ряде уже устоявшихся институтов, таких как Совет Безопасности ООН. Однако кажется, что обе страны выступают против тенденций, которые нацелены на создание новых институтов с эксклюзивными правами. Тем самым попытки Запада, направленные на расширение НАТО и придание альянсу глобального значения с ключевой ролью западных игроков, вступают в противоречия со взглядами Ирана и России. В целом глобальная система безопасности, основанная на западоцентричной модели и институты данной модели не отвечают интересам Тегерана и Москвы.

Очевидно, что Россия стремится к созданию коллективных и независимых институтов как внутри постсоветского пространства (Евразийский экономический союз), так и вне его (Шанхайская организация сотрудничества). Взгляд России на сотрудничество с Ираном в рамках этих институтов играет важную положительную роль, тем не менее невозможно с уверенностью утверждать, что Россия настойчиво стремится к присоединению Ирана к этим институтам. БРИКС является другим примером партнерства, которое несмотря на свое географическое положение, выходящее за традиционные границы Евразии, является предпочтительным для России. Несмотря на то, что Иран является наблюдателем в ШОС и многих других организациях, он поддерживает формирование новых организаций, рассматривая их как ответ на попытки монополизации структур глобального управления. При изуче-

нии подходов Ирана и России к системе международных отношений помимо участия в различных организациях следует также обратить внимание на процессы принятия решений, наряду с более четким пониманием системы институтов глобального управления.

В. Актуальные процессы в системе международных отношений. Иран и Россия вместе выступают против процессов, нарушающих нормы международного права, особенно в отношении решений по важнейшим вопросам общего характера, таким как война и мир. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что происходило на Ближнем Востоке с 2011 г. Несмотря на то, что Россия присоединилась к резолюциям 1970 и 1973 Совета Безопасности ООН по Ливии, она выступила против толкования, которое приняли западные страны относительно введенного ими понятия «responsibility to protect» («ответственность по защите»). В действительности вследствие вооруженного вмешательства стран Запада в события в Ливии 2011 г., Россия почувствовала, что ее вероломно предали.

События в Сирии и несогласие Ирана и России с действиями западных стран выявили сходство в позициях наших стран относительно процессов принятия решений по фундаментальным международным проблемам. Обе страны придерживаются мнения, согласно которому политические системы невозможно изменить принятием решения извне. Здесь проявляется стремление действовать на правовой основе, с одной стороны, и стратегический расчет – с другой. При этом права человека и гуманитарные аспекты международных отношений не должны быть использованы в качестве инструмента вмешательства в дела других стран, а также для пересмотра границ.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что изучение подходов России и Ирана к системе международных отношений требует внимания к трем основным вопросам: проблеме поляризации, ключевым институтом и актуальным процессам в системе международных отношений. Можно по-разному трактовать и интерпретировать наличие сходств и различий в позициях наших стран, однако, несмотря на разные трактовки, нет сомнений в том, что Россия как глобальная держава и Иран как региональная играют большую роль в формировании системы международных отношений.

Тема 3. Россия, Иран и страны Запада

**Андрей
КОРТУНОВ,
эксперт РСМД**

В Москве любят термин «стратегическое партнерство». В разные периоды недавней истории этим термином описывали отношения России с такими разными странами, как США и Китай, Белоруссия и Чили, и даже с наднациональными объединениями (Европейский союз). Нередко термин «стратегическое партнерство» используется и в контексте нынешних отношений Москвы и Тегерана. Разговоры о российско–иранском стратегическом партнерстве ведутся с середины 90–х гг. прошлого века, в том числе и на высоком политическом уровне.

Справедливо задать не вполне политкорректный, но существенный вопрос: если оставить за скобками патетическую риторику, есть ли у нас достаточно оснований считать российско–иранские отношения в настоящее время отношениями стратегических партнеров? Или, может быть, речь идет все же о тактическом союзе двух очень разных стран? Пусть даже о важном и ценном союзе для обоих участников на данном этапе их развития?

Для начала попробуем уточнить содержание термина «стратегическое партнерство» применительно к международным отношениям. Что входит в необходимые и достаточные условия его формирования? При всех различиях в определениях и акцентах, четыре базовых характеристики стратегического партнерства представляются наиболее значимыми.

Во–первых, наличие широкого спектра долгосрочных общих интересов, не зависящих от текущей политической конъюнктуры или действий третьих сил. Присутствие общего врага или ситуация острого регионального кризиса еще не гарантируют формирования стратегического партнерства – кризисы приходят и уходят, а недавний враг вполне может оказаться будущим союзником.

Во–вторых, готовность сторон ставить перед собой значительные стратегические цели, достижение которых возможно только посредством последовательных совместных усилий. Этим стратегическое партнерство отличается от тактического союза, о котором, к примеру, договорились Россия и США для решения проблемы химического оружия в Сирии осенью 2013 г.

В–третьих, наличие разработанной нормативно–правовой базы сотрудничества, а также эффективных механизмов реализации взаимодействия в различных областях. Иными словами, одних политических деклараций или встреч на высшем уровне для полноценного стратегического партнерства явно недостаточно.

В–четвертых, высокий уровень доверия между политическими лидерами стран, участвующих в партнерстве, и, более того, – высокий уровень взаимной симпатии, взаимопонимания и доверия между обществами двух стран. Без широкой общественной поддержки самая теплая дружба между национальными лидерами или постоянное взаимодействие бюрократических машин вряд ли гарантирует устойчивость отношений.

Некоторые российские аналитики идут еще дальше, утверждая, что стратегическое партнерство возможно только при наличии у партнеров общих социальных, культурных, религиозных и иных «базовых ценностей», поскольку только общие ценности в конечном счете позволяют рассчитывать на устойчивость партнерства. Другие подчеркивают важность социального взаимодействия, включая гуманитарные, образовательные, научные, культурные и прочие контакты между людьми.

Но даже если считать эти последние условия избыточными, приходится признать, что в настоящее время российско–иранское взаимодействие не может быть квалифицировано как стратегическое партнерство в полном объеме. В лучшем случае мы вправе говорить о наличии объективных предпосылок для того, чтобы такое партнерство возникло в будущем.

Начнем с общих интересов. В российском политическом дискурсе, как правило, делается акцент на общие интересы двух стран в противодействии гегемонистским устремлениям Соединенных Штатов и Западу в целом и на Ближнем Востоке, в частности. Отмечаются также общие для России и Ирана вызовы политического радикализма и экстремизма в различных проявлениях. То есть во главу угла ставятся вопросы безопасности и геополитики. Причем главными сторонниками российско–иранского геополитического сближения в России выступают наиболее радикальные антизападные и антиамериканские силы, представленные преимущественно «идеологами», а не экспертами. Значительно меньше внимания уделяется объективному анализу существующих (и вполне естественных) расхождений интересов двух стран в конкретных вопросах. Между тем эти расхождения заслуживают не менее пристального внимания, чем сферы совпадающих интересов.

Так, Россия и Иран объективно являются конкурентами на мировых рынках углеводородов, что, однако, не является непреодолимым препятствием для сотрудничества в этой сфере. У Москвы и Тегерана не может быть идентичных позиций по многим региональным вопросам, например, в отношении Израиля. Есть расхождения и по проблемам международно–правового режима Каспийского моря. Не следует забывать и о том, что Иран – шиитская страна, в то время как большинство российских мусульман – сунниты.

Разногласия между Москвой и Тегераном ни в коем случае не следует драматизировать, но они говорят о том, что баланс интересов России и Ирана в реальности гораздо сложнее, чем это представляется сторонникам упрощенных геополитических конструкций. Игнорирование этой сложности, превращение многоцветной картины в черно–белое изображение будет иметь своим следствием неизбежные разочарования и проблемы.

А как насчет общих стратегических целей? Никак не умаляя очевидных достижений российско–иранского взаимодействия, стоит отметить, что наше двустороннее сотрудничество в большинстве случаев носило и по–прежнему носит ситуативный характер. Это сотрудничество можно определить, как более или менее успешную реакцию двух стран на возникающие проблемы, вызовы и кризисы – такие как приход к власти в Афганистане «Талибана»,

гражданская война в Таджикистане, интервенция США и их союзников в Иране, «арабское пробуждение», сирийский и йеменский кризисы, обострение ситуации вокруг Нагорного Карабаха и т. п.

Все это крайне важно, и стоит отдать должное российским и иранским дипломатам, которым, как правило, удавалось находить адекватные и взаимоприемлемые подходы к очень сложным региональным проблемам. Однако, оперативного взаимодействия в кризисных ситуациях самого по себе еще недостаточно для стратегического партнерства – необходима еще и общность стратегических целей, то есть наличие долгосрочной позитивной программы действий, упреждающей вероятные кризисы, а не просто реагирующей на них. Одним из перспективных направлений в такой работе могла бы быть подготовка совместных российско–иранских предложений («дорожной карты») по созданию системы коллективной региональной безопасности в зоне Персидского залива. Другим регионом для выдвижения совместных инициатив мог бы стать регион «Большой Центральной Азии». В более широком плане было бы весьма актуальным сравнить взгляды из Москвы и из Тегерана на то, как восстанавливать управляемость глобальной международной системы в целом.

Нормативно–правовая база российско–иранских отношений пока разработана крайне слабо (особенно на фоне других направлений российской внешней политики, – таких как, к примеру, отношения России с Европейским Союзом). То же самое относится и к механизмам реализации взаимодействия в различных областях. Например, в экономике у нас действуют Российско–иранский деловой совет, Постоянная российско–иранская торгово–экономическая комиссия, Форум по вопросам экономического и промышленного сотрудничества, но их деятельность во многом носит формальный характер. Этим частично объясняется совершенно неудовлетворительное состояние российско–иранских торгово–экономических отношений – как по общему объему, так и по структуре. В экономических отношениях Россия и Иран пока идут по линии наименьшего сопротивления, ограничившись единичными крупными «показательными» проектами, осуществляемыми при активной государственной поддержке (АЭС «Бушер»), и военно–техническим сотрудничеством.

Нелишним будет напомнить, что еще в 2007 г. сторонами строились грандиозные планы увеличения годового товарооборота за десять лет до 200 млрд долл., включая сотрудничество не только в энергетике и транспорте, но и в медицине, биотехнологиях, металлургии, в освоении космического пространства и пр. Большинство этих планов пока так и остаются на бумаге. Разумеется, без прочной экономической основы, без значительных групп интересов в обеих странах, лоббирующих масштабные совместные проекты по широкому кругу направлений, говорить о стратегическом партнерстве по меньшей мере преждевременно. И, как минимум, необходимо как можно быстрее провести комплексный двусторонний анализ главных причин «пробуксовки» наших отношений, наметив первоочередные меры по исправлению ситуации.

Наконец, проблема доверия между российским и иранским обществами, как представляется, решена далеко не полностью. Уже по той причине, что мы очень плохо знаем друг друга, а информацию о другой стороне очень часто получаем из третьих рук – прежде всего, из западных, далеко не всегда объективных источников. Кроме того, в истории отношений двух стран есть разные страницы, и было бы, наверное, неправильным утверждать, что старые обиды, складывавшиеся веками стереотипы и предрассудки, уже никак не влияют на общественные настроения.

Да и в последние годы в наших отношениях были не самые удачные моменты (например, введение Россией летом 2010 г. запрета на поставки в Иран зенитно–ракетных систем С–300). В общественном сознании Ирана сложилась не очень перспективная для Россия ситуация: консервативные силы подозревают, что Москва рассматривает Тегеран как разменную карту в более масштабной игре с Западом, а в лагере реформаторов Россия часто ассоциируется с архаичными антизападными силами, неспособными предложить Ирану ничего существенного. Поэтому вместо оптимистического термина «стратегическое партнерство» применительно к российско–иранским отношениям уместно использовать скептическую формулировку «настороженное партнерство».

Таким образом, нынешние отношения между Москвой и Тегераном хотя и содержат много позитивных элементов, но еще не вышли на уровень стратегического партнерства. И без настойчивых усилий с обеих сторон, без наличия политической воли, без тщательной «работы над ошибками», без привлечения дополнительных категорий «стейкхолдеров» в России и Иране такое партнерство вряд ли сложится. И, конечно, перспективы такого партнерства в очень существенной степени зависят от процессов внутреннего развития в каждой из двух стран.

Что же касается отношений с Западом, то, по всей видимости, в выстраивании «западного вектора» своей внешней политики России и Ирану нужно исходить из следующего:

Во–первых, как–то отгородиться от Запада, тем более – противопоставить западной системе мировой экономики и политики свою собственную, «незападную» систему в обозримом будущем не получится. И Россия, и Иран на данном этапе своего развития нуждаются в первую очередь в современных технологиях и инвестициях. Запад был и остается основным источником и первого, и второго. Наверное, в какой–то отдаленной перспективе это положение может измениться, но пока и Китай, и Индия, и другие «восходящие державы» сами в очень большой степени зависят от своей включенности в экономические, технологические и финансовые цепочки, начинающиеся на Западе.

Во–вторых, не следует «демонизировать» Запад как силу, неизбежно противостоящую традиционным ценностям, национальным интересам и суверенитету России и Ирана. Сегодня Запад далеко не един в своих даже основных позициях по базовым проблемам международных отношений. Насколько

можно судить, расхождения между Соединенными Штатами и Европой, разногласия внутри отдельных стран Запада будут сохраняться и даже углубляться. Эти разногласия распространяются и на конкретные вопросы, имеющие значение для России и Ирана (экономические санкции, сирийский конфликт, арабо–израильское урегулирование, борьба с международным терроризмом). Такой плюрализм создает дополнительные возможности для политики Москвы и Тегерана.

В–третьих, анализировать возможные варианты внешней политики России и Ирана в рамках противопоставления «прозападная – антизападная» представляется малопродуктивным и некорректным. Российская внешняя политика должна быть «пророссийской» точно так же, как иранская политика должна быть «проиранской». В основе внешней политики должно лежать в первую очередь четкое понимание не только ближайших, но и более отдаленных национальных интересов. Это понимание и предопределяет приемлемые параметры текущих уступок и возможных компромиссов, в том числе и в отношениях с Западом.

Развитие отношений между Россией и Ираном не должны рассматриваться как альтернатива развитию отношений каждой из двух стран с Западом. Двустороннее взаимодействие Москвы и Тегерана дает каждой из сторон дополнительный козырь в ее отношениях с западными партнерами, – козырь, которым можно и нужно воспользоваться. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что роль Запада в решении проблем Ближнего и Среднего Востока, как и Азии в целом, с течением времени будет скорее снижаться, чем повышаться. Реформаторы в России и в Иране склонны переоценивать эту роль, рассматривая Запад как универсальное средство решение всех проблем, стоящих перед Москвой и Тегераном. Это предположение представляется весьма сомнительным и не имеющим подтверждений в исторической практике.

Конкретные аспекты взаимодействия России и Ирана с Западом, возможные пределы сотрудничества и потенциальные издержки такого сотрудничества могли бы стать одной из тем взаимодействия аналитических центров наших двух стран. К сожалению, в этом плане у нас пока есть мало, чем можно было похвастаться.

Жанд ШАКИБИ, эксперт IRAS

Исламская Республика Иран, Российская Федерация и США в обозримом будущем будут иметь дело с общей угрозой национальной безопасности. В представляемой статье эта угроза обозначена как «западноазиатский региональный кризис», зона распространения которого охватывает регион «Большой Западной Азии», простираясь от Турции на западе до Пакистана и Афганистана на востоке и захватывая Сирию, Ирак, Саудовскую Аравию, Израиль, Ливан, Йемен и кавказские страны⁵². «Западноазиатский региональный кризис» представляет собой совокупность взаимосвязанных региональных кризисов, в основе которых лежит сочетание различных внутривнутриполитических, этнических и/или конфессиональных противоречий, а также геополитическая конкурентная борьба между региональными государствами – борьба, в которой далеко не последнюю (хотя и не решающую) роль играют страны, не граничащие с государствами вышеописанного региона: США, Россия и – в меньшей степени – Китай. Иными словами, в гордиевом узле под названием «западноазиатский региональный кризис» переплелись три тенденции: (1) тактико–стратегические интересы вышеупомянутых внерегиональных игроков; (2) тактико–стратегические интересы государств региона и (3) политические и социально–экономические тренды внутри стран региона. Кроме того, в результате этих внутривнутриполитических и региональных геополитических конфликтов возникли такие вооруженные негосударственные формирования, как ИГИЛ, «Аль-Каида», «Талибан» и др., что придало западноазиатскому региональному кризису еще более непредсказуемый и опасный характер и значительно увеличило риск его распространения на сопредельные регионы: Европу, государства Центральной Азии, Россию и США. По отдельности все кризисы Западной Азии хорошо известны: палестино–израильский конфликт, курдский вопрос в Турции, кризисы в Ливане, Сирии и Ираке, геополитические противоречия между Ираном и Саудовской Аравией, ситуации в Йемене и Афганистане, действия вооруженных негосударственных формирований – предметом нашего обсуждения будут не они. Каждую из этих ситуаций можно, наверное, так или иначе контролировать, а по некоторым не исключено даже окончательное урегулирование. Однако в этой небольшой статье мы намерены показать, что в переплетении всех этих кризисов могут таиться один–два фактора, способных спровоцировать резкую и неконтролируемую эскалацию всех одновременно и ввергнуть Иран, Россию и США в водоворот межэтнических, межконфессиональных и межгосударственных конфликтов, сопровождаемых расширением ареала деятельности вооруженных негосударственных формирований, – вредоносный потенциал такого сценария может оставить далеко позади текущий сирийский конфликт при всей его разрушительности, неуправляемости и опасности. Мы покажем, что такими факторами могут оказаться глубокая нестабильность политической ситуации в Пакистане и/или Ираке, и распад данных государств как следствие этой нестабильности.

⁵² Пересмотренная и видоизмененная формулировка термина, впервые использованного Фредом Холлидеем в: Fred Halliday, *The Middle East in International Relations: Power, Politics, and Ideology* [Ближний Восток в международных отношениях: власть, политика и идеология] (Cambridge, 2005).

Основной вывод этой небольшой статьи заключается в том, что в настоящий момент ослабление военного потенциала ИГИЛ и других вооруженных негосударственных формирований, равно как и успешное завершение переговоров по урегулированию политического будущего Сирии, являются безусловными приоритетами для Ирана, России и США. Однако трем перечисленным странам необходимо уделять больше внимания анализу и планированию действий в кризисных ситуациях, сосредоточившись на Ираке и Пакистане – двух государствах, расположенных на противоположных сторонах географического региона, который принято называть Западной Азией. Трем державам необходимо сделать все, чтобы не дать захватить себя врасплох – как это было, когда в Сирии образовалось и окрепло «Исламское государство».

Уникальные геополитические и политические позиции Ирана, России и США в Западной Азии обеспечивают им возможности, необходимые для урегулирования этих двух грозных кризисов, и в то же время налагают на них ответственность за разрешение ситуации. Иран, расположенный между Ираком и Пакистаном, может реализовать свое политическое влияние на Ирак и Афганистан. Кроме того, государственные структуры Ирана, самой большой страны региона, значительно сильнее и устойчивее, чем соответствующие институты граничащих с Ираном стран: Турции, Ирака, Пакистана, Афганистана, Ливана и Сирии, – раздираемых глубокими и трудноразрешимыми межэтническими и межконфессиональными конфликтами. Влияние России, как крупнейшей региональной державы, в сферу жизненно важных интересов которой входят граничащие с ней с юга государства Кавказа и Центральной Азии, распространяется на все уровни политики – тем более что оно подкреплено способностью и готовностью к использованию силы, чего нельзя сказать о геополитически слабом Европейском союзе, в том числе и о его лидерах, Франции и Великобритании. Соединенные Штаты, несмотря на последние изменения в глобальном раскладе политических сил, все же остаются единственной сверхдержавой, как справедливо отметил Президент России Владимир Путин. Тем самым США продолжают играть решающую роль в регионе. Несмотря на геополитические и идеологические разногласия между Вашингтоном, Москвой и Тегераном, разрешение этих двух надвигающихся кризисов требует их имплицитного и эксплицитного сотрудничества друг с другом и координации усилий на фоне тактической гибкости, без которой невозможно регулирование интенсивности их трехстороннего взаимодействия по Ираку и Пакистану. Если не предпринять никаких – даже ограниченных – шагов в этом направлении, последствия политической нестабильности и государственного коллапса в Ираке и/или Пакистане окажут исключительно негативное влияние на ситуацию во всем регионе, а в конечном итоге – в России, Европе и США.

Пакистан

Проблема, связанная с Пакистаном, имеет два главных аспекта. Один аспект – безопасность Пакистана и пакистанская картина мира, в фокусе которой находится Индия, и в более широком контексте – кашмирский

вопрос. Именно эта картина мира обусловила политику Пакистана в отношении Афганистана и афганского «Талибана», воспринимаемых Исламабадом в качестве опоры государственной безопасности и основы геополитического решения индийской проблемы. С одной стороны, Афганистан, безусловно входящий в сферу влияния Пакистана, является для Исламабада дополнительным военным и геополитическим рычагом в его противостоянии с Индией. С другой стороны, прочные отношения между Кабулом и Нью-Дели представляются прямой угрозой позициям Пакистана и региональной безопасности. Стоит напомнить, что отношения между Афганистаном и Пакистаном были довольно враждебными и натянутыми с самого момента образования последнего, т. е. с 1947 г. Афганистан так и не признал линию Дюранда – границу, проведенную Великобританией в 1893 г.: в соответствии с этим разделением некоторые пуштунские земли, такие как Пешавар, оказались в пределах «раджа» – территории, контролируемой британцами; Афганистан до сих пор выступает с притязаниями на ряд районов северного Пакистана. Таким образом, с конца 1940–х гг. Индию и Афганистан объединяют общие претензии к Пакистану.

Это исключительное сосредоточение пакистанской элиты на Индии, равно как и страх перед пуштунским ирредентизмом, объясняет поддержку Пакистаном афганского Талибана в 1990–х (при талибах пакистанское влияние достигло в Афганистане своего исторического максимума), а также проявившееся с 2001 г. нежелание прилагать сколько-нибудь значимые усилия к противодействию афганскому «Талибану» на территории Пакистана. После того как США свергли режим талибов, Пакистан перешел в Афганистане к тактике асимметричной войны: афганский «Талибан» стал для Исламабада низкокзатратным средством контроля над ситуацией в этой стране, использование которого при необходимости легко отрицать. Естественно, что на этот конфликт влияют также внутривнутриполитические проблемы Афганистана, с которыми неизбежно сталкивается любое многонациональное государство. В частности, различия между пуштунами из племени эсхакзай с высоким процентом сельского населения и низким уровнем образования и более образованными и урбанизированными представителями пуштунского племенного объединения дуррани имеет прямое отношение к пакистанскому фактору. К дуррани принадлежат Х. Карзай и нынешний президент А. Гани. Для укрепления своих позиций дуррани поддерживают другие этнические группы Афганистана: таджиков, хазарейцев и узбеков. Исламабад видит в этом институционализацию конца своего влияния в стране. Тем с меньшей готовностью он выступает против своего последнего оплота – афганского «Талибана». Однако политическая нестабильность, источником которой является поддерживаемый Пакистаном «Талибан», а также тип религиозной идеологии этого формирования представляет угрозу для Ирана, Индии и республик Центральной Азии, а в конечном итоге – и для России. Стоит напомнить, что в 1990–е гг. Россия и Иран поддерживали Северный альянс в его борьбе с «Талибаном», за которым стоял Пакистан. После терактов 11 сентября США в конце концов присоединились к антиталибанской коалиции и выступили против внешней политики Пакистана в этом регионе.

Администрация Джорджа Буша–мл. и его преемника Барака Обамы выражала все большую разочарованность неспособностью и/или нежеланием пакистанского военного и разведывательного сообществ порвать с афганским «Талибаном». На протяжении всех 2000–х гг. эти ведомства предоставляли убежище лидерам и рядовым членам афганского «Талибана» и оказывали им поддержку. Правительства США и Афганистана неоднократно выражали протесты против предоставления талибам убежища в Белуджистане, особенно в столице провинции городе Кветта: именно в этом они видели основную причину упорного сопротивления и экспансии «Талибана». Нежелание Исламабада прекратить поддержку афганских талибов объяснялось тем фактом, что вооруженные группировки последних использовались Пакистаном для достижения тактических и стратегических внешнеполитических целей в регионе. Таким образом, афганский «Талибан» был и остается инструментом пакистанской внешней политики, невзирая на ту угрозу, которую эта военизированная группировка представляет для сопредельных стран. Соответственно, и афганская элита, и афганское население очень враждебно настроены по отношению к Пакистану, и отношения между двумя странами остаются напряженными и враждебными. 13 июня 2016 г., произошла очередная вооруженная стычка на границе между Пакистаном и восточной афганской провинцией Нангархар, с обеих сторон имелись убитые и раненые.

В 2012 г. США открыто выступили против деятельности Пакистана в Афганистане и в знак растущего недовольства политикой Исламабада объявили о поддержке индийской программы по обучению афганского военного персонала. В конце мая 2016 г. американский беспилотник нанес удар, убивший на территории пакистанского Белуджистана Муллу Ахтара Мухаммада Мансура, лидера афганского вооруженного «Талибана». Нанесенный с беспилотника удар ознаменовал также ухудшение ситуации в Пакистане и напомнил о вопросах, накопившихся к Пакистану в связи с его стремлением контактировать с талибами. И хотя пакистанские военное и разведывательное ведомства в последнее время оказывают содействие ЦРУ в использовании беспилотников против Аль–Каиды и пакистанского «Талибана» на северо–западных племенных территориях, они неизменно отвечали отказом на многочисленные просьбы Вашингтона о нанесении ударов с беспилотников по афганскому «Талибану» в Белуджистане.

На сей раз непонятно, какие интересы преследует Пакистан в Афганистане. Если на самом деле, как утверждают некоторые, он желает с помощью «Талибана» создать в Афганистане управляемый хаос, рассчитывая таким образом поддержать и сохранить свое влияние, то рано или поздно Россия, Иран и Соединенные Штаты столкнутся с угрозой, исходящей от обеих стран. Большие сомнения вызывает также способность Пакистана управлять хаосом в Афганистане. В конце концов, Исламабад фактически не может справиться с действующими в Пакистане вооруженными формированиями, представляющими опасность для пакистанского государства. Впрочем, если взгляды пакистанских военного и разведывательного ведомств на вопросы безопасности и впрямь изменились (чему, однако, нет убедительных дока-

зательств), то бессилие пакистанского государства перед афганским и пакистанским «Талибаном» есть тревожный признак недееспособности этого государства, а слабое распадающееся государство может быть с легкостью вовлечено в экспорт нестабильности и вооруженных группировок не только внутри региона, но и за его пределами.

Отсюда следует, что второй аспект пакистанской проблемы заключается в прогрессирующем ослаблении пакистанского государства, все хуже и хуже справляющегося с задачей обуздания и/или ликвидации множества вооруженных формирований, действующих на территории Пакистана. Эти формирования представляют угрозу не только для пакистанского государства и общества, но и для соседей Пакистана. «Что касается антигосударственных вооруженных повстанческих группировок, ситуацию в Пакистане следует признать аномальной, поскольку та экзистенциальная военная угроза, с которой страна имеет дело сегодня, в очень значительной степени возникла благодаря, а не вопреки деятельности пакистанского государства»⁵³. Имеется в виду практиковавшееся с начала 1980-х гг. использование пакистанским государством вооруженных группировок в качестве инструмента внешней политики. Вооруженные формирования традиционно делятся на четыре категории: антипакистанские (антигосударственные), антиамериканские/антинаатовские/антироссийские, антииндийские и религиозные – в основном направленные против шиизма, а также против христианства. Из этих формирований наиболее известны: «Техрик-е Талибан Пакистан»; «Харакатул Джихад-е Ислами»; «Лашкар-е Джхангви»; «Муками Техрик-е Талибан»; «Пенджаби Талибан»; «Лашкар-е Тайба»; «Джаиш-е Мухаммед»; «Аль-Бадр» и «Харакатул Муджахидин-е аль-Алами». К религиозным формированиям относят следующие: «Джундалла Сеп-е Сахаба Пакистан»; «Сунни Техрик»; «Сеп-е Мухаммед»; «Техрик-е Джафрия», «Лашкар-е Джхангви». «Джундалла», террористическая военизированная организация, базирующаяся в пакистанском Белуджистане, возникла в 2003 г.; она ориентирована в основном на действия против Исламской Республики Иран и занимается организацией террористических актов в иранском Белуджистане⁵⁴. Начиная с 2010 г. эта группировка действует совместно с другими вооруженными формированиями в Пакистане и за его пределами. Очень важно, что все эти формирования исповедуют ортодоксальную реакционную идеологию ваххабитского движения деобандизма, обосновывающую и оправдывающую насилие против единоверцев-мусульман, в особенности приверженцев шиизма, а также против Соединенных Штатов Америки, стран НАТО и России. Кроме того, с конца 2000-х гг. вооруженные формирования демонстрируют усиливающуюся тенденцию к значительному совпадению политико-идеологических концепций, а также к сотрудничеству и координации действий. Все эти террористические группировки рассматривают свою военную миссию в рамках глобальной борьбы суннитов против империалистических сверхдержав, таких как США и Россия, еретиков-шиитов и угрожающих им немусульманских государств, таких как Индия; они сражаются за распространение своей

⁵³ Moeed Yusuf, ed., *Pakistan's Counterterrorism Challenge* (Washington D.C., 2014), p.52.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 48.

версии ислама (идеологии деобандизма–ваххабизма) и ее утверждение во всех мусульманских странах. Это чревато большой опасностью и для Ирана, и для России.

На сегодняшний день не осталось ни одного пакистанского региона, не подверженного этой растущей тенденции к вооруженной радикализации. Перед пакистанским государством, а следовательно Ираном, Россией и США, стоят три проблемы: (1) слабость государственного аппарата Пакистана, неспособного взять под контроль действующие на территории страны радикальные вооруженные группировки – ни пакистанские, ни зарубежные, такие как Аль–Каида, а также отсутствие полноценного контроля над государственными границами; (2) институциональная слабость и дублирование полномочий и сфер ответственности различных организаций, исключительно пагубные для разработки и реализации единой и последовательной стратегии противодействия вооруженным группировкам; (3) отсутствие у пакистанской элиты способности и воли к пересмотру собственных взглядов на вопросы безопасности и международной политики, в настоящий момент сосредоточенных исключительно на Индии и идеях ислама, – пересмотру, который мог бы способствовать ослаблению и ликвидации вооруженного экстремизма в стране и Талибана в Афганистане. В конечном итоге все актуальные и назревающие проблемы Пакистана, связанные с региональным и глобальным терроризмом, базирующимся внутри страны, коренятся в тех трех с лишним десятилетиях отсутствия эффективной внутренней и внешней политики и стратегии обеспечения безопасности. Наконец, в качестве еще одной проблемы стоит отдельно упомянуть растущее разочарование населения в политическом, социальном и экономическом курсе государства, само по себе являющееся следствием институциональной несостоятельности последнего, что в свою очередь представляет собой питательную среду для роста вооруженных формирований. Подводя итог, можно с уверенностью констатировать, что в обозримом будущем Пакистан будет не только сам подвергаться опасности, но и продуцировать угрозу для региона и всего мира.

Ирак

Вторым надвигающимся кризисом, с которым мы имеем дело, является ситуация в постигиловском Ираке. Сегодняшнее государство Ирак столкнулось с проблемой формирования национальной самобытности, обеспечивающей лояльность населения к государству. До сих пор попытки формирования такой самобытности и соответствующих правительственных и властных структур не имели успеха. Даже после падения режима Саддама Хусейна определяющими для иракцев остаются этнические, религиозные, племенные и/или региональные идентичности. По–прежнему актуальны два базовых разделения: суннитско–шиитское в конфессиональном аспекте и арабо–курдское в этническом. Они существуют давно, и о них всем известно. Правительство шиитского премьер–министра Нури аль–Малики (2006–2014 гг.) усугубило напряженность между этими группами, предпочтя стратегию исключения стратегии включения, то есть взяв курс на социально–политическую

депривацию суннитов и курдов. Таким образом, именно действия Нури аль-Малики стали причиной неспособности иракского государства справиться с угрозами, исходящими от ИГИЛ, и остановить расширение этой структуры. Начиная с 2014 г. угроза победы ИГИЛ – организации, характеризующейся крайней жестокостью и насильственными методами управления, – временно отодвинула эти противоречия на задний план: иракское государство совместно с суннитской, шиитской и курдской общинами бросило все силы на искоренение непосредственной угрозы, исходящей от ИГИЛ. Однако как только с этой опасностью удастся справиться (ликвидация ИГИЛ потребует времени, успех этой кампании напрямую зависит от вектора дальнейшего политического развития Ирака), проблема постигиловского Ирака может опять выйти на первый план и положить начало еще более опасному и разрушительному для всей Западной Азии сценарию.

Давние и опасные в политическом аспекте суннито–шиитские и арабо–курдские противоречия осложняются ростом разногласий внутри шиитской и курдской общин – разногласий, которые имеют все шансы со временем взорвать ситуацию в постигиловском Ираке. Президент Регионального правительства Курдистана (КРГ) Масуд Барзани в июле 2014 г. в очередной раз выдвинул идею проведения референдума по вопросу о независимости курдов, ссылаясь на факт возникновения ИГИЛ, его победы и последующую курдскую территориальную экспансию. Самым важным элементом этих территориальных завоеваний стал город Киркук. В городе велик процент арабского и туркменского населения, которое явно не готово к жизни в условиях государственно узаконенного доминирования курдов. К ноябрю 2014 г. Барзани отказался от этой идеи – в свете побед ИГИЛ и его приближения к Эрбилю, столице Иракского Курдистана. В начале февраля 2016 г. он снова заявил о намерении провести референдум по вопросу о независимости курдской автономии. В середине июня 2016 г. с тем же призывом выступил его сын, Масрур Барзани, глава Совета безопасности КРГ. Он подчеркнул, что при сегодняшнем уровне недоверия и враждебности между основными этническими и религиозными группами населения Ирака их проживание «под одной крышей» не представляется возможным; «федеративный принцип не работает» в Ираке.

Демарши семьи Барзани, судя по всему, были попыткой продлить политическую карьеру Масуда Барзани. Он спровоцировал конституционный кризис в августе 2015 г., когда заявил, что – вопреки требованиям конституции – не намерен оставлять свой президентский пост. Кризис усугубился в октябре 2015 г., когда пять основных курдских партий: Демократическая партия Курдистана, Патриотический союз Курдистана, движение «Горран», Исламский союз Курдистана и Исламская группа Курдистана – проведя девятый раунд переговоров, так и не смогли прийти к согласию относительно кандидатуры президента. Проблема заключалась в том, что Демократическая партия Курдистана, партия Барзани, упорно настаивала на сохранении президентского поста за Барзани. Условия для такого паралича власти были созданы нынешней парламентской конъюнктурой. Патриотическому союзу Курдистана и остальным партиям принадлежит 42 депутатских мандата, в

то время как Демократическая партия Курдистана занимает в парламенте 38 мест. 11 октября 2015 г. спикеру парламента КРГ Юсефу Мухаммеду Садику не позволили въехать в столицу. После этого полномочия парламента были приостановлены. Через два дня премьер–министр КРГ Нечирван Барзани уволил четырех членов кабинета министров, принадлежавших к движению «Горран», заменив их представителями Демократической партии Курдистана.

При этом Иракский Курдистан в настоящий момент переживает жестокий экономический кризис, демонстрирующий тенденцию к расширению и углублению. Структурные проблемы, плохое планирование и засилье коррупции истощают экономические силы Иракского Курдистана. Кроме того, за два последних года зарплаты сотрудников государственных учреждений резко упали (разница достигла 70%), в то время как зарплаты сотрудников администрации Барзани продолжают держаться на уровне многомесячной давности. Одного только этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы спровоцировать и политический, и экономический кризис в Иракском Курдистане, ведь из пятимиллионного населения этого региона около полутора миллионов человек так или иначе заняты на государственной службе. При этом, согласно проведенным оценкам, примерно 400–500 тыс. этих рабочих мест представляют собой синекуры: сотрудники, их занимающие, являются на работу лишь за зарплатой. Демонстрации протеста против снижения и невыплаты заработной платы следовали в Иракском Курдистане одна за другой. В сентябре 2015 г. нападению подверглись офисы Демократической партии Курдистана в городе Сулеймания и в провинции Халабджа. В октябре 2015 г. в Сулеймании и нескольких других городах прошли многотысячные демонстрации против администрации КРГ и в первую очередь против Демократической партии Курдистана. Демонстранты требовали выплаты зарплат и отставки Барзани. Здания офисов Демократической партии Курдистана были сожжены дотла. Судя по поведению Масуда Барзани, он пытается продлить свою политическую карьеру за счет «переосмысления внутренних политических и экономических проблем в исторически популярном ключе»⁵⁵. В результате в условиях этого экономического кризиса курдское политическое сообщество, и прежде всего администрация КРГ, имеет дело с постоянно углубляющимся и поляризующимся политическим расколом.

Настойчиво повторяемые призывы Барзани чреватые также региональными геополитическими кризисами. Арабы, иранцы, турки, Россия, Иран и США не хотят разделения Ирака, боясь негативных последствий такого развития событий: усугубления раскола и напряженности внутри Ирака и распространения сепаратистских настроений среди курдского населения Турции, Сирии и Ирана. Кроме того, влиятельные региональные силы едва ли смиряются с перспективой формирования курдско–израильского альянса – в конце концов, идею курдской независимости поддерживает один только Израиль. Если Барзани, пользуясь слабостью иракского государства и хаосом, вызванным деятельностью ИГИЛ, попытается организовать референдум и объя-

⁵⁵ Sahrif Nashashibi, The National, 9 февраля 2016 г.

вить о независимости курдов, это не только вызовет фатальный кризис, от которого иракское государство может уже не оправиться, но и заставит региональных игроков перейти к активным действиям, направленным на обуздание хаоса, обусловленного ослаблением иракской государственности, и на решение курдского вопроса. В таких обстоятельствах в игру могут вступить самые разные факторы: геополитическая напряженность между Саудовской Аравией и Ираном, внешнеполитическая стратегия Израиля, курдский вопрос в Турции, сирийская проблема и многие другие, и последствия этого сценария будут непредсказуемы.

В то же время существует и растет вероятность (пусть и незначительная по сравнению с проблемой Иракского Курдистана) раскола в рядах политического сообщества иракских шиитов. В 2015 г. в Багдаде и других городах с доминированием шиитского населения активизировались протесты, вылившиеся в первую крупномасштабную общественную кампанию против *modus operandi* нынешней политической системы Ирака. Протестное движение стало также свидетельством напряженности и «внутришиитского раскола, проявившегося на двух уровнях: во-первых, между широкими шиитскими массами с одной стороны и шиитской политической элитой и ее властными структурами – с другой, во-вторых, между самими властными структурами, борющимися за ресурсы, влияние и право определять государственную политическую идеологию и внешнеполитический курс»⁵⁶. Вкратце, растущее недовольство населения текущей социально-экономической ситуацией в купе с убежденностью в том, что политический класс, состоящий главным образом из шиитских группировок, заинтересован исключительно в сохранении и преумножении собственных экономических, политических и властных привилегий, мало-помалу создает условия для социально-политического взрыва, последствия которого будут катастрофическими. На другом уровне налицо раскол в рядах «Сил народной мобилизации» – крупной коалиции, в состав которой входит множество отрядов милиции и воинских формирований, принимающих активное участие в борьбе с ИГИЛ. Яблоком раздора стал вопрос о политической структуре и векторе развития Ирака после победы над ИГИЛ. Более всего некоторых политических деятелей – таких как премьер-министр и даже Муктада ас-Садр – беспокоит вероятность того, что два блока, или две группы, на которые раскололись «Силы народной мобилизации», решатся использовать растущее недовольство населения нынешней экономико-политической ситуацией и обусловленное этим недовольством протестное движение для достижения собственных политических и идеологических целей.

Иран, США, Россия: тактическое партнерство маловероятно?

Создание в Ираке устойчивой инклюзивной государственной модели и соответствующих властных структур потребует участия третьих сторон, которое

⁵⁶ Harith al-Hasan, Social Protest in Iraq and Reality of the Internal Shia Dispute, Ali Jazeera Centre for Studies (30 August 2015).

может выражаться во множестве разных форм – от ненавязчивой помощи до прямого вмешательства (при необходимости). Эту важную роль могут взять на себя Иран и США при активном участии России. Без вмешательства третьих сторон накопившееся взаимное недовольство и недоверие шиитов, суннитов и курдов совместно с групповыми интересами злостных участников политического процесса, не желающих мирного урегулирования и добывающихся политической власти и экономического влияния, могут погубить все шансы на примирение и формирование инклюзивной государственной модели и соответствующих властных структур.

Вышеупомянутые три страны должны отдавать себе отчет в нестабильности конфессиональной и этнической конъюнктуры Ирака и необходимости принятия упреждающих мер. Ключ к решению – отказ от инкременталистского подхода, обычно практикуемого при урегулировании конфликтных ситуаций. Этот подход предполагает «пошаговое приближение к окончательному урегулированию за счет постепенного укрепления доверия между сторонами конфликта на основе поэтапного принятия мер начиная с относительно простых и наименее раздражающих»⁵⁷. Опасность, однако, заключается в том, что инкременталистский подход может привести к чрезмерному затягиванию процесса и потере концентрации на наиболее важных проблемах. В таком случае под давлением снизу высокая политика может вновь привести стороны к конфликту. В нынешней стремительно ухудшающейся ситуации в Ираке третьи стороны – Иран, США и Россия – должны быть готовы к совместным посредническим действиям и при необходимости должны принять меры к тому, чтобы стороны иракского конфликта сделали все возможное для оперативного решения основных вопросов, связанных с формированием инклюзивной государственной модели и соответствующих властных структур единого Ирака. Время вовсе не обязательно окажется на стороне сил, пытающихся привести эту страну к миру и стабильности. Реализация любого согласованного плана потребует определенного времени, а вот создание самого плана необходимо форсировать – дабы уберечь страну от очевидно грозящей ей опасности сползания в хаос.

Задачи, стоящие перед Ираном, Россией и США в Пакистане, не менее сложны, но носят иной характер. С одной стороны, необходимо, сочетая тактики стимулирования и давления, заставить Пакистан отказаться от поддержки афганского Талибана, а также от политики использования такого рода группировок в качестве внешнеполитического инструментария. Весьма непростая задача в условиях враждебных отношений между Индией и Пакистаном и на фоне нерешенного кашмирского вопроса. Еще один осложняющий фактор – Саудовская Аравия, использующая Пакистан в качестве важного элемента своей геополитической и идеологической конфронтации с Ираном. Однако политическая элита Америки и России (в разной степени) недовольна действиями Саудовской Аравии в этом регионе как представляющими прямую угрозу национальным интересам США и РФ. С другой стороны, нет никакой уверенности в том, что Иран, Россия и США совместными

⁵⁷ Sumantra Bose, *Contested Lands* (Cambridge, MA., 2007), p.6-7.

усилиями или независимо друг от друга смогут справиться со всеми проблемами обесиленного пакистанского государства. Решение о необходимости срочных мер должна принять пакистанская элита – именно ей надлежит заняться спасением стремительно слабеющего государства, представляющего собой питательную среду для возникновения и усиления вооруженных формирований и неспособного ни ликвидировать, ни контролировать их, практически потерявшего контроль над собственными границами, проницаемыми для вооруженных группировок, угрожающих безопасности соседей Пакистана. Ни в коем случае не следует забывать и о том, что многие из этих вооруженных формирований вовсе не находятся в оппозиции к пакистанскому государству. Соответственно, Ирану, России и США необходимо приложить максимум совместных и индивидуальных усилий для налаживания тактического сотрудничества в целях понижения уровня исходящей от Пакистана опасности, угрожающей государствам данного региона и другим странам. Если этого не произойдет, волна нестабильности и хаоса через Центральную Азию легко докатится до России, захлестнет Иран и вполне может достигнуть даже китайской провинции Синьцзян, населенной уйгурами.

Как уже было отмечено в начале этой небольшой статьи, несмотря на геополитические и идеологические разногласия между Вашингтоном, Москвой и Тегераном, разрешение двух надвигающихся кризисов требует их имплицитного и эксплицитного сотрудничества друг с другом и координации усилий на фоне тактической гибкости, без которой невозможно регулирование интенсивности их трехстороннего взаимодействия по Ираку и Пакистану. Если не предпринять никаких, даже ограниченных шагов в этом направлении, последствия политической нестабильности и государственного коллапса в Ираке и/или Пакистане окажут исключительно негативное влияние на ситуацию во всем Западноазиатском регионе, а в конечном итоге – в России, Европе и США.

Раздел II. Проблемы безопасности и перспективы сотрудничества

Тема 4. Взгляды России и Ирана на развитие ситуации в регионе Ближнего Востока: как мы видим будущее региона?

**Николай
КОЖАНОВ,
эксперт РСМД**

Российско–иранские отношения, переживающие сегодня беспрецедентный для постсоветского периода подъем, ставят перед экспертным сообществом множество вопросов. В частности, аналитики активно спорят о характере будущего взаимодействия Москвы и Тегерана в ближневосточном регионе. Одни, ссылаясь на опыт Сирии, заявляют о возникновении нового регионального альянса, другие говорят о хрупкости российско–иранского диалога, указывая, например, на укрепляющиеся связи России и Израиля.

Интересы России и Ирана в регионе

Действительно, серьезный посыл к сближению двух государств на основе обсуждения региональной проблематики существует. К 2016 г. как Россия, так и Иран были вынуждены существенно активизировать свои действия на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ). Для Москвы определяющую роль в этом вопросе сыграли два фактора: беспрецедентное после распада СССР ухудшение отношений с Западом и возросшая с началом «арабской весны» джихадистская угроза, которая, по мнению некоторых экспертов, способна крайне негативно повлиять на стабильность постсоветского пространства. В такой ситуации считать БСВ регионом, имеющим для защиты интересов страны второстепенное значение (как это было в период 1991–2012 гг.), стало для руководства России непозволительным легкомыслием. В результате в 2012–2016 гг. было значительно интенсифицировано само присутствие на Ближнем Востоке и сформированы приоритеты для российской дипломатии. Условно их можно разделить на три группы.

Первая группа – экономические приоритеты. В их числе – противодействие негативному влиянию санкций и контрсанкций на российскую экономику, обеспечение доли ближневосточного рынка для ряда российских компаний, защита интересов российских нефтегазовых корпораций.

Политические приоритеты – противодействие попыткам международной изоляции России через диалог с основными игроками БСВ, использование региональной ситуации для оказания влияния на поведение США и ЕС, продвижение российского видения будущего системы международных отношений.

Третья группа приоритетов (задач) касается вопросов безопасности и сводится к противодействию возникающим в регионе угрозам стабильности и

безопасности постсоветского пространства, таким как международный терроризм, радикальный ислам, распространение ОМУ, трансграничная преступность и т.п.

Сложность и комплексность стоящих перед Россией задач естественным образом обусловили необходимость налаживания взаимоотношений с Ираном, одним из ключевых игроков на БСВ.

К 2016 г. Тегеран, в свою очередь, также оказался глубоко вовлечен в ближневосточные дела. Впрочем, эта вовлеченность определялась несколькими мотивами.

С одной стороны, текущие действия Ирана в Сирии и на Ближнем Востоке в целом обусловлены давно существующими и в некоторой степени традиционными факторами. К их числу можно отнести, во-первых, стремление ИРИ позиционировать себя в качестве ведущей региональной державы, во-вторых, соперничество с Королевством Саудовская Аравия и его партнерами, в-третьих, идеологическое противостояние с США и Израилем.

С другой стороны, общая дестабилизация региона вследствие «арабской весны», угроза потери Сирии (главного союзника Тегерана в регионе) и появление на БСВ новых враждебных Ирану игроков, таких как «Исламское государство» (ИГ), существенно изменили карту региона, на которой Тегеран привык играть с 2003 г., т.е. с момента свержения С. Хусейна американцами. Все эти изменения бросают серьезный вызов планам Тегерана по приобретению и поддержанию статуса ведущей державы БСВ и заставляют его еще больше вмешиваться в региональные дела.

Кроме того, следует учитывать, что идея построения ведущей региональной державы – это часть современной иранской идеологии, определяющей внешнеполитический курс страны. Причем слоган о необходимости защиты иранских региональных интересов в рамках идеологической доктрины ИРИ выходит на первое место, постепенно заменяя утративший актуальность тезис о защите права страны на независимые ядерные разработки. В частности, иранскими консерваторами была сформулирована концепция «цепи сопротивления», состоящей из Ливана, Сирии, Ирака и Йемена. По их замыслу, каждая из этих стран – это «передний край» обороны ИРИ против враждебных помыслов ее оппонентов из числа государств региона, стремящихся подорвать влияние Исламской Республики на Ближнем Востоке.

Основные принципы российско–иранского регионального взаимодействия

Потребность в сторонней поддержке для достижения поставленных задач подталкивает Тегеран и Москву друг к другу. При разных мотивах и конечных целях видение региональной ситуации у иранской и российской политических элит совпадают по целому ряду вопросов. В их числе – признание необходимости спасения сирийских государственных институтов, предотвращение распространения исламистской и террористической угроз, противодействие тем направлениям политики западных стран, которые идут

вразрез с интересами Москвы и Тегерана. Более того, для Ирана диалог по региональной проблематике создает солидную идеологическую и политическую основу для развития его связей с Россией.

На протяжении полутора десятилетий Тегеран активно искал среди мировых и региональных держав страну, связи с которой можно было бы использовать для противодействия антииранским замыслам американцев. В качестве главного кандидата на роль подобного противовеса традиционно рассматривалась Россия. Однако долгое время любые попытки заручиться стратегической поддержкой Москвы на долгосрочной основе терпели неудачу. Даже если временами Москва и блокировала американские шаги, направленные против ИРИ, это определялось не партнерскими обязательствами, а кремлевским видением российских интересов. Более того, вплоть до 2012 г. Москва неоднократно шла на риск нанести ущерб развитию отношений с Тегераном ради укрепления отношений с Западом (например, отказывалась от поставок ИРИ современных вооружений, таких как комплекс ПВО С–300).

Тем не менее Иран продолжал искать возможности придать положительный импульс своим отношениям с Россией на долгосрочной и постоянной основе. Не изменили этого намерения и достигнутые в 2015 г. между Ираном и шестью державами договоренности по ядерной программе, которые в перспективе должны снизить накал американо–иранских противоречий. Выступления Верховного лидера Исламской Республики аятоллы С.А. Хаменеи в сентябре–декабре 2015 г. показали, что высшее руководство страны по-прежнему не доверяет американцам и исходит из продолжения конфронтации с ними. Это означает, что у Тегерана сохраняется потребность в контрбалансе. Недаром значительная часть представителей иранской политической элиты признают, что, несмотря на изменение внешнеполитического положения Ирана в результате достижения договоренности по ядерной программе, работа с Россией остается для него приоритетной. Более того, они считают, что именно взаимодействие с Россией по БСВ может обеспечить Тегерану долгосрочную поддержку со стороны Москвы.

Россия также заинтересована в использовании региональной проблематики для укрепления отношений с ИРИ. С момента возобновления усилий Тегерана в решении ядерного вопроса в 2012 г. Москва была озабочена возможным отдалением Ирана и его переориентацией на Запад. Попытки российского руководства придать новый импульс отношениям с Ираном в 2012–2016 гг. показали, что экономическое взаимодействие пока не может создать необходимый фундамент для диалога вследствие явной ограниченности базы сотрудничества в данной сфере. В связи с этим приходится рассчитывать только на общность политических интересов в регионе как на возможную привязку Ирана к Москве.

При этом руководителей России и Ирана не смущают различия в мотивах их действий на БСВ. Об этом говорят, в частности, некоторые иранские чиновники. Характеризуя российско–иранское региональное взаимодействие, они подчеркивают: хотя каждая страна преследует свою выгоду, в одиночку ни Россия, ни Иран не смогут защитить собственные интересы на Ближнем Вос–

токе⁵⁸. Фактически две страны заключили между собой «брак по расчету», в котором пытаются достичь собственных целей за счет объединения усилий. Такой подход к взаимодействию по региональной проблематике дает им возможность находить общий язык (пусть и не без сложностей) по чувствительным вопросам или по крайней мере терпеть острые углы в отношениях. В частности, Москва и Тегеран смогли временно преодолеть разногласия относительно будущего Б. Асада как президента САР. В долгосрочной перспективе Россия считает уход главы сирийского государства со своего поста вполне возможным. Иранцы же очень долго и активно настаивали на его неприкосновенности. К 2016 г. в результате долгих переговоров Тегеран и Москва согласились с тем, что Б. Асад все же может быть смещен с президентского поста, но только по результатам народного волеизъявления и в ходе общесирийского голосования.

В силу специфики внутривнутриполитической ситуации в стране наиболее активно о необходимости взаимодействия с Россией по БСВ говорят представители консервативного крыла иранского политического истеблишмента. Но и в целом среди различных групп иранской элиты существует консенсус – диалогу с Москвой по региональной проблематике быть. Здесь в качестве лакмусовой бумаги, отражающей общественные и политические настроения, выступают иранские СМИ. Независимо от их политической ориентации, они едины в своем видении необходимости развития взаимоотношений с Москвой. Различия касаются только тональности заявлений. Например, основные новостные агентства, выражающие мнение правительства ИРИ и консервативных сил (IRIB, ISNA и FARS), говорят о российско–иранском присутствии в регионе в возвышенных тонах. В то же время умеренная и реформаторская пресса («Mardom Salari», «Arman» и др.) занимает более взвешенную позицию и предпочитает напоминать читателю о том, что Москва взаимодействует с Тегераном в силу своего прагматизма, а не искренних союзнических чувств.

Взгляды Ирана на развитие ситуации в Сирии и роль России в САР

С момента начала операции ВКС РФ в САР позитивное восприятие российско–иранского диалога по региональным вопросам в Тегеране только усиливалось. В связи с этим стоит обратить внимание на два отчета Исследовательского центра при парламенте ИРИ, подготовленные с промежутком в два месяца. В первом отчете, опубликованном 29 сентября 2015 г., анализировались причины усиления военного присутствия России в Сирии, во втором, вышедшем 29 ноября, речь шла о причинах гибели российского Су–24⁵⁹. Несмотря на малый временной промежуток, разница в стилистике и языке текстов разительна.

⁵⁸ См., напр.: Мехр, «Велайати: Асад хатт-е кермез-е ма-аст», Мехр, 14 Азар 1394.

⁵⁹ Марказ-е пажухеш-е маджлес, «Ангизеа ва далайел-е русийе бара-йе кумак-е незами бе даулат-е гануни-йе сурийе», Тахлил-е сийаси-йе хафте № 132, 7 Мехр 1394; Марказ-е пажухеш-е маджлес, «Танеш дар равабет-е русийе ва туркийе: заминаха ва пейамадха», Тахлил-е сийаси-йе хафте № 136, 8 Азар 1394.

В первом случае, хотя авторы и выдержали аналитическую записку в нейтрально-положительном стиле, их выводы во многом отличаются от официальной позиции руководства России. В частности, они считают угрозу распространения радикального исламизма на постсоветском пространстве (именно этот тезис Кремль использовал в качестве основного оправдания своим действиям в САР) лишь одним из факторов и, судя по всему, не самым главным, толкнувшим руководство России на развертывание своих ВКС на авиабазе в Латакии. Вместо этого в отчете говорится о стремлении Москвы сохранить и расширить свое влияние на Ближнем Востоке, о ее антизападных устремлениях как истинных движущих силах внешней политики в САР. Высказывается мнение о том, что Москва пришла в Сирию, чтобы «исправить ошибки» Запада и защитить «антизападный» режим Б. Асада. Выводы при этом делаются неоднозначные: с точки зрения авторов доклада, в текущих условиях военное вмешательство Москвы может быть для Ирана как полезным, так и вредным.

Более поздний доклад выглядит практически полной противоположностью первого. Его авторы достаточно четко излагают российскую официальную точку зрения не только на факт гибели Су-24, но и в целом на события в Сирии. Следует отметить, что именно такой подход – с дублированием официальной позиции Москвы по сирийскому кризису – в настоящее время характерен для экспертного сообщества и иранских СМИ. Примечательно, что агентства IRIB, ISNA и FARS публикуют высказывания российских чиновников по САР практически с той же частотой, что и заявления их иранских коллег.

Сирия занимает центральное место при обсуждении российско-иранского регионального взаимодействия не только в силу глубокой вовлеченности двух государств в развернувшийся здесь конфликт. Она также служит ярким примером успешной реализации российско-иранского «брачного контракта»: причины, по которым Москва и Тегеран де-факто воюют в Сирии, различны, но это не мешает им поддерживать определенный уровень взаимодействия.

На протяжении последних десятилетий САР оставалась стратегическим партнером ИРИ в арабском мире. Вплоть до начала в Сирии гражданской войны отношения Тегерана и Дамаска сохраняли тесный и доверительный характер, развиваясь в целом без сбоев. Иранцы приветствовали сирийскую позицию по региональным проблемам, подчеркивая, что именно Тегеран и Дамаск в качестве двух «братских стран с особым взглядом на ближневосточные дела» призваны сыграть основную роль в противодействии усилиям США и Израиля в регионе БСВ, прежде всего в Палестине, Ливане и Ираке. Кроме того, Тегеран и Дамаск проводили регулярную «сверку часов» по курдской проблеме. Традиционно плотным был график двусторонних встреч.

На этом фоне потеря Ираном такого союзника, как Дамаск означала бы значительное ослабление позиций Тегерана на БСВ. Более того, на текущий момент военное присутствие ИРИ в САР считается командой Верховного лидера ИРИ важным элементом масштабного противостояния Исламской

Республики ее основным оппонентам в регионе – Израилю, США и КСА. Все это делает сохранение проиранского режима в Сирии жизненно важным вопросом для Тегерана.

Что касается России, то ее вмешательство в конфликт было обусловлено уверенностью в том, что подъем радикального исламизма в Сирии и Ираке – это существенная угроза национальной безопасности и безопасности стран СНГ. Единственным способом сдерживания распространения этой угрозы представлялось сохранение сирийского режима. Именно в режиме Б. Асада Москва видела последнего гаранта того, что САР не погрузится в полный хаос и не выплеснет в регион БСВ и за его пределы новые волны джихадистов. Когда к лету 2015 г. падение Дамаска стало лишь вопросом времени, Кремль принял решение начать подготовку военной операции в Сирии, что сразу же сделало его естественным партнером Тегерана в борьбе за выживание сирийской государственности.

В САР Россия и Иран сформировали относительно действенный тандем, взаимодополняя друг друга. Так, власти ИРИ оказывают Дамаску финансово-материальную поддержку и помощь в живой силе. Стараниями Тегерана на стороне Б. Асада воюют не только представители регулярных частей Корпуса стражей исламской революции, иранские добровольцы, но и ливанская «Хезболла», а также целый региональный «интернационал» – афганцы, пакистанцы, иракцы. В свою очередь Россия предоставляет Дамаску то, без чего иранская помощь в живой силе была бы бесполезна на поле боя, а именно – поддержку с воздуха, артиллерию и тяжелую технику. Москва также разделила с ИРИ бремя материально-технической поддержки режима. Имеет место ситуативная координация действий, взаимодействие осуществляется на дипломатическом треке.

Российско–иранское взаимодействие и региональные игроки

Тем не менее использовать слово «союз» применительно к российско–иранскому региональному взаимодействию пока преждевременно даже в случае с Сирией. Прежде всего, в военной сфере отсутствует главный признак союзнических отношений двух стран – объединенный штаб или иной наднациональный орган для постоянной и устойчивой координации усилий сторон. Информационный центр в Багдаде не в счет, поскольку по своей сути это всего лишь информационный канал, через который стороны общаются. В целом же вместо плотной координации имеет место ситуативное взаимодействие, не более того. В основном Иран и Россия идут в Сирии параллельными курсами, а за ее пределами и вовсе действуют на БСВ самостоятельно, но с оглядкой на то, чтобы не предпринимать шагов, которые могут вызвать существенное раздражение визави.

Отсутствие реального союза между Россией и Ираном определяется самим характером двустороннего сотрудничества, которое построено на вынужденном взаимодействии при явном расхождении стратегических задач. Причем этот фактор действует как ограничитель сближения двух стран и

по региональной проблематике в целом. Иными словами, прагматизм при выстраивании российско–иранского диалога на БСВ позволяет сгладить острые углы, но не устраняет их.

В первую очередь у Москвы и Тегерана различаются концептуальные подходы при выборе региональной стратегии. Так, Россия строит свою политику на принципе балансирования между государствами БСВ до тех пор, пока те сохраняют хотя бы малую степень заинтересованности в диалоге с Москвой. Тегеран же, претендуя на роль регионального лидера, вынужден жестче обозначать свои предпочтения по линии «свой – чужой». В этих условиях России приходится периодически дистанцироваться от действий и шагов Ирана, чтобы не быть вовлеченной в ненужные ей конфликты и противостояния. В частности, российскому руководству очень не хотелось бы становиться участником шиитско–суннитского противостояния, разворачивающегося на БСВ, где сама логика событий отводит Тегерану роль защитника интересов шиитов и неизбежно сталкивает с другими лидерами региона – Саудовской Аравией и ее партнерами по ССАГПЗ. На этом фоне союз Москвы с шиитским Ираном лишь даст козырь тем, кто стремится выставить Россию врагом суннитов и использовать эту карту не только для ослабления ее позиций на БСВ, но и для дестабилизации мусульманских регионов РФ.

Российские и западные эксперты достаточно много писали о планах российского руководства по развитию отношений со странами–членами ССАГПЗ, а также о тех проблемах, которые взаимодействие с Тегераном в текущих условиях может создать для этого сотрудничества⁶⁰. Однако стоит обратить внимание еще на один момент: ввязавшись в противостояние Ирана и ССАГПЗ на стороне Тегерана, Москва рискует в конечном счете пострадать больше всех. Это связано с тем, что текущее столкновение ИРИ и арабских монархий Персидского залива не является чем–то новым или уникальным. Традиционно отношения между ними развиваются по синусоиде: периоды противостояния сменяются попытками (и не всегда неудачными) найти общий язык и мирно сосуществовать. В частности, период существенного потепления в отношениях с ССАГПЗ, особенно с малыми арабскими монархиями, пришелся на середину – вторую половину 2000–х гг. Тогда Тегеран сделал ряд шагов по улучшению дипломатических отношений со своими соседями по Персидскому заливу и налаживанию сотрудничества с ними в экономической и энергетической сферах. Последнее иногда делалось в ущерб российским интересам. Например, чтобы угодить Катару и значительно улучшить отношения с ним, правительство М. Ахмадинежада в 2008 г. пренебрегло договоренностями с Москвой и проголосовало за Доху как штаб–квартиру Форума стран – экспортеров газа (изначально ИРИ должна была поддержать кандидатуру Санкт–Петербурга).

Не стоит забывать о том, что в 2010–х гг. власти ОАЭ и Омана периодически закрывали глаза на использование властями ИРИ территории этих государств с целью обхода международных санкций. Более того, по некоторым

См., напр.: Suchkov M. Why Russia's Middle East Agenda doesn't Appeal to GCC // Al-Monitor, 11 June 2015.
URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/06/russia-middle-east-agenda-gcc.html>

данным, руководство Омана даже выступило неофициальным посредником между США и Ираном, оказав им помощь в запуске неофициального диалога для подготовки официальных переговоров по линии группы «5+1». На этом фоне текущая конфронтация Ирана и стран-членов ССАГПЗ обусловлена складывающейся в регионе ситуацией, а также паранойей руководителей арабских монархий, которые за каждой своей политической неудачей на БСВ видят руку Тегерана и реагируют соответственно остро. Иран же подходит к вопросу развития отношений с государствами ССАГПЗ прагматично и, несмотря на арабскую истерию, шлет своим оппонентам сигналы о готовности договариваться. В этих условиях Москва, выступив против монархий Персидского залива, может неожиданно оказаться в одиночестве, так как не исключено, что Тегеран, воспользовавшись моментом, пойдет со своими оппонентами на мировую.

Возможность такого сценария, очевидно, понимают и в российском руководстве. Поэтому уровень диалога с ССАГПЗ Москвой поддерживается несмотря ни на что. Вопреки всем разногласиям, Россия в мае 2016 г. провела у себя очередную встречу глав МИД арабских монархий Персидского залива. Более того, в итоговом заявлении Москва даже поддержала необходимость решения территориальных споров между ИРИ и ОАЭ на площадке ООН (против этого выступает Тегеран).

Российско–иранский диалог и израильский фактор

Другой достаточно острый момент для ирано–российских отношений – палестино–израильские связи. Здесь установки ИРИ остаются неизменными уже практически на протяжении тридцати лет.

Израиль по–прежнему воспринимается ключевым оппонентом Исламской Республики в регионе, а демонтаж «сионистского режима» в Тегеране периодически называют единственным возможным решением палестино–израильского вопроса. Тегеран также настаивает на прекращении оккупации арабских территорий, возвращении беженцев и проведении на палестинских территориях референдума о самоопределении палестинского народа. Де–факто выступая против концепции «двух государств», Иран сдержанно относится к усилиям квартета международных посредников – России, США, ЕС и ООН. С нескрываемым пессимизмом он оценивает перспективы реализации любых квартетных инициатив, опасаясь монополизации мирного процесса американцами.

Россия в этом вопросе занимает иную позицию. Последовательно выступая за решение палестино–израильского вопроса только на основе принципа «двух государств», Москва все активнее налаживает связи с Тель–Авивом. Эксперты даже говорят об установлении хороших личностных отношений между лидерами России и Израиля. В частности, показательным (и беспрецедентным для истории российско–израильских отношений) стало совместное обращение В. Путина и Б. Нетаньяху в ходе визита израильского премьер–министра в Москву в апреле 2016 г. к российскому и зарубежному еврейству по случаю наступления праздника Песах. На этом фоне Москва

дала Тель–Авиву гарантии, что никакие ее действия на Ближнем Востоке не нанесут ущерб Израилю. В результате любые попытки Ирана развернуть агрессивные действия против Израиля имеют все шансы вызвать крайне негативную реакцию в Кремле.

Перспективы российско–иранского регионального взаимодействия

Примеры Израиля и ССАГПЗ – наиболее показательная демонстрация случаев, когда российско–иранский диалог по региональной проблематике сталкивается со значительными ограничениями. И эти случаи далеко не единственные.

Различия и настороженность отмечаются в подходах сторон и по Ираку, Турции, вопросам региональных трубопроводов. Например, Россия старается не вмешиваться во внутренние дела Ирака, тогда как политика Тегерана служит одним из факторов, определяющих динамику иракских внутривнутриполитических реалий. Схожая ситуация и с борьбой против ИГ, запрещенной в России террористической организации, на иракском направлении. В то время как иранские власти активно вовлечены в вооруженное противостояние, Москва, очевидно считая, что Багдад находится не в столь критической ситуации как Дамаск, ограничивает свою поддержку местного правительства поставками техники и обменом информацией.

В экономической сфере Россия и Иран могут выступать сообща против региональных энергетических проектов, которые одинаково неприемлемы для них, например против проекта Транскаспийского газопровода (ТКГ). Однако ситуация сразу же меняется, если одна из сторон видит для себя выгоду от их реализации. В частности, последовательно возражая против ТКГ, иранцы неоднократно заявляли о своей готовности вдохнуть жизнь в проекты типа «Набукко», наладить поставки природного газа в ЕС и тем самым обеспечить европейцам значительно большую независимость от российского голубого топлива. Несмотря на то, что реальные возможности хотя бы войти на европейский рынок газа у ИРИ в ближайшее время вряд ли появятся, подобные слова, звучащие из Тегерана, едва ли можно назвать дружественными или соответствующими союзническим отношениям.

Принимая во внимание указанные различия в мотивах действий России и Ирана на БСВ, ожидать формирования постоянного и эффективного альянса между двумя странами не приходится (если, конечно, не произойдет что–то неординарное, кардинально меняющее тактику поведения сторон). Вместе с тем благодаря общности подходов к решению ряда проблем диалог между Москвой и Тегераном в будущем будет только укрепляться, выражаясь на практике в ситуативном сотрудничестве. При этом не стоит забывать о том, что Россия и Иран имеют разный политический вес. Россия претендует на статус ключевого международного игрока, и ее ближневосточная политика является хотя и важной, но лишь частью более глобальной игры, которую ведет Москва. Для ИРИ с ее претензиями на статус региональной державы регион БСВ приоритетен уже сам по себе, что обеспечивает гораздо боль-

шую вовлеченность Тегерана в разворачивающиеся там события (например, в ситуацию в Йемене или в Ираке). Для Москвы такая степень вовлеченности не всегда оправдана и необходима. В результате наиболее тесное сотрудничество между государствами наблюдается в Сирии, где уровень их вмешательства достаточно высок. В том же Ираке, где Москва ограничивается поставками оружия Багдаду, интенсивность российско–иранского диалога невелика.

Давуд КИАНИ,
эксперт IRAS

Центральная Азия и Южный Кавказ — регионы, с которыми соседствуют Иран, и Россия, — таят в себе как угрозы, так и возможности, некоторые из которых являются общими для обеих стран. Долгосрочные интересы Ирана и России совпадают и заключаются в обеспечении безопасности и стабильности в стратегически важных регионах Центральной Азии и Кавказа. В то же время существует ряд общих вызовов и угроз, которые также включают в себя ряд региональных конфликтов, в том числе политических, религиозных и этнических, вмешательство внешних сил в регионе, а также развивающиеся отношения таких стран, как Грузия и Азербайджан, с Североатлантическим альянсом (НАТО). Тем не менее, общие интересы, вызовы и угрозы не сформировали основу для устойчивого сотрудничества между Россией и Ираном в указанных регионах. Причина этого заключается в отсутствии не только общего понимания необходимого типа сотрудничества, но и общего представления о характере угроз и/или единой позиции относительно того, следует ли ту или иную ситуацию считать вызовом. Так как угроза является субъективно воспринимаемым феноменом, помочь сблизить взгляды Тегерана и Москвы могут обсуждения на высоком уровне и консультации по вопросам политики и безопасности.

Одной из важнейших общих угроз для Ирана и России является расширение НАТО и усиление ее влияния на регионы Центральной Азии и Кавказа. В основных российских внешнеполитических документах и документах по вопросам безопасности НАТО определяется в качестве одной из давних и серьезных угроз, поэтому попытки Москвы сосредоточены на противодействии усилению влияния этой организации в Восточной Европе, Центральной Азии и на Южном Кавказе. Однако Россия, по-видимому, либо не осознает, что, в отличие от ситуации в Восточной Европе, по вопросам расширения НАТО в Центральной Азии и на Южном Кавказе необходимо сотрудничать с Ираном, либо у нее есть сомнения относительно позиции Ирана по отношению к НАТО.

Расширение НАТО и региональная безопасность Ирана

Среди политической элиты Ирана не существует разногласий относительно того, представляет ли НАТО опасность для страны. Формально зафиксированная в документах цель создания Североатлантического альянса не представляет угрозы для Ирана. Однако если рассмотреть сущность и задачи этой организации, приняв во внимание, что управляют ею страны Запада, то нельзя не заметить изменений в ее доктрине по сравнению с периодом холодной войны или даже с прошедшим десятилетием, и эти изменения представляют собой угрозу безопасности Ирана.

С 1991 г. НАТО, подчеркивая необходимость действий в регионах за пределами Европы, расширила свое географическое присутствие «вне Северной Атлантики». НАТО расширила спектр своих задач и миссий, используя такие механизмы и инициативы, как «Совет евроатлантического партнерства», «Партнерство во имя мира», «Средиземноморский диалог», а также «Стамбульская инициатива о сотрудничестве» с целью расширения своего

присутствия вблизи границ России и приближения к границам Ирана. В этой связи в Иране опасаются, что противостояние России и НАТО может вызвать ряд негативных последствий для Центральной Азии и Северного Кавказа и, тем самым, негативно отразиться на Иране, граничащем с этими регионами.

Окружение Ирана

После саммита в Стамбуле в июне 2004 г. под девизом «Наша безопасность в новом веке» НАТО в рамках «Стамбульской инициативы о сотрудничестве» расширила свое присутствие в регионах, геополитически важных для Ирана, – от Персидского залива до Восточной Азии и от Восточной Европы до севера Ирана. В настоящее время НАТО либо присутствует физически в большинстве стран, граничащих с Ираном, либо тесно сотрудничает с ними.

Помимо Турции, которая является северо-западным соседом Ирана и членом Альянса, с 2001 г. НАТО появилось у границ Ирана со стороны Афганистана (протяженность границы составляет примерно 1000 км). Также НАТО развивает отношения с Пакистаном. Кроме того, страны-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива стремятся к сближению с НАТО и активно сотрудничают с данной организацией. В настоящее время НАТО реализует разработанные механизмы сотрудничества с странами Центральной Азии и на Южном Кавказе с целью развития отношений с постсоветскими государствами. Представляется, что стремление Азербайджана и Грузии к членству в НАТО в последние годы является серьезным вызовом для Ирана в силу того, что НАТО в все чаще рассматривает Иран как угрозу.

Подготовка новой военной доктрины и представление Ирана в качестве угрозы

Развитие военной доктрины НАТО после холодной войны привело к тому, что Иран пополнил список врагов альянса. Подтверждение данному тезису можно найти в новой Стратегической концепции НАТО, опубликованной после Лиссабонского саммита 2010 г., в отношении иранской ядерной программы. В этом документе подтверждается, что Иран в связи с развитием им программы обычного вооружения, в частности противокорабельных крылатых ракет, является источником беспокойства, особенно с точки зрения безопасности морских торговых путей.

С другой стороны, развитие Ираном арсенала ракет дальнего радиуса действия в соответствии с п. 5 Устава НАТО относит его к разряду одной из главных угроз будущего десятилетия. В этой связи члены НАТО также выразили обеспокоенность возможностью ракетной атаки в адрес стран Европы, входящих в НАТО, со стороны Ирана. В документе указывается на то, что с развитием ракетного потенциала Иран к 2020 г. сможет добиться дальности обстрела, способной достичь некоторых стран Европы, а согласно п. 5 Устава НАТО должна всесторонне защищать от баллистических угроз Ирана любого из членов альянса. Кроме того, разработка Ираном ракет класса «земля – море»

рассматривается как серьезная угроза для безопасности движения и прохода нефтяных танкеров в регионе Персидского залива и Оманского моря. В отчете, который был подготовлен за несколько лет до Всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе, говорится о том, что стремление Ирана к обогащению ядерного топлива, развитие ядерного вооружения, а также отказ следовать резолюциям Совета Безопасности ООН по вопросам ядерной программы будут влиять на безопасность стран-участниц НАТО. В заявлении, сделанном в ходе заседания глав государств и правительств стран НАТО в Варшаве в 2016 г., приветствуется соглашение по ядерной программе Ирана, но вместе с тем подчеркивается, что НАТО по-прежнему серьезно обеспокоена разработкой баллистических ракет и продолжающимися баллистическими испытаниями в Иране, которые являются нарушениями резолюции 2231 Совета Безопасности ООН.

Среди тех, кто принимает решения в сфере внешней политики и обороны Ирана, сложилось единое мнение, что присутствие НАТО у границ Ирана является угрозой безопасности страны. По убеждению Тегерана, приближение НАТО к границам страны влечет за собой риск обострения региональных кризисов и конфликтов в будущем. Тегеран уверен, что НАТО представляет собой военную силу, стоящую на службе политики США, а значит, несет угрозу для Ирана. Помимо этого, сотрудничество Израиля и НАТО также вредит интересам Ирана. Присутствие НАТО в Персидском заливе и ее сотрудничество с Кувейтом и ОАЭ в долгосрочной перспективе представляет угрозу для Ирана. В Афганистане НАТО также преследует долгосрочные цели, идущие вразрез с интересами Тегерана. Кроме того, нельзя забывать о факте прямого соседства со страной-участницей НАТО – Турцией.

Другими словами, изменение взглядов НАТО на безопасность, в частности, экстраполяция понимания безопасности с регионального на международный уровень, проведение агрессивной политики и принятие новых подходов к безопасности, с одной стороны, и попытки организации представить разработку Ираном баллистических ракет в качестве потенциальной угрозы – с другой, привели к тому, что перспективы отдаления НАТО от границ Ирана практически нереальны. И хотя Иран естественно выстраивает свою оборонительную систему таким образом, чтобы иметь возможность противостоять любой агрессии в отношении своей территории, эта система не позиционируется Тегераном исключительно как инструмент борьбы с НАТО.

Подобное положение привело к тому, что Исламская Республика Иран внимательно следит за развитием военных инструментов НАТО. Дипломатический аппарат, а также оборонительные ведомства Ирана должны быть готовыми отвечать на действия НАТО на приграничных территориях. Таким образом, необходимо развивать сотрудничество с Россией в стремлении ограничить присутствие НАТО в соседних регионах, в том числе в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Важный вопрос заключается в том, обладают ли Иран и Россия реальными возможностями для сотрудничества в противодействии угрозам НАТО в указанных регионах.

Возможности и ограничения сотрудничества Ирана и России в сдерживании НАТО

В отношениях Ирана и России на протяжении двух последних десятилетий отмечались взлеты и падения, которые во многом обусловлены характером политического взаимодействия этих стран с США и Западом. В то время как за 37 лет, прошедших после революционных событий в Иране, подход Ирана к США и Западу оставался неизменным даже после соглашения по ядерной программе в 2015 г., отношения России, США и НАТО подвергались существенным колебаниям. Причина неустойчивости заключается также и в том, что отношение России к НАТО определяется характером взаимодействия с США.

Во всех документах, касающихся национальной безопасности, с 2000 г. и до настоящего времени Кремль называл НАТО угрозой национальной безопасности России. При этом несмотря на кризисы в Украине и Сирии, вызвавшие серьезное ухудшение отношений России и НАТО, Москва, как представляется, по-прежнему заинтересована в выстраивании двусторонних отношений с этой организацией. Следует напомнить, что на заседании в Лиссабоне в 2010 г. Россия, разделяя озабоченность НАТО по поводу вопросов безопасности, включая иранскую «угрозу», смогла убедиться в согласии западных стран на присоединение России к общей системе европейской безопасности. В то же время итоги саммита позволяли России рассчитывать на особую роль в рамках возможного взаимодействия НАТО и Ирана по вопросам региональных угроз. Однако в последующие годы по причине кризиса в Украине отношения России и НАТО ухудшились.

Однако несмотря на то, что отношения России и НАТО остаются напряженными, главным препятствием для сотрудничества Ирана и России в противостоянии НАТО является то, что Россия, по-видимому, не осознает необходимость сотрудничества с Ираном для противодействия угрозе НАТО в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Другое важное препятствие заключается в том, что иранская элита, считающая НАТО угрозой безопасности Ирана, рассматривает как угрозу и присутствие Израиля в регионе. В этом заключается одно из главных противоречий во взглядах между Россией и Ираном, поскольку Россия всерьез озабочена присутствием НАТО в регионе, однако не возражает против укрепления отношений Израиля со странами региона.

Очевидно, конструктивное взаимодействие Ирана и России в действующих условиях станет наиболее подходящей стратегией для противодействия нарастающей угрозе со стороны НАТО в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Это сотрудничество сократит затраты, которые Россия вынуждена нести при одностороннем противостоянии НАТО. Непрямое противостояние, которое сформировалось за последние годы между НАТО и Россией, показывает, что Россия предпочитает использовать одновременно оборонительные и наступательные меры для предотвращения усиления влияния организации в соседних регионах. Несмотря на то, что Россия представляет собой

одну из передовых военных держав мира, по словам президента Владимира Путина, в Москве осознают, что одной из целей НАТО и Запада является втягивание России в гонку вооружений, которая приведет к значительным экономическим затратам для России. Совместные региональные инициативы России и Ирана позволят не только избежать гонки вооружений в регионе, но и способствовать поддержанию региональной безопасности и сформировать фундамент для экономического роста России, Ирана и других государств региона.

Среди важнейших причин стремления Ирана стать членом региональных организаций сотрудничества, в том числе ШОС, можно отметить развитие региональных инициатив, направленных против проникновения НАТО в Центральную Азию и на Кавказ. В связи с тем, что Китай также считает политику, преследуемую НАТО на Востоке, затрагивающей его безопасность, Ирану и России необходимо развивать сотрудничество с Китаем на данном направлении.

Другим возможным способом является вовлечение в двусторонние региональные инициативы Ирана и России третьих стран из числа тех, которые ориентированы на сотрудничество с НАТО, таких как, например, Азербайджан. В стратегически важном регионе Южного Кавказа Азербайджан является страной, которая находится в центре внимания НАТО, и лидеры этой страны на протяжении многих лет сотрудничают с Альянсом в различных форматах. Трехсторонний саммит с участием президентов Ирана, России и Азербайджана, прошедший в 2016 г. в Баку, стал еще одним шагом в направлении укрепления связей Азербайджана с Ираном и Россией и снижения его зависимости от зонтика безопасности НАТО. Следует сказать, что стратегия сотрудничества России с Ираном и другими странами региона для сдерживания НАТО должна учитывать следующие два момента: во-первых, необходим многосторонний подход к проблеме безопасности, а во-вторых, следует уделить больше внимания интересам, опасениям и статусу государств региона.

Специфика существующих вызовов в регионах, граничащих с Ираном и Россией, в особенности на Южном Кавказе, характеризуется тем, что большая часть проблем не может быть решена военным путем. Подход к нетрадиционным вызовам безопасности, таким как терроризм, этнические конфликты, организованная преступность, экологические и другие кризисы, требует выбора иных способов их преодоления, в том числе культурного, социального, политического и экономического сотрудничества. Подобный комплексный подход может эффективно конкурировать с подходом западных государств, основанном на западных ценностях.

Опыт показывает, что поддержание стабильности и безопасности в любой региональной и международной системе зависит от понимания интересов, опасений и степени вовлеченности всех ее членов, а также их функций в рамках данной системы. В настоящее время терроризм и экстремизм, слабость государственной власти и вмешательство внерегиональных сил являются тремя основными и тесно переплетенными угрозами безопасности стран

Южного Кавказа. Во избежание критики со стороны западных государств относительно политических режимов и прав человека государства региона идут на уступки западным странам и НАТО, что зачастую угрожает безопасности Тегерана и Москвы. Таким образом, обсуждая вопрос формирования новой системы безопасности в регионе, Ирану и России следует учитывать интересы, опасения и положение всех действующих в регионе сил.

Тема 5. Общие вызовы безопасности и перспективы сотрудничества

**Владимир
ЕВСЕЕВ,
эксперт РСМД**

До недавнего времени российско–иранские отношения складывались непросто ввиду отсутствия взаимного доверия на фоне серьезного давления со стороны Запада. Тем не менее Москва и Тегеран сталкиваются с общими вызовами безопасности и имеют возможности для их преодоления, что даже в условиях частичного несовпадения национальных интересов может способствовать движению двух стран к стратегическому партнерству. Важными шагами на этом направлении могут стать вступление Ирана в ШОС в качестве полноправного члена и установление им партнерских отношений с Секретариатом ОДКБ.

В последние десятилетия развитие отношений между Россией и Ираном во многом определялось как различием национальных интересов, так и отсутствием взаимного доверия между ними в условиях серьезного давления со стороны Соединенных Штатов. Как известно, в июне 1995 г. председатель правительства РФ В. Черномырдин и вице–президент США А. Гор подписали секретный протокол, на основании которого к концу 1990–х гг. сотрудничество Москвы и Тегерана в военно–технической сфере полностью прекратилось⁶¹.

В то же время Россию настораживал высокий уровень конфронтации Исламской Республики Иран с США, Израилем и Саудовской Аравией, что особенно ярко проявилось в период правления президента М. Ахмадинежада. Поэтому в Москве в целом положительно восприняли приход к власти в ИРИ в 2013 г. Х. Роухани, который призвал к диалогу на региональном и глобальном уровнях. В результате 14 июля 2015 г. представители Ирана и «шестерки» (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германия) согласовали Совместный всеобъемлющий план действий, запустив процесс постепенного снятия с ИРИ как международных, так и односторонних финансово–экономических санкций. На этом фоне существенно расширился российско–иранский стратегический диалог, чему способствует наличие общих вызовов в сфере безопасности.

Общие традиционные и нетрадиционные вызовы безопасности

В качестве основных традиционных вызовов в сфере безопасности ИРИ рассматривает следующие (по степени их приоритетности).

Первый вызов – сохранение американского военного присутствия в Афганистане, Бахрейне, Катаре, Омане, Кувейте, Объединенных Арабских Эми-

⁶¹ Почему Россия решила поставить Ирану С-300? // Русская весна, 14.04.2015.
URL: http://www.rusvesna.su/editorial_column/1428981471

ратах и ряде других государств Ближнего и Среднего Востока⁶², а также в Турции. В Тегеране хорошо понимают, что наличие развернутой военной инфраструктуры позволяет США проецировать свою силу на территорию государств, имеющих не совпадающие с американскими национальные интересы. Например, это проявилось в 2003 г. при свержении С. Хусейна в Ираке.

Второй вызов – активная деятельность Израиля по сбору разведывательной информации на территории Ирана. В частности, в Азербайджане вблизи иранской границы действует значительное количество израильских средств технической разведки как наземного, так и воздушного базирования в виде беспилотных летательных аппаратов⁶³.

Третий – нанесение Армией обороны Израиля на регулярной основе ракетно-бомбовых ударов по автоколоннам (местам хранения) иранских грузов, поставляемых ливанскому движению «Хезболла» и палестинским группировкам ХАМАС и «Исламский джихад». В частности, в октябре 2015 г. Израиль подверг бомбардировке объекты в горах Аль-Каламун недалеко от сирийско-ливанской границы⁶⁴. 18 февраля 2016 г. израильские ВВС выпустили три ракеты по объекту, расположенному на трассе, ведущей из Дамаска в Дераа. Атаке подверглись склады оружия в районе Тель-Мана, которые, скорее всего, принадлежали движению «Хезболла».

Четвертый – продолжение опосредованной войны с Саудовской Аравией в Ираке и Сирии (в Йемене, Ливане и Афганистане она менее выражена). В такой войне с одной стороны выступают вооруженные формирования арабов-суннитов и наемников, находящихся на полном содержании саудитов. В Ираке и Сирии им противостоят национальные армии и милицейские формирования, представленные в большей степени арабами-шиитами (алавитами, христианами, езидями, друзами), которых активно поддерживает Иран. В результате вооруженная борьба порой приобретает характер суннитско-шиитского противостояния.

Пятый вызов – сохранение иракского, сирийского, афганского, палестинско-израильского, йеменского и нагорно-карабахского вооруженных конфликтов. Для Ирана это означает угрозу переноса войны из Ирака или Афганистана на его собственную территорию, утрату влияния на Ближнем и Среднем Востоке (Южном Кавказе), воспрепятствование реализации его региональных амбиций.

Среди нетрадиционных вызовов в сфере безопасности Иран особое внимание уделяет сепаратизму, исламскому экстремизму, незаконному экспорту наркотиков, оружия и боеприпасов, незаконной миграции, а также различным проявлениям трансграничной преступности. При этом наибольший

⁶² Эбади А. Восемь ключевых военных баз США, по которым Иран может нанести свой удар // IA FARS, 11.06.2015.
URL: <http://www.inosmi.ru/world/20150611/228512342.html>

⁶³ Георгиев В. Антииранская стратегия Азербайджана // Iran.ru, 14.03.2012.
URL: http://www.iran.ru/news/analitics/78978/Antiiranskaya_strategiya_Azerbaydzhana

⁶⁴ Reuters: Израиль нанес ракетный удар южнее Дамаска // Новости в Израиле (Тель-Авив), 18.02.2016.
URL: <http://www.news.israelinfo.co.il/world/60581>

приоритет отдается проблеме сепаратизма ввиду стремления к независимости как местных курдов, так и белуджей и арабов. Ситуация усугубляется де-факто независимым статусом Иракского Курдистана и соответствующими заявлениями представителей сирийских курдов.

Россия, возвращаясь на Ближний и Средний Восток, не стремится к региональному лидерству или вытеснению из этого региона США. Ее больше беспокоит тот факт, что «возникший в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вакуум власти привел к образованию зон анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами»⁶⁵. Поэтому, как заявил президент В. Путин на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, «лицемерно и безответственно выступать с громогласными декларациями об угрозе международного терроризма и при этом закрывать глаза на каналы финансирования и поддержки террористов, в том числе и за счет наркобизнеса, нелегальной торговли нефтью, оружием, либо пытаться манипулировать экстремистскими группировками...»⁶⁶.

Исходя из этого, основные традиционные вызовы России в сфере безопасности можно представить следующим образом.

На первом месте по степени приоритетности – неурегулированность сирийского, афганского, нагорно-карабахского, иракского, палестино-израильского и йеменского вооруженных конфликтов. Все эти конфликты достаточно удалены от российских границ (за исключением нагорно-карабахского) и угрожают дестабилизацией не собственно территории России, но стратегически важным для нее регионам Центральной Азии и Южного Кавказа. Кроме того, возможное проникновение из конфликтных зон радикалов-исламистов существенно повышает риск совершения в России террористических актов.

На втором месте – попытки США, их союзников и партнеров, в первую очередь Саудовской Аравии и Турции, установить в Сирии удобный им режим, что чревато разрушением государственности в этой стране (по примеру Сомали или Ливии).

Еще один вызов – сохранение в регионе американского военного присутствия. Помимо отмеченной возможности проецирования силы, расположенные в регионе военные базы США активно используются для сбора разведывательной информации о ВС России и ее союзников. К тому же они располагают большим количеством высокоточного оружия, которое может быть задействовано в рамках нанесения по России «быстрого глобального удара».

Кроме того, Москву не может не беспокоить шиитско-суннитское противостояние, развернувшееся в Ираке, Сирии, Йемене и Бахрейне. Поскольку на территории России проживают в основном мусульмане-сунниты, наша

⁶⁵ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. 28.09.2015.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>

⁶⁶ Там же.

страна всячески уклоняется от вовлечения в вооруженные конфликты на стороне шиитского Ирана (к Сирии это имеет меньшее отношение, так как алавиты лишь условно могут быть отнесены к шиитам).

Озабоченность Москвы вызывает также противоборство Ирана и Израиля на грани военной конфронтации. В связи с этим России приходится быть крайне осмотрительной в поставках Тегерану современных видов вооружения и военной техники.

Что касается нетрадиционных вызовов в сфере безопасности, то Россия наибольшее внимание уделяет исламскому экстремизму, незаконному экспорту наркотиков, оружия и боеприпасов, сепаратизму, незаконной миграции, а также различным проявлениям трансграничной преступности.

Учитывая вышеизложенное, можно говорить о таких общих для России и Ирана традиционных вызовах безопасности, как:

- неурегулированность сирийского, афганского, нагорно-карабахского, иракского, палестино-израильского и йеменского вооруженных конфликтов;
- ирано-саудовское и ирано-израильское противостояние;
- сохранение в регионе военного присутствия США.

В целом нетрадиционные вызовы безопасности России и Ирана совпадают. Они ведут совместную борьбу с исламским экстремизмом, который представлен в Сирии и в Ираке радикальной организацией «Исламское государство», а в Афганистане – движением «Талибан». Объективно это сближает два государства, требуя от них все более тесного сотрудничества по линии не только спецслужб, но и военных ведомств. Однако на практике такое сотрудничество не всегда получается, например в сфере противодействия незаконному экспорту наркотиков из Афганистана. Это обусловлено как различными путями транспортировки наркотических веществ (так называемый северный маршрут прямой угрозы для Ирана не представляет), так и отсутствием реального взаимодействия российских и иранских спецслужб на территории Афганистана.

Вместе с тем по степени приоритетности нетрадиционные вызовы безопасности России и Ирана несколько различаются. В частности, проблема сепаратизма сегодня для России уже не столь актуальна, но она проявляется на Северном Кавказе и в стратегически важных для Москвы Центральной Азии и Южном Кавказе.

Несомненно, Россия и Иран имеют серьезные возможности по совместному преодолению вызовов безопасности. Но одновременно есть и ограничения в плане развития сотрудничества между Москвой и Тегераном в данной области. Рассмотрим эти ограничения на примере урегулирования региональных вооруженных конфликтов.

Российско-иранское сотрудничество вряд ли возможно в урегулировании палестино-израильского конфликта. Дело в том, что Россия как участник ближневосточного «квартета» совместно с США, ЕС и ООН выступает за

исключительно мирное разрешение данного конфликта. Что касается Ирана, то, добиваясь максимально возможного ослабления Израиля (в идеале – распада этого государства), он оказывает военную помощь ливанскому движению «Хезболла» и палестинской группировке ХАМАС. Очевидно, что такая политика Тегерана неприемлема для российской стороны.

По ситуации в Йемене ограниченное российско–иранское сотрудничество возможно, несмотря на вовлеченность ИРИ в вооруженный конфликт на стороне хуситов. В Тегеране постепенно приходят к пониманию того, что взорвать Саудовскую Аравию с помощью хуситов и арабов–шиитов не получится. В ходе своего визита в Италию и Ватикан в конце января 2016 г. президент ИРИ Х. Роухани заявил: «Мы не стремимся к напряженности отношений с Саудовской Аравией. Иран и Саудовская Аравия – два государства, играющие очень важную роль в регионе. Мы заинтересованы в восстановлении безопасности на Ближнем Востоке и считаем, что, на самом деле, террористическая группировка «Исламское государство» является главной проблемой для региона»⁶⁷. Это служит основанием для поиска приемлемого для сторон компромисса на основе достигнутого статус–кво. Но при этом следует учитывать, что исторически Москва поддерживала Южный Йемен (хуситы живут на севере этой страны).

Значительно большее совпадение интересов России и Ирана наблюдается в Афганистане. Это подтвердил министр обороны России С. Шойгу во время посещения Тегерана в январе 2015 г. После встречи с министром обороны ИРИ Х. Дехганом он сообщил: «Мы обменялись мнениями по ряду актуальных проблем международной и региональной безопасности. В первую очередь, это касается обстановки на Ближнем Востоке и в Афганистане. Во многом наши оценки ситуации близки или совпадают»⁶⁸. В частности, обе страны призывают сделать упор на скоординированных усилиях по борьбе с международным терроризмом и наркотрафиком.

Но Иран в отличие от России – один из основных инвесторов этой страны. По неофициальным данным, в ИРИ находятся не менее 1,5 млн афганских беженцев и трудовых мигрантов⁶⁹. Нельзя недооценивать и влияние Тегерана на ираноязычных шиитов – хазарейцев, часть которых воюет в Сирии под руководством офицеров иранского Корпуса стражей исламской революции⁷⁰. При этом иранцы не скрывают стремления взять под свой контроль часть афганской территории, в частности провинцию Герат.

В Нагорном Карабахе Россия и Иран выступают за мирное разрешение вооруженного конфликта. По этому вопросу, включая недопущение в зону

⁶⁷ Роухани: Иран не хочет обострения отношений с Саудовской Аравией // Haqqin.az, 27.01.2016.
URL: <http://www.haqqin.az/news/62240>

⁶⁸ Шойгу: позиция России по Афганистану нашла понимание в Иране // РИА Новости, 20.01.2015.
URL: http://www.ria.ru/defense_safety/20150120/1043376109.html

⁶⁹ Панкратенко И. Афганистан: восточный фронт Тегерана // Iran.ru, 15.09.2014.
URL: http://www.iran.ru/news/analytics/94621/Afganistan_vostochnyy_front_Tegerana

⁷⁰ Горохов П. Иран отправил на помощь Башару Асаду тысячи бойцов-добровольцев // Агентство «Ридус», 05.06.2015. URL: <https://www.ridus.ru/news/187579.html>

конфликта западных миротворцев, позиции Москвы и Тегерана практически полностью совпадают. Вместе с тем Россия является сопредседателем Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта (наряду с двумя другими сопредседателями – США и Францией), имеет союзнические отношения с Арменией и отношения стратегического партнерства с Азербайджаном. Как следствие, именно президент РФ В. Путин оказал основное влияние на прекращение так называемой четырехдневной войны в зоне Нагорного Карабаха в начале апреля 2016 г.

Наиболее тесное взаимодействие между Россией и Ираном наблюдается в Сирии, в том числе в боях против боевиков ИГ и «Джабхат ан-Нусры» и в большей степени на тактическом уровне. Ключевая роль Москвы в поиске путей мирного урегулирования этого конфликта требует от нее взаимодействия не только с США, но и с региональными соперниками Ирана – Саудовской Аравией, Турцией и Израилем. В дальнейшем роль России в Сирии, по-видимому, будет усиливаться при некотором ослаблении влияния ИРИ в этой стране.

Следует учитывать, что Россия не желает превращения Голанских высот в плацдарм для нанесения ударов по Израилю, а сирийской территории – в транспортный коридор для ливанского движения «Хезболла». В то же время в Москве прекрасно понимают, что российско-иранское взаимодействие крайне необходимо для сохранения Сирии как единого государства.

Россия старается максимально избегать вовлечения в вооруженный конфликт в Ираке, который все более приобретает характер суннитско-шиитского противостояния. Москва поставляет вооружения Багдаду и в меньшей степени Эрбилю, но не занимается обучением вооруженных формирований и авиационным обеспечением боевых действий. Иран же непосредственно вовлечен в силовое разрешение этого конфликта и заинтересован в стабилизации ситуации при сохранении шиитского доминирования. Очевидно, что это чревато расколом страны, против чего выступает Россия.

Можно констатировать, что совместное преодоление общих традиционных и нетрадиционных вызовов в сфере безопасности позволит России и Ирану уверенно двигаться к стратегическому партнерству. Однако на этом пути существуют не только возможности, но и серьезные препятствия, которые обусловлены в первую очередь несовпадением национальных интересов двух государств. И это несовпадение будет проявляться все ярче, например по вопросу о будущем государственном устройстве Сирии. Но поскольку оно не носит фундаментального характера, взаимный компромисс вполне возможен. Более того, он жизненно необходим и России, и Ирану.

Российско-иранское сотрудничество в рамках международных организаций

Состоявшийся 23–24 июня 2016 г. в Ташкенте саммит Шанхайской организации сотрудничества убедительно продемонстрировал курс организации на расширение своего состава. Индия и Пакистан подписали необходимые

меморандумы, поэтому с высокой степенью вероятности на следующем саммите, который пройдет в июле 2017 г. в Астане, они станут полноправными членами ШОС. Это будет свидетельствовать о начале процесса качественного изменения организации, что потребует введения временного моратория на прием новых членов (ориентировочный срок моратория – до пяти лет).

Иран, давно подавший соответствующую заявку, – несомненный кандидат в новые члены ШОС. Вступление в силу в конце 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию иранской ядерной проблемы позволяет рассмотреть заявку Тегерана в практической плоскости. Но при этом следует учитывать, что решения в ШОС принимаются на основе консенсуса. В этих условиях Тегерану нужно активно работать с теми государствами-членами, которые не поддерживают такой шаг в рамках организации, в частности с Таджикистаном и Узбекистаном. До принятия решения о моратории на расширение ШОС остается все меньше времени, поэтому ИРИ целесообразно ускорить работу на этом направлении.

Представляется, что ШОС – это хорошая площадка для российско-иранского взаимодействия. Она позволяет задействовать ресурсы других государств-членов, в первую очередь Китая и Индии, в том числе для реагирования на традиционные и нетрадиционные вызовы в сфере безопасности. Именно для этого и создавалась Региональная антитеррористическая структура ШОС, деятельность которой сегодня выходит далеко за рамки борьбы с терроризмом. В ШОС как возможной будущей модели устройства мира есть и другие механизмы преодоления вызовов и угроз. Причем после приема Индии позиции России в этой организации только усилятся.

Среди других международных структур, которые активно действуют в сфере безопасности, нужно выделить Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Она представляет собой военно-политический блок, предназначенный для преодоления традиционных и нетрадиционных вызовов. Вступление в нее Ирана было бы исключительно полезным для решения ряда региональных проблем, но даже в среднесрочной перспективе это невозможно, так как требует установления между Москвой и Тегераном союзнических отношений. Вместо этого Иран мог бы, например, установить партнерские отношения с Секретариатом ОДКБ. Это позволило бы ему укрепить военно-политические отношения с Россией и попытаться сформировать трехсторонний диалог Россия – Иран – Таджикистан по преодолению вызовов безопасности со стороны Афганистана.

Следует отметить, что с 2003 г. в рамках ОДКБ проводится комплексная оперативно-профилактическая операция «Канал», которая признана ООН самой крупномасштабной и эффективной в предупреждении незаконного оборота наркотиков из Афганистана⁷¹. Вовлеченность в операцию иранских спецслужб обеспечивает эффективное взаимодействие России и Ирана в создании финансовых поясов безопасности вокруг Афганистана.

⁷¹ Антинаркотическая операция «Канал», проводимая Организацией Договора о коллективной безопасности, признана ООН самой крупномасштабной и эффективной в противодействии афганскому наркотрафику.
URL: <http://www.odkb.gov.ru/e/azkk.htm>

Особое внимание ОДКБ уделяет и противодействию нелегальной миграции. Совместные оперативно–профилактические мероприятия и спецоперации под условным названием «Нелегал», проводимые в рамках организации, позволяют в целом держать ситуацию под контролем миграционных служб и правоохранительных органов. Кроме того, они оказывают положительное влияние на совершенствование миграционного законодательства и принятие мер административного и предупредительно–профилактического характера в странах–членах ОДКБ⁷². Представляется целесообразным подключение к этой работе и Ирана для регулярного обмена информацией о миграционной обстановке и прогнозирования возможных рисков и угроз.

Разумеется, существуют и другие площадки для российско–иранского взаимодействия в области безопасности. В частности, Москва и Тегеран могли бы более тесно сотрудничать в ООН по Сирии, Афганистану, Ираку и Йемену, в ОБСЕ – по Нагорному Карабаху, в Организации исламского сотрудничества – по сдерживанию исламского экстремизма с использованием потенциала исламских фондов (центров и других организаций).

Таким образом, Россия и Иран имеют как общие вызовы безопасности, так и значительные возможности для их преодоления. Несмотря на неоднозначный исторический опыт двустороннего сотрудничества и частичное несовпадение национальных интересов по ряду региональных проблем, у Москвы и Тегерана нет непреодолимых препятствий на пути к стратегическому партнерству. Существенным подспорьем в этом отношении могло бы стать вступление Ирана в ШОС в качестве полноправного члена, а также установление иранской стороной партнерских отношений с Секретариатом ОДКБ.

⁷² Денисенко Е. Кыргызстан примет участие в операции ОДКБ «Нелегал-2016» // Вечерний Бишкек, 09.02.2016.
URL: http://www.vb.kg/doc/333907_kyrgyzstan_primet_ychastie_v_operacii_odkb_nelegal_2016.html

**Махмуд
ШУРИ,
эксперт IRAS**

Исламская Республика Иран, без сомнения, в последние 25 лет не только была ближайшим государством Ближнего Востока к России, но и считалась самой стабильной страной, сотрудничающей с ней в данном регионе. На протяжении всего постсоветского периода отношения Ирана и России, несмотря на многочисленные взлеты и падения, были особенными с точки зрения стратегической ценности для обеих стран.

Тем не менее, в силу ряда причин взаимодействие двух стран во всем регионе Ближнего Востока не было активным, несмотря на наличие общих подходов по некоторым региональным вопросам, в первую очередь – противодействие военному вмешательству США. Участие в урегулировании конфликта в Сирии на самом деле представляет собой новую сферу сотрудничества Ирана и России в постсоветский период. До сирийского конфликта Иран и Россия имели опыт взаимодействия по урегулированию кризиса в Таджикистане и в некоторой степени в Афганистане, однако двустороннее сотрудничество по урегулированию в Сирии имеет ряд важных отличительных черт. Сотрудничество Ирана и России ни в одном из прошлых кризисов не давало повода для беспокойства региональным и внерегиональным державам; если оно и играло ключевую роль в стабилизации региона, то точно не определяло региональную систему. В отличие от прошлых кризисов взаимодействие Ирана и России по сирийскому вопросу может стать решающим фактором в формировании будущей региональной системы безопасности на Ближнем Востоке. Таким образом, важный вопрос заключается в том, какие перспективы существуют для продолжения сотрудничества по различным проблемам и кризисам на Ближнем Востоке и может ли оно заложить основу новой региональной системы?

Ближний Восток и проблемы региональной системы

Возможно, одной из самых сложных задач для исследователей международных отношений является определение существующей системы в регионе Ближнего Востока. Тот факт, что понятие «Ближний Восток» является умозрительной конструкцией, порождает сложности не только в описании его границ, но и в определении элементов, акторов и правил этой системы. По этой причине ключевые факторы, определяющие данный регион менялись в различные времена: от конкуренции европейских держав в начале XX в. до проблем энергетики, арабского национализма и арабо–израильского конфликта в период после Второй мировой войны.

В последние два десятилетия XX в. к проблемам Ближнего Востока добавились вопросы исламизма, после чего этот регион столкнулся с различными проблемами: от вопроса оружия массового уничтожения (ОМУ) до терроризма и от революций в арабских странах до религиозного экстремизма. Регион Ближнего Востока невозможно описать ни в терминах теории комплекса региональной безопасности Б. Бузана (Barry Buzan) и Оле Вейвера (Ole Waever), ни используя теории интеграции и дезинтеграции. Даже понятие регионализации, которое использовалось для объяснения многих региональных процессов и тенден-

ций в период после холодной войны во многих регионах мира, неприменимо для этого региона. Для некоторых исследователей Ближний Восток является «регионом без регионализации»^{73, 74}, в то время как для других Ближний Восток представляет собой исключение в рамках данной теории. Причины, по которым Ближний Восток является скорее исключением, чем правилом в рамках данной теории, включают расхождение национальных интересов стран региона, влияние мировых держав на положение дел в регионе, арабо–израильский конфликт и роль «политического ислама»⁷⁵.

Вопрос понимания логики развития региона Ближнего Востока, а также того, какие параметры следует принимать во внимание, до сих пор вызывает множество споров. С точки зрения реализма, возможно, локализация конфликтов и союзов в регионе в некоторой степени объясняется распределением баланса сил между основными игроками и особенно политикой ведущих держав. Однако проблема реалистических подходов заключается в том, что они слишком сильно опираются на государства и власть и поэтому не принимают во внимание социальные процессы. Очевидно, что изучать вопросы баланса сил на Ближнем Востоке без учета социальных и дискурсивных изменений невозможно. Десятилетиями ведущие державы, включая США, Европу и СССР/Россию, стремятся достичь мирного урегулирования арабо–израильского конфликта. Тем не менее, решение данного конфликта до сих пор не найдено и он время от времени он вновь становится основной проблемой региона. Таким же образом, вопрос исламского возрождения, получивший дополнительный импульс после Исламской революции в Иране в 1979 г., вновь и вновь возвращается на повестку дня в различных формах и идеях, несмотря на противодействие со стороны великих держав. Идеи противостояния авторитаризму и стремления к свободе также сохранили свою жизнеспособность на протяжении всего прошлого века и в различные периоды способствовали формированию новых процессов в регионе. События в арабских странах в 2010–2011 гг., вошедшие в историю под названием «арабская весна», в действительности считаются последним результатом идей стремления к свободе в регионе.

Возможно, когда–то судьбу Ближнего Востока определяли ведущие державы, однако в настоящее время конфликт идей, с одной стороны, и соперничество региональных держав – с другой, влияют на географию Западной Азии и Северной Африки. Кроме того, транснациональные и негосударственные акторы в регионе, такие как курды, ДАИШ (ИГИЛ), ливанская Хезболла и другие группировки, также обрели значимую роль в региональных процессах.

С момента своего начала более пяти лет назад, кризис в Сирии повлиял на систему безопасности на Ближнем Востоке, в то время как страна фактиче–

⁷³ A region without regionalism.

⁷⁴ Aarts, P. (1999), "The Middle East: a Region without Regionalism or the End of Exceptionalism?," *Third World Quarterly*, *Journal of Emerging Areas*, 20: 5, 911-25.

⁷⁵ Bezen Balamir Coskun, *Regionalism and Securitization: The Case of the Middle East*. In *Beyond regionalism? : regional cooperation, regionalism and regionalization in the Middle East* / edited by Cilja Harders and Matteo Legrenzi. Ashgate Publishing, 2008.

ски превратилась в арену противостояния идей и интересов различных сил. Таким образом, с точки зрения многих исследователей, формат урегулирования сирийского кризиса определит будущее региональной системы. В этой связи союзы и коалиции, сформировавшиеся в ходе сирийского кризиса, могут повлиять на способ разрешения кризиса и будущее региональной системы. В качестве ключевой особенности союзов в сирийском кризисе следует отметить, что несмотря на пять лет, прошедших с его начала, и участие в этих событиях большого числа локальных, региональных и внерегиональных игроков, ни одной полноценной коалиции, которая бы включала различных игроков так и не было сформировано. На практике до настоящего времени только некоторые крупные игроки координировали свои действия в рамках сирийского кризиса. До сих пор мы наблюдали сотрудничество между Турцией и Саудовской Аравией и между Турцией и США, с одной стороны и сотрудничество между Ираном и Россией – с другой. Единственная существующая в регионе коалиция сформировалась между Саудовской Аравией и рядом стран, поддерживающих Эр-Рияд в конфликте в Йемене, однако и этот союз также нельзя считать полноценным альянсом. Несмотря на то, что у каждой из сторон есть много общих целей и интересов, ситуация в регионе и на международной арене, в том числе затяжной характер кризиса в Сирии, наличие ряда противоречий, неясностей, тактических и даже стратегических разногласий, не позволяет сформироваться полноценным связям между акторами. В этих условиях все игроки стараются не создавать прочных коалиций. Точно так же как США, Турция и Саудовская Аравия не во всем поддерживают друг друга в этом кризисе, Иран и Россия также не сформировали прочного союза.

Кроме того, с учетом постоянных изменений условий и масштаба кризиса, все его участники постоянно сталкиваются с тем, что реальная ситуация в стране и динамика ее развития не соответствует их ожиданиям. Это, в свою очередь, привело к изменению ожиданий и поведения ряда акторов, примером чему служат действия Турции. Ввиду нестабильности ситуации есть вероятность, что в будущем мы станем свидетелями больших перемен в коалициях или поведении игроков.

Помимо основных сил в сирийском кризисе существуют также и другие участники из соседних регионов, такие как европейские страны, Израиль, Иордания, Катар и Египет, которые, если и не имеют серьезного влияния на сирийский кризис, в определенных условиях, возможно, будут влиять на ход событий. Среди ключевых игроков в Сирии Ирак является единственным участником, выстроившим тактическое и стратегическое взаимодействие с США, европейскими державами и, в меньшей степени, с Турцией, с одной стороны, и с Ираном, Россией и правительством Башара Асада – с другой. Вот почему растущее тяготение Ирака к одной из сторон, возможно, будет иметь ключевое влияние на кризис. Кроме того, Ирак может стать связующим звеном для некоторых игроков, находящихся по разные стороны конфликта.

Сотрудничество Ирана и России в сирийском кризисе

Несмотря на то, что Исламская Республика Иран за последние 25 лет стала ближайшей к России страной Ближнего Востока, сотрудничество Ирана и России до кризиса в Сирии не имело значительных проявлений в указанном регионе. Общие интересы стран до начала сирийского конфликта концентрировались на вопросах двустороннего или международного характера, как, например, неприятие гегемонии и односторонних действий США. Ситуация в Сирии впервые заставила Иран и Россию оказаться на одном фронте на Ближнем Востоке. По этой же причине проблема Сирии не только может повлиять на будущую систему безопасности в регионе Ближнего Востока и место в ней Ирана и России, но даже, возможно, будет играть определяющую роль в сотрудничестве Ирана и России в других сферах. Если обе страны будут иметь успешный опыт в урегулировании кризиса в Сирии, он сможет быть применен и в ряде других областей.

В настоящее время Иран и Россия смогли реализовать свои цели и политику в Сирии посредством разделения задач без формирования полноценного альянса. За один год военного присутствия России в Сирии (при том, что Иран стремился не превратиться в своего рода «наземные войска» России в рамках конфликта, а Россия соответственно старалась не превратиться в «военно-воздушные силы Ирана») обе страны смогли через разделение задач предотвратить достижение так называемой сирийской оппозицией своих целей.

Хотя Иран и Россия преследуют одни и те же цели в Сирии, и может показаться, что они сражаются на одной стороне, в действительности наши страны сражаются за свои национальные интересы, не в последнюю очередь благодаря разумному разделению задач и инструментов. Иран не сражается в Сирии на стороне России, равно как и Россия не сражается на стороне Ирана. При всем этом, пока их приоритеты в Сирии не изменятся, можно ожидать, что сотрудничество будет основано на разделении обязанностей и задач, гарантируя достижение целей обеих стран, однако в случае изменения приоритетов общая ситуация также может полностью измениться. Другими словами, возможности устойчивого алгоритма разделения полномочий между Ираном и Россией в Сирии не существует. Если Россия захочет перейти от военной операции к сугубо дипломатическим усилиям по разрешению кризиса, она получит шанс управлять ходом событий, и возможностей для разделения задач и обязанностей как одного из путей сотрудничества между двумя сторонами будет гораздо меньше. Если оценить положение объективно, становится ясно, что ни Россия, ни Иран не готовы принять сценарий, при котором управление кризисом осуществляется полностью одной из стран. Соответственно, лучшим механизмом для сотрудничества между двумя сторонами остается разделение задач. По мнению научного руководителя Института востоковедения РАН Виталия Наумкина, существует три сценария, связанных с будущим сирийского кризиса:

- постепенное национальное примирение через диалог, основанный на Женевском процессе;
- военная победа президента Башара Асада;

- большая война с участием всех мировых держав.

Согласно В. Наумкину, «официальная позиция России, как и большинства глобальных и региональных держав, по-прежнему исходит из необходимости политического решения сирийского конфликта на основе Женевского коммюнике 30 июня 2012 г. и Венских договоренностей Международной группы поддержки Сирии (МГПС) 2015 г.»⁷⁶.

Исламская Республика Иран также многократно заявляла о своей поддержке политического решения для выхода из сирийского кризиса. Однако проблема состоит в том, что власти Ирана, в отличие от российских, без оптимизма смотрят на пути решений и соглашений, одной из сторон которых является США. И, наоборот, кажется, что Россия не только надеется на достижение соглашения с США по сирийской проблеме, но и считает такое соглашение единственно возможным. Руководитель Совета по внешней и оборонной политике России Федор Лукьянов в статье для американского журнала *Foreign Affairs* писал о том, что вопреки изменениям последних 25 лет в отношениях США и России большинство серьезных международных кризисов происходило при участии обеих стран, и только они были способны разрешить их⁷⁷.

С точки зрения иранских экспертов, Россия стремится к большим достижениям на Ближнем Востоке при ограниченных ресурсах и ограниченном участии. Это увеличивает риски, связанные с поведением России, для всех основных игроков, в том числе для Ирана. Кроме того, через этот кризис Россия старается решить свои проблемы с Западом или по крайней мере нивелировать их. В дипломатических попытках урегулирования сирийского кризиса Россия сильно надеется на поддержку и сотрудничество с США.

Несмотря на стратегическое сотрудничество Ирана и России в сирийском кризисе и возможные последствия для будущего региона, нет сомнений, что подходы и отношение двух стран к событиям и действиям других игроков в этом регионе имеют ряд отличий. Очевидно, что будущие отношения Ирана и России на Ближнем Востоке будут зависеть от того, как эти различия будут преодолеваются, а также достижений, полученных от прямого и непрямого двустороннего сотрудничества.

С самого начала было очевидно, что цели российского участия в сирийском вопросе будут отличаться от целей Ирана. Для Ирана сохранение так называемого «фронта исламского сопротивления» через поддержку правительства Башара Асада считается важнейшей задачей, в то время как Россия выступает в поддержку действующего президента с целью обеспечить его сторонникам представительство при формировании будущего коалиционного правительства. Военное вмешательство для России было инструментом достижения дипломатических и политических целей. По этой же причине, как только сложились необходимые условия, Россия представила различ-

⁷⁶ Виталий Наумкин. Сирия: национальное примирение, военная победа или «большая война»?

URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/ru/originals/2016/02/syria-national-reconciliation-military-war-russia-geneva.html>.

⁷⁷ Fyodor Lukyanov, Putin's Foreign Policy, *Foreign Affairs*, Volume 95 Number 3 May / June 2016.

ные проекты для дипломатического урегулирования кризиса. В этой связи уже были предприняты два успешных шага в этом направлении: во-первых, начались прямые переговоры между всеми сторонами, задействованными в конфликте и, во-вторых, установлено перемирие и режим прекращения огня между всеми участниками переговорного процесса. На третьей стадии Россия заинтересована в том, чтобы предоставить проект управления страной после кризиса. Вышеупомянутым задачам соответствует подготовка проекта новой конституции и предложения по федерализации Сирии. До сих пор не ясно, насколько эти проекты отвечают интересам другой стороны и насколько они реализуемы даже при ее согласии; но очевидно, что, если Россия не сможет сохранить свое влияние по меньшей мере в западном регионе Сирии, который включает в себя Дамаск, Латакию, Тартус, сирийское побережье Средиземного моря, она не получит никаких преимуществ от военного участия в этом конфликте. Проект по федерализации Сирии, возможно, также будет желательным вариантом для Ирана, но, с его точки зрения, фактически разделенная на части Сирия не может быть сильным участником сопротивления Израилю.

Кроме того, хотя с точки зрения России эти проекты и создают максимально благоприятный фундамент для будущего Сирии, он не решит основную проблему Сирии и всего региона – присутствие радикальных течений. В действительности суть проекта в области противостояния радикальным течениям, предлагаемого Москвой, заключается в устранении поддержки со стороны внешних сил и создании международной коалиции для противостояния экстремистам. Иран относится к этим предложениям не слишком оптимистично, так как сомневается, что США стремятся к искоренению радикальных течений в регионе.

Другое важное замечание по поводу сотрудничества Ирана и России в Сирии состоит в том, что, как бы ни нуждалась Россия в поддержке Исламской Республики Иран в начале этого процесса, эта потребность может серьезно уменьшиться в будущем. Другими словами, хотя активные действия России в сирийском конфликте при поддержке Ирана принесли хорошие результаты, в будущем Россия может задуматься о взаимодействии и с другими сторонами. Российский эксперт Владимир Евсеев в ходе общения с иранским институтом IRAS указал на то, что в будущем роль России в Сирии будет увеличиваться, в отличие от роли Ирана в этой стране.

Различия в подходах к проблемам Ближнего Востока

Помимо проблем, связанных с будущим Сирии, существует ряд других вопросов, которые, по мнению иранских экспертов, станут важным препятствием на пути развития взаимодействия Ирана и России в регионе Ближнего Востока от стратегического сотрудничества до стратегического партнерства. Ряд этих вопросов, по мнению иранских экспертов, заключается в подходе России к Ближнему Востоку и включает в себя следующие аспекты:

Отношения с Израилем. Лозунги о необходимости уничтожения Израиля, звучащие со стороны Исламской Республики Иран, не имеют ничего

общего с политикой России, и Россия выступает решительно против какой-либо угрозы со стороны Ирана по отношению к Израилю.

Стремление России предотвратить гегемонию какой-либо державы в регионе. Россия также выступает против любого нарушения баланса сил в регионе, в том числе превосходства одной из держав региона над всеми другими.

Нежелание России поддержать проекты Ирана по устройству региона. Россия в целом смотрит с опаской на идеологический подход Ирана к миру и региону. Если Россия поддерживает противостояние главенствующей роли США, то идею создания справедливой системы, основанной на балансе сил в регионе, она не разделяет.

Разница в подходе к противодействию политике США в регионе. При том, что Россия постоянно выступает против военного присутствия США в регионе, до начала сирийского кризиса она практически не возражала против этого присутствия и не считала себя в связи с этим ущемленной, в то время как Исламская Республика Иран считает военное присутствие США в регионе реальной и прямой угрозой для собственной национальной безопасности.

Нежелание России участвовать в региональных альянсах. Несмотря на тесные связи России с Ираном, Россия не заинтересована в оформлении альянса с Ираном, поскольку это может стать препятствием для развития отношений с другими странами региона.

Перспективы

Возможно, Иран и Россия до сих пор далеки от стратегического партнерства для проектирования новой модели безопасности на Ближнем Востоке, тем не менее в этой связи необходимо иметь в виду следующее:

Во-первых, с учетом условий в Западной Азии и Северной Африке в краткосрочной перспективе едва ли можно ожидать, что Иран, Россия или любая другая держава смогут выстроить новую региональную систему. Таким образом, пока существуют общие угрозы, необходимо думать об общих путях противодействия им и своевременно проводить переговоры по поводу урегулирования и разрешения противоречий.

Во-вторых, планы России для Сирии, как было сказано ранее, активно реализуются, однако по всей видимости, время для оценки успехов России, с одной стороны, и приемлемости этого успеха для Ирана – с другой стороны, еще не наступило.

В-третьих, Россия не была и не является системообразующей державой на Ближнем Востоке и после распада СССР она не стремилась к созданию противовеса Западу в этом регионе. Россия не желает, чтобы существующий баланс изменился, и в этих рамках она рассматривает Иран в качестве одного из игроков наряду с другими. Иными словами, план России для Ближнего Востока необязательно предполагает всестороннее сотрудничество с Ираном. Несомненно, Исламская Республика Иран по причине прошлых свя-

зей с Россией, а также близости позиций обеих стран на международном уровне обладает огромным потенциалом для продолжения стратегического сотрудничества с Россией на Ближнем Востоке. Однако при рассмотрении этой перспективы следует иметь в виду следующие нюансы.

Западная Азия и Северная Африка (регион, именуемый в западных источниках Ближним Востоком) не является регионом, в котором возможно эффективное и устойчивое присутствие через реалистский, то есть основанный на межгосударственных связях и понятии государственной мощи, подход. Обладание жесткой и дипломатической силой, если и является эффективным фактором для влияния на события на Ближнем Востоке, не будет достаточным, поэтому необходимо больше внимания уделять вопросу убеждений и социальной легитимности. Исламская Республика Иран обладает ресурсами дискурса, политическим и культурным влиянием в регионе, Россия же обладает военной и дипломатической силой. Комплекс этих преимуществ может помочь обеспечению стабильности и созданию устойчивой системы на Ближнем Востоке.

С учетом того, что ни Иран, ни Россия не готовы к тому, что одна из двух стран займет лидирующие позиции на Ближнем Востоке, образец разделения сфер ответственности, который использовался в Сирии, может быть применим по отношению ко всему региону Ближнего Востока.

Исламская Республика Иран по причине того, что она может проводить независимую внешнюю политику, является единственной страной, совместно с которой Россия может сохранить свое влияние на Ближнем Востоке посредством разделения задач.

Сотрудничество с Западом по разрешению сирийского кризиса необходимо, однако Запад в результате не позволит России превратить Ближний Восток в сферу своего влияния.

«Рыночный подход» по отношению к региону Ближнего Востока и попытки использования всех возможностей если и будут отвечать интересам России в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе не позволят стране превратиться в надежного, сильного и достойного доверия союзника для других стран региона.

Тема 6. Сотрудничество России и Ирана в противодействии терроризму и религиозному экстремизму

**Сергей
ДЕМИДЕНКО,
эксперт РСМД**

Салафиты – кто они?

Для начала попробуем определиться с тем, что считать радикальным исламом и из чего проистекает высокая степень непримиримости его адептов по отношению к другим культурам и конфессиям. Сегодня это явление известно под названиями «салафизм» или «ваххабизм».

Ислам разделен на религиозно–правовые школы, именуемые мазхабами. В настоящее время существуют четыре суннитских мазхаба – ханафитский, ханбалитский, шафиитский и маликитский. Эти направления отличаются отношением их представителей к основным источникам исламского право–ведения – Корану, сунне, иджме и кыйясу⁷⁸. Из всех мусульманских богословов наиболее консервативны ханбалиты: главными источниками права они считают лишь Коран и сунну⁷⁹.

Основателем этой школы был известный богослов Ахмад Ибн Ханбал (780–855 гг.). Второе рождение учения относится к XVIII в. и связано с именем Мухаммеда ибн Абд аль–Ваххаба (1703 или 1704 – 1792 гг.), основоположника так называемого салафитского («ваххабитского») призыва. По мнению Абд аль–Ваххаба, ислам нуждался в очищении, избавлении от вредных новшеств (бида). В частности, этот религиозный деятель считал ересью веру в чудеса, совершаемые кем бы то ни было, кроме божества, отрицал культ святых, характерный для суфийских религиозных практик, порицал паломничество к местам, не связанным непосредственно с именем божьим, а также принесение жертв, обетов и т.д.⁸⁰ Иными словами, с точки зрения последователей Абд аль–Ваххаба, шииты–иранцы, наделяющие главу своей общины сверхчеловеческими характеристиками («сахиб аз–заман» – повелитель времени, способен посредничать перед Аллахом за грешников, сокрываться в горние выси и возвращаться оттуда в мир через много веков), подвержены куфру (неверию) и, следовательно, подлежат либо исправлению, либо физическому истреблению.

В контексте сказанного выше стоит особо отметить, что руководители группировки «Исламское государство» (запрещена в России), которая представляет собой наиболее яркую реинкарнацию исламистской доктрины, относят себя в идейном смысле к последователям Ибн Ханбала и Абд аль–Ваххаба.

⁷⁸ Под иджмой понимают согласованное мнение мусульманских законовевов по отдельным вопросам религиозно–правового характера, не оговоренных ни в Коране, ни в сунне. Кыйяс – это суждение о непредусмотренных Священным писанием и Священным преданием прецедентах по аналогии с описанными в Коране и сунне.

⁷⁹ Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М., 2011.

⁸⁰ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745–1973). М.: Наука, 1982.
URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1034067>

По данным Би-би-си, глава ИГ Абу Бакр аль-Багдади (настоящее имя – Ибрахим Аввад Ибрахим Али аль-Бадри⁸¹, также известен под именем Халиф Ибрагим) в начале 2000-х гг. проповедовал в мечети имама Ахмада Ибн Ханбалы в Самарре⁸². Полуофициальная биография аль-Багдади выводит его генеалогические корни из племени курейш, к которому принадлежал сам основатель ислама⁸³. Правдивы ли данные факты, сказать сложно. Однако то, что биографы аль-Багдади, информацию которых, как правило, и используют журналисты, пытаются отождествлять его личность с носителями «чистого ислама» (Ибн Ханбалом, Абд аль-Ваххабом и др.), не вызывает сомнений. Таким образом, идейную сторону доктрины ИГ вполне возможно соотнести с ваххабитским учением и ханбалитским мазхабом в целом.

Радикальный ислам в Иране

С религиозным экстремизмом Иран сталкивался на протяжении почти всей своей новейшей истории. Почти сразу после образования Исламской Республики одним из ведущих оппонентов нового иранского руководства стало движение «Моджахеддин э-Хальк» (по мнению экспертов, возглавляется оппозиционным кланом Раджави⁸⁴). Эта структура долгое время занималась организацией диверсионных вылазок и террористических актов на территории Ирана. Жертвами террористов становились не только простые граждане, но и высокопоставленные чиновники и представители шиитского клира. Пик террористической активности «моджахедов» пришелся на 1981 г., когда от их рук погибли второй президент Ирана Мохаммад Али Раджаи и глава кабинета министров Мохаммад Джавад Бахонар. В том же году «моджахеды» организовали взрыв у здания Исламской партии Ирана. Тогда погибли несколько десятков членов этой политической организации и ее лидер – аятолла Мохаммад Бехешти. Ответ иранских властей был жестким: «Моджахеддин э-Хальк» сначала подверглась репрессиям, а затем была вытеснена с территории Ирана.

Долгое время «моджахеды», заручившись покровительством Саддама Хусейна, базировались в лагере Ашраф на территории Ирака, откуда совершали вылазки против войск ИРИ⁸⁵. Фактический конец организации наступил в 2003 г., когда силы антисаддамовской коалиции разоружили радикалов (примечательно, что в 1990-е гг. США включили «Моджахеддин э-Хальк» в свой список террористических организаций, а в 2012 г. вывели якобы в связи с тем, что организация отказалась от экстремистских методов борьбы⁸⁶).

⁸¹ What is «Islamic State»? 02.12.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-29052144>

⁸² Zelin A.Y. Abu Bakr al-Baghdadi: Islamic State's Driving Force. 31.07.2014.
URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28560449>

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Bridey H. Iran's Fight Against Terrorism: Iran's relationship with terrorism, when seen through western eyes, is murky at best. Feb. 2015. URL: <http://www.contributoria.com/issue/2015-02/5491a707f24152fc42000029/>

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ См., напр.: Иранские моджахеды исключены из списка террористических организаций. 29.09.2012.
URL: <http://www.1news.az/region/Iran/20120929024233447.html>; Bridey H. Iran's Fight Against Terrorism...
URL: <http://www.contributoria.com/issue/2015-02/5491a707f24152fc42000029/>

В целом «Моджахеддин э–Хальк» нельзя считать исламистской организацией в прямом смысле этого слова. Ее идеология – это причудливая смесь из религиозных и левых теорий и взглядов. То есть эту структуру следует отождествить скорее с арабскими социалистами, в парадигме которых всегда уживались представление о возможности построения некоего справедливого государства, основанного на левых доктринах, и верность религиозным традициям, нежели с салафитами.

Иное дело – движение «Джундалла».

Эта структура однозначно отождествляется с ваххабитами и ведет религиозную войну против иранских шиитов в провинции Систан и Белуджистан. От рук ее боевиков, по разным данным, погибло от нескольких сотен до нескольких тысяч иранских солдат и полицейских⁸⁷. Когда именно была создана «Джундалла», точно никто не знает. Западные источники относят это событие к 2003 г., а региональные – к 2002 г.⁸⁸

Но «Джундалла», как и пуштунский «Талибан», не представляла для Ирана системной угрозы. Ни первая, ни вторая организации не преодолели уровня чисто региональной структуры, пытающейся распространить свое влияние на сравнительно небольшие участки Западной и Центральной Азии («Джундалла» – на территорию белуджей, «Талибан» – пуштунов). ИГ стало для Тегерана гораздо более масштабным вызовом.

«Исламское государство» выросло на обломках саддамовского Ирака и было порождено среди прочего недальновидной политикой прежнего багдадского премьера Нури аль–Малики (его многолетняя деятельность по наведению порядка в суннитских районах страны получила благословение в том числе и иранского руководства⁸⁹). Сегодня это интернациональная организация, насчитывающая в своих рядах тысячи радикалов – выходцев едва ли не из всех стран Востока. По словам директора Национального антитеррористического центра США Николаса Расмуссена, количество «иностранных» бойцов в ИГ достигает 28 тыс. человек⁹⁰. Данные Министерства обороны РФ примерно совпадают с американскими сведениями. Отечественные военные эксперты оценивают численность воюющих в ИГ иностранцев в 25–30 тыс. человек⁹¹.

Способы борьбы

Главным способом противодействия исламистской угрозе для Ирана сегодня является силовой.

Согласно заявлениям саудовских официальных лиц и другим источникам, иранские специалисты помогают воюющим против ИГ в Сирии членам груп–

⁸⁷ Sunni Group Vows to Behead Iranians // The Washington Times, 16.01.2006.
URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2006/jan/16/20060116-124019-6619/>

⁸⁸ Суннитские движения в Иране. Интервью с экспертом Сабахом аль–Муссави. URL: <http://ru.assakina.com/?p=541>

⁸⁹ Подробнее см.: Демиденко С.В. Ирак – смена декораций // Вестник аналитики. 2014. № 3. С. 76–84.

⁹⁰ What is «Islamic State»? URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-29052144>

⁹¹ Перемитин Г. В Минобороны оценили численность воюющих на стороне ИГ иностранцев. 04.11.2015.
URL: <http://www.rbc.ru/politics/04/11/2015/56398f199a794742adf514e1>

пировки «Хезболла» и войскам Башара Асада⁹². Иранцы активно задействованы на фронтах борьбы с радикалами в Ираке – не раз командир «Аль-Кодс», специального подразделения Корпуса стражей исламской революции, генерал-майор Касем Сулеймани был замечен в этой стране⁹³. По сведениям западной прессы, иранские инструкторы и спецназ тренируют бойцов шиитского ополчения и сами принимают участие в операциях против ИГ⁹⁴.

Внутри Ирана власти тщательно контролируют деятельность небольших радикальных суннитских групп, многие из которых представлены, помимо белуджей, курдами и туркменами⁹⁵. Их активность ограничена надзором со стороны специальных служб и Министерства культуры и исламской ориентации, которое утверждает программы деятельности религиозных организаций и выдает им соответствующие лицензии⁹⁶.

Но не только силовые методы использует Иран для борьбы с салафитами. Необходимо четко осознавать, что идеологическая доктрина постулирует (и это следует в том числе из основных положений Конституции Исламской Республики⁹⁷) наличие у ИРИ амбиций общемусульманского лидера. В этой связи Иран не может в силу хотя бы выбранного курса распространять негативное отношение к суннитским радикалам на весь мир этой конфессии. Так, летом 2014 г. глава Совета по целесообразности А. Хашеми Рафсанджани провел встречу с ведущими улемами и политическими лидерами суннитских общин Ирана. В ходе данного форума аятолла заявил, что Иран не делает различий между суннитами и шиитами и готов защищать права всех мусульман, вне зависимости от конфессиональной принадлежности⁹⁸.

Особенно ярко данное положение воплощается в отношении Тегерана к палестинскому вопросу. В контексте противостояния Израилю ИРИ контактирует даже с палестинскими религиозными радикалами, которые по идее должны были бы считаться его заклятыми врагами. В начале 2013 г. глава МИД Ирана М.Д. Зариф встретился в Бейруте с руководителем организации «Исламский джихад Палестины» Р. Абдуллой. В ходе переговоров, согласно данным иранских СМИ, обсуждались вопросы, касающиеся обострения обстановки в Ливане⁹⁹.

⁹² Интерфакс. Международные новости. 20.01.2014. 17:18; 14.02.2013. 21:59.

⁹³ См., напр.: Sharafedin B. General Qasem Soleimani: Iran's Rising Star. 06.03.2015.
URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27883162>

⁹⁴ Esfandiary D., Tabatabai A. Iran's ISIS Policy. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_publication_docs/INTA91_1_01_Esfandiary_Tabatabai.pdf

⁹⁵ Суннитские движения в Иране. Интервью с экспертом Сабахом аль-Муссави.
URL: <http://www.ru.assakina.com/?p=541>

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Конституция Исламской Республики Иран (преамбула, ст. 154).
URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/images/mce/constitution_of_iran.pdf

⁹⁸ Kay Armin Serjoie. One Result of the Gaza Conflict: Iran and Hamas Are Back Together. 19.08.2014.
URL: <http://www.time.com/3138366/iran-and-hamas-alliance-after-gaza-war/>

⁹⁹ Цит. по: Интерфакс. Международные новости. 13.01.2014. 17:35.

Иными словами, для Ирана радикальными исламистами являются лишь те сунниты, кто начал против него самого и других представителей религиозных меньшинств вооруженную борьбу.

Важно отметить, что в Иране есть сильное и авторитетное шиитское духовенство. Оно имеет, помимо всего прочего, четкую религиозную иерархию (в суннизме ее нет, а значит – фетвы может издавать кто угодно; этим занимался и Бен Ладен, и Доку Умаров, и другие деятели исламистской герильи) и высокий авторитет у простых людей. Аятоллы могут эффективно бороться с радикалами на поле, где те считают себя выдающимися знатоками, – на поле мусульманской догматики. Ваххабитские трактовки религиозных догм по большей части чужды шиитам Ирана (по данным ЦРУ, шииты составляют примерно 90–95% населения ИРИ¹⁰⁰), поскольку их религиозное сознание не приемлет непримиримости ваххабитов и специфики их подходов к толкованию священных текстов. Следовательно, суннитский ислам радикального толка для Тегерана – это угроза скорее внешняя, нежели внутренняя.

Через распространение влияния салафитов ИРИ сталкивается с ограничением своих геополитических возможностей, с обострением ситуации в отдельных районах (суннитских) государства, но не с масштабным внутренним кризисом. Как показывает практика, радикальный ислам плохо приживается на чуждой этнокультурной почве. Экстремисты, попадая в иную культурную среду, не мимикрируют, а агрессивно пытаются изменить ее под себя, и она очень часто их отторгает (именно поэтому ваххабизм не может прижиться, в частности, в Ливии, которая еще с XIX в. является царством суфизма¹⁰¹). В этом заключается причина поражения салафитов в исторической перспективе. Идеология этого движения – идеология борьбы и протеста, но не созидания. Шиитский же ислам Ирана уже доказал свою состоятельность в качестве обратном. В противном случае дело исламской революции Р. Хомейни уже давно кануло бы в Лету под напором американских санкций, интриг Саудовской Аравии и акций радикальных боевиков.

Иран и исламизм в Афганистане и в Центральной Азии

В контексте обострения исламистской угрозы важным направлением внешней политики Ирана является Афганистан. Отношениям с Кабулом иранское руководство всегда уделяло повышенное внимание, что обуславливалось, разумеется, не только соображениями безопасности. Афганистан – один из крупнейших рынков сбыта иранских товаров, занимающий, по данным Таможенного управления ИРИ, третье место в списке основных иранских импортеров с долей в 7,35% рынка¹⁰². Долгое время Тегеран оказывал помощь признанному международным сообществом правительству в Кабуле. О значительной роли, которую Исламская Республика играла в обеспечении безопасности в Афганистане, ранее регулярно заявлял бывший глава этой

¹⁰⁰ The World Factbook. Middle East: Iran. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>

¹⁰¹ Подробнее см.: Демиденко С.В. Ливия: «второй фронт» ИГИЛ? // Запад – Восток – Россия. 2015. М.: ИМЭМО, 2016. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/Zapad_Vostok/2016/Liviya_Demidenko.pdf

¹⁰² Цит. по: Справочник экспортера. Иран 2015. С. 8. URL: <http://iranterra.ru/2015.pdf>

страны Х. Карзай¹⁰³. Сегодня высший руководитель ИРИ Али Хаменеи в ходе встреч с официальными представителями афганского руководства выражает поддержку усилиям Кабула по борьбе с радикалами¹⁰⁴.

Однако в последнее время в афганской политике Тегерана начинают прослеживаться, хотя и не вполне отчетливо, новые нотки. И эти изменения напрямую связаны с усилением влияния в Афганистане «Исламского государства».

По оценкам некоторых военных экспертов, на которых ссылаются в том числе и ведущие американские СМИ, зона активности ИГ в Афганистане – восточные провинции. Число базирующихся там боевиков оценивается в 1000–3000 человек¹⁰⁵. При этом в отдельных частях страны «Исламское государство» становится силой настолько конкурентоспособной, что рискует бросать вызов даже некогда могущественному движению «Талибан». С недавнего времени столкновения между боевиками ИГ и талибами стали неотъемлемой частью афганского политического ландшафта¹⁰⁶.

Некоторые иностранные и русскоязычные СМИ сообщают о контактах, якобы имевших место между иранским руководством и талибами¹⁰⁷. По данным западных источников, сотрудничество между двумя не так еще давно непримиримыми врагами носит тактический характер и обусловлено именно фактором ИГ. Разумеется, такие сведения нуждаются в дополнительной перепроверке, тем более что иранские представители их полностью отрицают. Однако игнорировать эти сведения не стоит, учитывая тот факт, что о наличии подобного рода контактов на официальной пресс-конференции заявил председатель Партии национального взаимодействия Афганистана Наджибулла Кабули¹⁰⁸.

Угроза ИГ актуальна не только для Афганистана, но и для Центральной Азии, где в связи со сложной социально-экономической и политической ситуацией исламисты вербуют своих адептов на регулярной основе. Согласно отчетам ЦРУ, наиболее многочисленное центральноазиатское землячество в среде исламистов составляют представители Узбекистана¹⁰⁹. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что, по некоторым сведениям, Исламское движение Узбекистана (ИДУ), ведущая радикальная организация региона, ранее выступавшая последовательным союзником талибов, еще в 2014 г. присяг-

¹⁰³ См. напр.: Хамид Карзай выразил признательность Ирану. 18.05.2010.

URL: <http://www.russian.irib.ir/news/iran/1/item/113029-2010-05-18-16-15-06>;

Карзай: Содействие Ирана позволило Афганистану занять его истинное место. 27.12.2005.

URL: http://www.iran.ru/news/politics/36394/Karzay_Sodeystvie_Irana_pozvolilo_Afganistanu_zanyat_ego_istinnoe_mesto

¹⁰⁴ См., напр.: Аятолла Хаменеи: Иран поддерживает безопасность в Афганистане. 24.05.2016.

URL: <http://www.afghanistantoday.ru/hovosti/ayatolla-hamenei-iran>

¹⁰⁵ Copp T. US Airstrikes Target Thousands of Islamic State Fighters in Afghanistan. 11.02.2016. URL: <http://www.stripes.com/news/middle-east/us-airstrikes-target-thousands-of-islamic-state-fighters-in-afghanistan-1.393548>

¹⁰⁶ См., напр.: На востоке Афганистана произошли столкновения боевиков ИГИЛ и «Талибана». 12.02.2016.

URL: <https://www.regnum.ru/news/2077301.html>

¹⁰⁷ СМИ: Иран и «Талибан» сотрудничают в борьбе с ИГ. URL: <http://www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3317467>

¹⁰⁸ Партия национального взаимодействия: Иран тайно поддерживает афганских талибов. 11.06.2016.

URL: <http://www.afghanistantoday.ru/hovosti/partiya-nacionalnogo>

¹⁰⁹ CIA World Factbook. Cit. by: What is «Islamic State»? URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-29052144>

нуло на верность ИГ. Глава ИДУ Усман Гази при этом заявил, что истинный лидер исламистов Афганистана мулла Мухаммед Омар умер 14 лет назад, а нынешнее руководство «Талибана» погрязло «во лжи, афганизации¹¹⁰ и родстве́нничестве»¹¹¹.

Радикальный ислам и Россия

Ситуация с распространением радикального ислама в России в чем-то схожа с иранской, но есть и отличия. С одной стороны, как и в Иране, данное явление может серьезно угрожать лишь отдельным российским регионам, с другой – у нас нет такой мощной идеологии, которая могла бы на равных конкурировать с социально-религиозной парадигмой ваххабитов (только суфийские шейхи Дагестана имеют возможность что-либо противопоставить салафитам). Злую шутку с нами играют пробелы в образовании, причем как в светском, так и в фундаментально-религиозном. По данным социологических опросов, большинство отечественных мусульман не могут отнести себя ни к суннитам, ни к шиитам¹¹². Не последнюю роль в распространении радикализма играют традиционные российские социальные болезни – коррупция, кумовство, клановость и т.п.

В силу специфики российской культуры мы не в состоянии взять на вооружение большинство иранских методов борьбы против исламистов, за исключением, пожалуй, силовых. На данном треке Москва и Тегеран могут еще больше активизировать работу по линии спецслужб, обмена информацией, организации совместных акций против радикалов на Ближнем Востоке, куда мы с относительным успехом пытаемся в последние годы вернуться. Наиболее же перспективным направлением совместной деятельности представляется работа по активизации политического и экономического присутствия в Афганистане. Сегодня именно с территории этой страны и для России, и для Ирана исходит значительное количество угроз, связанных с распространением исламского радикализма. Москва и Тегеран могли бы сформировать совместную стратегию, предполагающую усиление помощи действующему афганскому руководству по всем возможным направлениям – военно-политическому, экономическому, гуманитарному. К регулярным контактам на афганском векторе целесообразно было бы подключить и Соединенные Штаты, которые в равной степени с нами заинтересованы в усилении борьбы с религиозными радикалами, особенно после волны организованных фундаменталистами террористических акций, прокатившейся по Америке в последние годы.

Укрепление сотрудничества США, России и Ирана в борьбе против общего врага может служить залогом стабилизации всей системы международной безопасности. Сегодня есть определенные основания полагать, что здоровый

¹¹⁰ Видимо, речь идет о предательстве дела общемусульманского единства.

¹¹¹ См., напр.: «Исламское движение Узбекистана» объявило о самоликвидации внутри ИГИЛ. 07.08.2015. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1438920300>

¹¹² См. данные социологических опросов группы «Среда»: Атлас религий и национальностей России. URL: <http://www.sreda.org/arena>

смысл возобладает над соображениями сиюминутной политической конъюнктуры, и глобальный антитеррористический альянс в конечном итоге будет создан. На эту мысль наводят, в частности, фактическое участие Ирана в совместной с США борьбе против ИГ в Ираке, а также координация действий российских и американских войск на сирийском направлении. Пока очертания будущего союза просматриваются весьма нечетко. Однако вполне возможно, что активизация экстремистских действий радикалов по всему миру (а то, что исламисты перешли в наступление, очевидно) подтолкнет ведущие мировые и региональные державы к углублению всеобъемлющего сотрудничества в самое ближайшее время.

**Расул
МУСАВИ,
эксперт IRAS**

Отличие экстремизма от исламизма

Относительно понятия «экстремизм» существует много различных мнений, часто противоположных, поэтому трудно дать определение этого явления, отражающее его природу и составляющие. В сегодняшнем мире нам предлагают неверную точку зрения, где экстремизм связан с исламом и является его неотделимой частью, в то время как даже из поверхностного изучения человеческой истории, в том числе истории религий, очевидно, что экстремизм существовал изначально и присутствовал во всех религиях, а также нерелигиозных и даже антирелигиозных сообществах.

В то время как экстремизм так или иначе присутствует во всех религиях и других человеческих обществах, в данной статье мы сосредоточимся на конкретных проявлениях экстремизма – исламском экстремизме в Центральной Азии. При этом, говоря об исламском экстремизме, мы встречаемся с такими распространенными понятиями как «политический ислам», «фундаментализм», «традиционализм», «джихадизм», «воинствующий ислам», «радикальный ислам» и другие схожие выражения, на различия между которыми не обращается должного внимания.

Следует также отметить, что целью данной статьи является не объяснение каждого из этих понятий, а лишь поиск критериев для определения экстремизма и его отличия от исламизма, так как основное предположение этой статьи заключается в том, что ислам нераздельно связан с культурой, цивилизацией и историей народов Центральной Азии. Вот почему необходимо признать различия между религиозными верованиями, ориентированными на ислам, и феноменом экстремизма, который является злоупотреблением религиозными верованиями и убеждениями народов региона. Таким образом, для того, чтобы прийти к приемлемому определению экстремизма, необходимо обозначить разницу между исламизмом и основными чертами экстремизма.

Исламские течения и движения Центральной Азии неотделимы от общеисламских движений в исламском мире, и между ними и другими исламскими течениями существуют скрытые или явные интеллектуальные, культурные и коммуникационные связи. Конечно, следует отметить, что эти связи не обязательно организационные, они могут быть мировоззренческими или идеологическими. Большинство исследователей и знакомых с исламскими течениями и движениями убеждены, что корень всех организаций и движений следует искать в движении исламского пробуждения, которое было основано Сейедом Джемаль ад-Дином Асадабади аль-Афгани (1838–1898 гг.) и Мухаммадом Абдо (1849–1905 гг.). Движение исламского пробуждения, призывая мусульман к единству и отказу от противоречий, считало борьбу с колонизацией, которая охватила исламский мир, единственным путем спасения мусульман и называло лучшим способом борьбы возвращение к исламу и воскрешение исламских традиций и ценностей в жизни мусульман¹¹³.

¹¹³ Альгар, Хамид. Движение Пробуждения в исламском мире // пер. Сейеда Махди Джаафари. – Тегеран, 1981.

Движение исламского пробуждения, которое сначала было просветительским течением, направленным на противостояние колонизаторам. Однако по мере своего развития оно породило группы и движения, которые в дальнейшем развивались в форме различных сообществ, организаций, политических партий во всем исламском мире: от Индонезии до Среднего Востока, Египта, Марокко и по-разному действовали в социальной и политической сферах. Сегодня, несмотря на все противоречия и разногласия, нельзя найти ни одного исламского движения, лозунги, программы, взгляды и цели которого не перекликались бы с идеями движения исламского возрождения аль-Афгани и Мухаммада Абдо.

Последователи движения исламского пробуждения в различных идеологических рамках продвигали идею о необходимости возвращения мусульман к первичным основам и в разные периоды выдвигали различные дискурсы и разделялись на многочисленные группы и организации со своими особенными программами и инструментами их воплощения. Для исследования этого широкого комплекса движений были предложены различные классификации. Например, некоторые эксперты разделили его по двум основным ветвям ислама, то есть на шиизм и суннизм¹¹⁴, другие – на основании типа борьбы – выделяли радикалов и традиционалистов или консерваторов; или же исследовали исламские движения, разделяя их на политический и фундаменталистский ислам¹¹⁵.

Другой способ классификации в исследовании исламских движений, а также организаций и групп, принадлежащих к этим движениям, базируется на основании причин их возвращения к исламу, что является очень чувствительным и тонким вопросом. Конечно, значительная часть вопросов, связанных с исламом, в том числе калам (наука об исламских дискурсах), изучаются с самого возникновения ислама с использованием различных подходов и дискурсов. Исламский калам знаком с дискурсом мутазилитов и ашаритов, джабаритов и кадаритов, и вопреки сходству между их подходами, выводы, к которым они пришли, оказались противоречащими друг другу.

Тема возвращения к исламу также является предметом, схожим с дискурсом калама. Согласно одной из точек зрения, причиной возвращения к исламу стало стремление к разрешению проблем исламских сообществ, а согласно другому убеждению, проблемы исламских сообществ устраняются с возвращением к исламу. Эти два утверждения вопреки большому сходству между ними стали основой двух широких спектров течений в исламском мире, в которых можно найти истоки экстремизма.

Далее сделаем небольшое обобщение и назовем последователей первой группы (тех, кто убежден, что причина возвращения к исламу лежит в разрешении проблем исламских обществ) «исламистами», а вторую группу – «экстремистами», и рассмотрим разницу в их взглядах и практических результатах воплощения их идей в политической и социальной сферах.

¹¹⁴ Энят, Хамид. Политическая мысль в современном исламе // пер. Бахаддин Хоррамшахи. – Тегеран, 1981.

¹¹⁵ Роа, Оливия. Поражение политического ислама // пер. Дорри Абдолькарим Хорам. – Пишавар, 1995.

Стоит отметить, что Хамид Эняят также в своей книге под названием «Политическая мысль в современном исламе» использовал схожую классификацию и первую группу называл убежденными в исламской революции, а вторую – в салафизме¹¹⁶. Последователей каждого из этих убеждений можно увидеть и в суннитских, и в шиитских обществах, и невозможно их классифицировать на основании шиитских или суннитских движений.

Последователи этих групп встречаются как среди суннитов, так и среди шиитов. Исламизм с умеренным подходом существует среди шиитов и суннитов, и таким образом, можно утверждать, что экстремизм, одним из примеров которого является салафизм, также существует и в шиитском обществе (например, ахбариты), и в суннитском обществе (например, ваххабиты).

Ключевое и фундаментальное различие первого убеждения (исламизм) и второго убеждения (экстремизм) заключается в признании исламизмом возможности использования человеческого разума для преодоления жизненных трудностей и поиска путей решения проблем в религиозных учениях (иджтихад), в то время как, согласно экстремистским взглядам, истины ислама, как это было в эпоху Пророка и асхабов, следует искать только в Коране и Сунне, а духовные лица не должны рассматривать какие-либо доводы, кроме коранических. При этом подходе рациональные и логические методы не могут считаться способом понимания исламских верований.

Именно здесь следует искать корень признания правомерности агрессии и перехода к террористическим действиям. Иными словами, когда сила человеческого интеллекта не признается в качестве способа пути истины, агрессия остается единственным способом доказать свою правоту. Противодействие терроризму и насилию неотделимы друг от друга, тем самым борьба с терроризмом невозможна без борьбы с крайними идеями, поскольку терроризм и экстремизм имеют единый источник.

Противостояние экстремизму требует глубокого понимания его основ, достичь которого возможно через сравнение идей и убеждений экстремистов и исламистов (умеренных мусульман).

Различия в убеждениях исламистов и экстремистов:

Исламизм	Экстремизм
Причина возвращения к исламу — разрешение проблем всех исламских обществ.	С возвращением к исламу все проблемы исламских обществ разрешатся.
Все мусульманские общества сталкиваются с четко определенными проблемами. Задача мусульман — найти решение проблем через исламские учения путем разума и размышления над делами мусульман, с использованием личной и общественной мудрости.	У мусульман есть единственная ключевая проблема, и она заключается в невыполнении божественных предписаний; беспрекословное выполнение их позволит устранить все проблемы исламских обществ.

¹¹⁶Эняят, Хамид. Политическая мысль в современном исламе. Пер. Бахаддин Хоррамшахи. Тегеран, 1362. С. 182.

<p>Политика и власть в различных обществах связаны с историей, культурой и социальным строем и могут иметь разные формы; ислам не предлагает единую форму для управления обществом, а только предписывает, что она должна основываться на принципах законности и справедливости.</p>	<p>Единственная форма власти в исламе — та, во главе которой находится халиф (наместник, глава мусульман). Халифат является высшей формой управления обществом.</p>
<p>Задача мусульман — установление мира, законности и справедливости в обществе с соблюдением в нем прав немусульман.</p>	<p>Задача мусульман — возрождение халифата для исполнения религиозных предписаний.</p>
<p>Голос народа в управлении делами общества — важное дело и в современных обществах является необходимостью.</p>	<p>Основа — решение халифа и исполнение его законов, а голос народа не считается условием для управления обществом.</p>
<p>Независимо от своей природы (государство может быть светским или религиозным), любое государство существует на одной территории с определенными границами.</p>	<p>Исламское государство не имеет ни границ, ни территории. Территория и границы исламского государства находятся в том месте, где исполняются его законы.</p>
<p>Преданность граждан своей стране официально признается.</p>	<p>Должна проявляться преданность исламскому государству, а не стране.</p>
<p>Уважение к законам человеческих сообществ является необходимым условием для жизни в сегодняшнем мире.</p>	<p>Никакие законы, за исключением законов исламского государства, недействительны.</p>
<p>Разные страны имеют различные основополагающие законы и мусульмане, которые проживают или являются гражданами этих стран, обязательно должны их соблюдать.</p>	<p>Никакой закон кроме религиозного официально не признается, и конституция стран не является обязательной для выполнения мусульманами. Мусульмане должны сражаться для изменения основных законов, и если не смогут, должны покинуть эту территорию.</p>
<p>Защита своей страны является долгом каждого мусульманина.</p>	<p>Долг мусульман — джихад во имя исполнения божественных законов и расширение территории исламского государства.</p>
<p>Задача мусульман — распространять веру (поддерживать добрые дела и противодействовать злу).</p>	<p>Задача мусульман — распространение веры (повелевать одобряемое и запрещать предосудительное).</p>
<p>Официально признается уважение к другим убеждениям (нет принуждения в религии) в исламских обществах.</p>	<p>Единственное убеждение (акида) правильно и другие убеждения, кроме убеждений халифа мусульман и его последователей считаются вероотступничеством.</p>
<p>Демократия — достижение человека для хорошего управления в различных обществах.</p>	<p>В управлении исламскими обществами демократия считается нарушением заветов ислама.</p>

Сотрудничество Ирана и России в борьбе с экстремизмом в Центральной Азии

Вслед за распадом Советского Союза и обретением независимости странами Центральной Азии в Центральнo–Азиатском регионе сформировались различные политические и социальные течения. Некоторые из них берут свое начало в истории и культуре этих обществ, другие же образовались под влиянием региональных и международных процессов. Среди важных политических и социальных течений, действующих в странах Центральной Азии с момента обретения ими независимости, существуют исламские движения и объединения, имеющие различные названия, цели, стратегии и методы.

Важнейшими исламскими объединениями и движениями в Центральной Азии¹¹⁷ можно назвать «Партию Исламского возрождения Таджикистана», «Исламское движение Узбекистана» и «Хизб ут–Тахрир» («Партия освобождения»). В настоящее время все они признаны властями региона экстремистскими и террористическими течениями, и борьба с ними продолжается. «Партия исламского возрождения Таджикистана» оформилась в результате мирного соглашения, подписанного между правительством Таджикистана и оппозицией в 1997 г. Эта партия, которая всегда была представлена в парламенте страны, в 2015 г. была обвинена в участии в мятеже, который возглавлял заместитель министра обороны генерал Назаров, и стала преследоваться как экстремистская и террористическая партия.

Не углубляясь в анализ вопросов внутренней политики и политических структур стран и звучащие в этой связи заявления, следует подчеркнуть, что экстремизм всегда является серьезной угрозой для стран региона и соседей, и имеющийся опыт Афганистана и Сирии, Ливии и Ирака подтверждает, что необходимо подготовить региональную стратегию для противодействия экстремизму. Все страны региона должны сотрудничать в реализации этой стратегии и, конечно, это сотрудничество должно основываться на ясной и четкой политике.

С учетом приведенной в таблице информации можно сказать, что различия между исламом и экстремизмом, выявление которых является основной задачей данной статьи, подтверждают, что первым и важнейшим шагом в борьбе с экстремизмом должно стать его отделение от ислама и исламизма. До тех пор, пока не удастся разделить ислам, исламизм и экстремизм и провести между ними границы, не будет возможности противостоять экстремистам, так как стратегия экстремистов заключается в том, чтобы представлять себя со своим образом жизни и идеями в качестве носителей истинного ислама. Таким образом, первым стратегическим шагом в противостоянии экстремизму является противодействие его стратегии и отделение экстремизма и исламизма.

Экстремизм в Центральной Азии угрожает позиции Ирана и России в реги–

¹¹⁷ Более подробная информация об исламских движениях в Центральной Азии приводится в моей статье в издании «Фарханг ва андише» номер 9.

оне, и борьба с ним входит в сферу общих интересов обеих стран. Необходимое сотрудничество в этой области может начаться с экспертного диалога, а затем развиваться до политического уровня. Тонкость взаимодействия Ирана и России в противостоянии экстремизму в Центральной Азии заключается в том, что оно не должно исходить из дискурса безопасности и существующей классификации партий и движений. Вместо этого следует использовать аналитический подход, направленный на переосмысление различных движений, разделение понятия «экстремизм» и «исламизм», а умеренный исламизм, сформировавшийся на основе культуры и истории стран Центральной Азии, должен быть признан в качестве важнейшего элемента стабильности и спокойствия в регионе и основной силы противодействия экстремизму.

Излишняя политизация вопроса или отнесение политической оппозиции к числу угроз безопасности и противодействие ей под флагом борьбы с экстремизмом не только не будут политически успешными, но и могут быть причиной усиления экстремизма. Поэтому необходимо, с одной стороны, принять во внимание особенности текущей ситуации, признать естественные права человека, среди которых свобода вероисповедания, и позволить гражданам этих стран, называющим себя мусульманами, сохранять сложившиеся религиозные практики и, с другой стороны, изолировать экстремистов за счет усиления умеренных течений.

Еще один важный момент заключается в том, что большинство мусульман Ирана, России и Центральной Азии придерживаются двух разных направлений ислама – шиизм и суннизм, и эту разницу в верованиях обязательно следует иметь в виду при взаимодействии двух стран против экстремизма. Невнимание к этим вопросам может привести к трудностям для обеих сторон и вызвать неверное восприятие борьбы с экстремизмом; например, возможно, возникнет неправильное представление о том, что шииты и православные объединились против суннитов России, что является полным искажением и вредит обеим странам. Поэтому в этой связи любые меры необходимо предпринимать осторожно, с максимально подробным и четким донесением до широкой аудитории основной цели, а именно – борьбы с экстремизмом. Первым шагом в этом направлении должна стать аналитическая работа в борьбе с экстремизмом в Центральной Азии.

Одной из инициатив, предпринятой Россией и заслуживающей внимания, является формирование Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир»¹¹⁸. Эта группа сформирована в 2006 г. по инициативе бывшего премьер-министра России Е. Примакова и экс-президента Республики Татарстан М. Шаймиева. Ее деятельность, которая началась одновременно с присоединением России к Организации исламского сотрудничества в качестве наблюдателя, включает различные встречи, проводившиеся в Москве, Казани, Стамбуле, Джидде и Кувейте при участии членов этой организации – тридцати религиозных деятелей, выдающихся политиков и журналистов из различных исламских стран¹¹⁹. Эти встречи начались с приветствен-

¹¹⁸ Group of Strategic Vision "Russia – Islamic World".

¹¹⁹ Иран, Индонезия, Марокко, Саудовская Аравия, Кувейт.

ного письма Президента России В. Путина, и на них обсуждались различные вопросы, связанные с исламским миром и Россией¹²⁰.

В результате событий в арабском мире, называемых «Арабской весной», заседания этой группы приостановились, но в 2014 г. Президент Путин принял решение по ее возрождению и поручил председательство в этой группе президенту Татарстана Р. Минниханову. В новый период своей деятельности группа провела два заседания с участием журналистов и представителей СМИ исламских стран, сделав особый акцент на проблеме экстремизма.

В качестве одного из участников я лично присутствовал на двух заседаниях Группы, так как считаю подобные встречи важными и полезными. Я уверен, что необходимо предпринять более важные шаги для борьбы с экстремизмом. Вышеупомянутые заседания преимущественно сосредоточены на способах реализации общественной дипломатии и деятельности СМИ России в исламском мире, в то время как экстремизм несет угрозу Центральной Азии и Кавказу, то есть регионам, более близким к России, чем к Среднему Востоку. В этой связи арабские страны не способны помочь России, а ее стратегическим союзником в этой борьбе может быть Исламская Республика Иран.

Выводы

Экстремизм является серьезной угрозой для всех стран Центральной Азии и их соседей, в том числе России и Ирана. Борьба с ним – важное и необходимое дело для всех стран региона, в том числе Ирана и России. Но прежде чем предпринимать какие-либо действия против экстремизма, необходимо, чтобы между экстремизмом и исламизмом было проведено четкое разграничение, поскольку экстремисты заявляют о том, что их принципы и убеждения основаны на исламе. Если это разграничение не будет проведено, усилия в борьбе с экстремизмом не увенчаются успехом. Одновременно с отделением экстремизма от исламизма, разница между которыми приведена в таблице, необходимо обратить внимание на важную проблему, существующую в регионе, а именно на тенденцию объявлять любые оппозиционные партии экстремистскими. Так как Иран и Россия в Центральной Азии имеют значительное число общих интересов и экстремизм является угрозой для обеих стран в регионе, можно рассмотреть предложение о том, чтобы ответственные организации в обеих странах предприняли действия для совместной борьбы с экстремизмом в Центральной Азии.

¹²⁰ Более подробную информацию о группе можно получить на ее сайте: www.rusis.com

Раздел III. Сотрудничество России и Ирана в Афганистане и Центральной Азии

Тема 7. Сотрудничество России и Ирана в Афганистане: перспективы и ограничения

**Григорий
ЛУКЬЯНОВ,
эксперт РСМД**

Афганистан исторически представляет собой зону исключительных интересов как для России, так и для Ирана. Российская история наполнена страницами плодотворного сотрудничества и добрососедства с афганским народом¹²¹, тогда как Иран связывает со своим восточным соседом не только государственная граница, но и цивилизационная общность. На протяжении нескольких десятилетий афганское общество пребывает в состоянии глубокого политического и социально-экономического кризиса и перманентного военно-политического конфликта, которые являют собой геополитическую проблему регионального масштаба. При этом если разрешение внутренних споров и конфликтов – это в первую очередь прерогатива общественно-политических сил и народа самого Афганистана, то реагирование на их внешние последствия и эффекты, распространяющиеся за его пределы, тяжелым бременем легло на соседние государства и сформировало основу региональной системы безопасности в конце XX и начале XXI вв.

После завершения миссии Международных сил содействия безопасности (ISAF), начавшейся в 2001 г., и вывода значительной части вооруженного контингента США и НАТО из Афганистана в 2014 г., ситуация в регионе серьезно трансформировалась¹²², но продолжает оставаться во многом неопределенной и нестабильной. В этих условиях совокупность старых и новых вызовов и угроз, источником которых служит военно-политический кризис в Афганистане, обуславливает дизайн и специфику международных отношений в Центральной и Южной Азии. В связи с этим особое значение имеет то, как понимают афганскую проблему, принципы и механизмы ее разрешения ведущие региональные акторы, в частности Российская Федерация и Исламская Республика Иран (ИРИ). Актуальны также следующие вопросы. Как видят в России и в Иране угрозы, исходящие из Афганистана? Каковы возможности Москвы и Тегерана повлиять на ситуацию? Возможно ли при этом сотрудничество с третьими странами?

Россия и Иран на протяжении многих лет декларируют и оказывают на практике поддержку центральному правительству Афганистана под руководством Хамида Карзая (2002–2014 гг.) и Ашрафа Гани (с 2014 г.). Оба государства заинтересованы в сохранении территориальной целостности и суверенитета Исламской Республики Афганистан (ИРА) под эгидой леги-

¹²¹ Подробно об истории российско-афганских отношений см.: Коргун В.Г. Россия и Афганистан: Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

¹²² Арунова М.Р., Иваненко В.И. Афганская политика США в 1945–2014 гг. М.: РИСИ, 2015. С. 198–208.

тимного парламента и правительства, обладающих всей полнотой власти и ответственности на территории страны.

Тем не менее до недавних пор стороны расставляли разные акценты в понимании составляющих этого суверенитета. Так, если на протяжении всего периода деятельности ISAF константой политики Тегерана оставалась и остается неприязнь любого иностранного присутствия в Афганистане¹²³, то позиция Москвы была более сдержанной. Воздерживаясь от вынесения оценочных суждений (за исключением вопросов, касающихся борьбы с терроризмом и наркотрафиком), российский политический истеблишмент прагматично использовал фактор военного присутствия США для решения собственных задач, связанных с афганской (борьба с «Талибаном» и «Аль-Каидой») и региональной (военно-политическая интеграция в рамках ШОС и ОДКБ) политикой.

В то же время российские представители разных уровней неоднократно выражали готовность развивать партнерские отношения с любыми контрагентами в разрешении общих проблем и угроз в Афганистане и Центральной Азии, таких как борьба с производством и транспортировкой наркотических веществ, противодействие международным террористическим организациям, обеспечение продовольственной и экологической безопасности. Несмотря на то, что данные инициативы часто не встречали ответа со стороны США и НАТО, российское руководство сохраняло приверженность заявленным принципам и достигло определенных успехов по этим направлениям в рамках ОДКБ и ШОС¹²⁴. Это не осталось незамеченным в Иране. Обмен опытом борьбы с экстремизмом и терроризмом, а также взаимодействие в этой сфере соответствующих иранских и российских структур (как в двустороннем формате, так и на платформе Антитеррористического центра ШОС) имеют особую ценность в свете усиления угрозы радикального исламизма в Афганистане после появления на его территории ячеек ДАИШ.

Ввиду обострения отношений со странами Запада в 2014–2015 гг. позиция Москвы изменилась и стала ближе к иранской. Постоянное военное присутствие иностранных вооруженных сил США и НАТО близ границ России и зоны ее жизненных интересов (Центрально-Азиатского региона) утратило для нее былую ценность. Сохраняющие же актуальность вызовы – исламистский терроризм, наркотрафик, экологическая, продовольственная и миграционная безопасность – одинаково важны и для России, и для Ирана, что обуславливает мотивацию к расширению и углублению двустороннего сотрудничества и взаимодействия по целому ряду направлений.

Для Москвы и Тегерана одинаково неприемлема победа в продолжающейся в Афганистане гражданской войне оппонентов действующего режима – движения «Талибан». Готовность обоих государств считать «Талибан» одним из участников политического процесса – это вынужденная уступка перед необходимостью признать неэффективность и бесперспективность использова-

¹²³ Kayhan B. Iran's Foreign Policy in Post-Taliban Afghanistan // The Washington Quarterly. 2014. Vol. 37. № 2. P. 124–127.

¹²⁴ Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009. С. 47–60, 88–98.

ния исключительно военных средств разрешения кризиса. Однако это отнюдь не означает согласия иметь дело с возрожденным Исламским эмиратом талибов в качестве легитимного правительства Афганистана. Несмотря на то, что талибы представляют собой скорее воображаемую, чем реальную военную угрозу для собственной территории России и Ирана, восстановление их режима, свергнутого в 2001 г., может способствовать еще большему разрастанию на афганской земле инфраструктуры международных исламистских террористических организаций¹²⁵. Подобное развитие событий чревато дестабилизацией ситуации в государствах Центральной Азии, на южных рубежах России и в приграничных районах самого Ирана¹²⁶. При этом речь идет не только о терроризме, но и об угрозе неконтролируемой миграции, новой волне «наркотического экспорта», ухудшении криминогенной обстановки в соседних государствах (особенно в приграничных областях) в краткосрочной перспективе и о полном исключении Афганистана из региональной политической и экономической системы – в долгосрочной.

Вместе с тем проблема безопасности, хотя и представляется доминирующей, не исчерпывает сферу интересов двух стран в Афганистане. Не менее важную роль играет экономическая сфера. С точки зрения экономики обе страны рассматривают ИРА как минимум в двух ипостасях.

Во-первых, в качестве рынка сбыта экспортных товаров. Здесь масштабы ирано-афганского сотрудничества по вполне естественным причинам намного превышают аналогичные показатели между Россией и Афганистаном, но структура экспорта отличается. Основу импорта из Ирана для Афганистана составляет продукция топливно-энергетического комплекса, в том числе продукты нефтепереработки. Российское предложение на нынешнем этапе представлено прежде всего продукцией ВПК. В перспективе оно может быть расширено за счет сельскохозяйственных товаров и электроэнергии (совместно с центральноазиатскими партнерами). Таким образом, ИРИ и Россия не являются товарными конкурентами на афганском внутреннем рынке, но при этом обоюдно заинтересованы в его развитии и росте.

Во-вторых, в качестве страны-транзитера в системе региональной и межрегиональной торговли. Географическое положение Афганистана делает его неотъемлемым участником товарообмена между Западом и Востоком, с одной стороны, и Севером и Югом, с другой. Именно по его территории пролегают прямые пути, связывающие Иран и Китай, Центральную (с ее ориентированной на Россию транспортной инфраструктурой) и Южную Азию. Иранское руководство во главе с рахбаром Али Хаменеи видит будущее своей страны в свете большой стратегии развития «Взгляд на Восток», в рамках которой Афганистану уделено особое внимание. Данная концепция определенным образом соотносится с инициированным Китаем проектом «Экономический пояс Шелкового пути», в котором помимо прочего нашло отражение китайское видение будущего сотрудничества с Ираном в области

¹²⁵ Такие выводы были сделаны по итогам круглого стола «Развитие ситуации в Афганистане в 2016 году», состоявшегося в Российском совете по международным делам. Москва, 18 апреля 2016 г.

¹²⁶ Казанцев А. Афганистан после 2014 года. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=396#top-content

энергетики и товарообмена. Эти отношения, развивавшиеся в течение всего периода действия антииранских санкций, имеют четкие перспективы дальнейшего укрепления. В частности, по афганской территории могут быть проложены трубопроводы, по которым иранские нефть и газ начнут поступать в Китай, а также в страны Центральной и Южной Азии. В то же время важнейшая задача России заключается в установлении транзитного сообщения с Индией как с ключевым партнером по БРИКС (а в ближайшей перспективе и ШОС) по территории Центральной Азии и Афганистана для диверсификации и увеличения объемов двусторонней торговли с привлечением государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Возможности российско–иранского сотрудничества на территории ИРА ограничиваются рядом объективных факторов. В частности, в тех областях экономики, где сотрудничество возможно, между странами отсутствует опыт взаимодействия. К тому же из-за сложной военно–политической ситуации в стране для большей части ее территории характерен высокий уровень рисков и угроз, исходящих от неправительственных вооруженных формирований, местного криминалитета и террористических ячеек. Все это не соответствует условиям, в которых способны работать российские компании. Развитие же иранских агентов, а также вложение капитала осуществляются в районах близ ирано–афганской границы (преимущественно в провинциях Герат, Фарах и Нимроз), где достаточный уровень безопасности обеспечивается местным шиитским и таджикским населением, лояльным ИРИ. Для Тегерана инвестирование в восстановление этих районов Афганистана – долгосрочный вклад в развитие производственных мощностей на собственной территории и укрепление безопасности на восточных рубежах¹²⁷. За счет крепнущего взаимодействия с приграничными афганскими областями иранское руководство не только создает постоянные рабочие места на своей периферии, но и получает надежный рынок сбыта собственных товаров и услуг. На сегодня у России нет таких зон исключительного влияния и возможностей в ИРА, что многократно повышает риски для самостоятельной экономической активности в условиях сохраняющейся нестабильности и слабости государства и центрального правительства как наиболее предпочтительного контрагента России в стране.

Серьезными инструментами влияния и воздействия на ситуацию в Афганистане обладают США, Китай, Индия и Пакистан, наиболее вовлеченные внешние участники афганского кризиса. Но если сотрудничество с Соединенными Штатами по афганской проблематике для Ирана и России в среднесрочной перспективе ограничено влиянием общего негативного фона отношений, развитием ситуации вокруг украинского и сирийского кризисов, то в отношении взаимодействия с остальными державами и в Москве, и в Тегеране превалирует оптимистичный настрой¹²⁸.

Пакистан обладает влиянием в тех сегментах афганской политической элиты, как правительственной, так и оппозиционной, с которыми Ирану и России по

¹²⁷ Narayanan K.S. Iran's Continuing Interests in Afghanistan // *The Washington Quarterly*. 2014. Vol. 37. № 2. P. 146–149.

¹²⁸ Destradi S. Regional Powers and Security Governance: ISAF Withdrawal, Regional Competition, and Domestic Norms in India Afghanistan Policy // *Asian Perspective*. 2014. № 38. P. 565–587.

тем или иным причинам не удалось найти общий язык, но сделать это необходимо для достижения заявленных ими целей. Исламабад остается важнейшим экономическим партнером Кабула и при этом продолжает проявлять заинтересованность в интеграции и выстраивании взаимовыгодного взаимодействия со странами региона в рамках ШОС. Напряжение между Индией и Пакистаном по-прежнему служит мощнейшим дестабилизирующим фактором не только в Южной Азии, но и за ее пределами. Следует отметить, что у Ирана есть опыт взаимодействия с Пакистаном в сферах экономики, региональной политики и безопасности, включая энергетическую. В то же время связи Москвы и Исламабада весьма жестко ограничены контактами разведывательных и военных структур и узкой торгово-экономической повесткой.

Индия заинтересована в установлении мира в Афганистане и в ликвидации исламистской угрозы, которая исходит из зоны нестабильности в Пуштунистане, охватывающей афганско-пакистанское приграничье. Экономическая повестка имеет для Дели второстепенное значение, что во многом сближает ее с Россией и делает индийское правительство заинтересованной стороной в складывании эффективных межгосударственных союзов для разрешения афганской проблемы комплексом доступных мер и средств. Фундамент российско-индийских отношений определяет их стабильность и перспективы развития, чего нельзя сказать об индийско-иранском сотрудничестве, которое сталкивается с достаточным количеством преград. В связи с этим успешное взаимодействие России и Ирана на афганском направлении может быть использовано для налаживания отношений между Тегераном и Дели при посредничестве Москвы. Однако если сближение России и ИРИ не будет должным образом удовлетворять интересам Республики Индия, то это может вызвать недоверие с ее стороны.

Россия – постоянный член Совета Безопасности ООН, важный участник и инициатор региональных интеграционных инициатив (ОДКБ, ШОС) и их военной составляющей, имеет опыт и пользуется авторитетом в организации переговорного процесса в Сирии. Иран обладает историческими, этнолингвистическими и конфессиональными связями с Афганистаном и более значительным политическим и экономическим присутствием на его территории. Очевидно, что две страны не только способны к эффективному взаимовыгодному сотрудничеству в преодолении ключевых угроз, порожденных афганским кризисом, но и могут дополнять друг друга, компенсируя слабые стороны одного партнера сильными сторонами другого.

Квинтэссенцией «афганских» интересов России и Ирана как самостоятельных независимых субъектов международных отношений, партнеров по двустороннему взаимодействию, участников региональных межгосударственных объединений и организаций, безусловно, является безопасность. Именно проблема безопасности лежит в основе любого плана будущего развития Афганистана, а также иностранного участия или содействия этому развитию во исполнение собственных национальных интересов партнеров в данном регионе. Несмотря на раскол в стане талибов, вооруженный конфликт между правительством в Кабуле и движением «Талибан» далек от

урегулирования. Это создает благоприятную среду для сохранения высокого уровня опасности внутри страны и продуцирования эффекта нестабильности за ее пределами. В этих условиях интенсификация двустороннего сотрудничества на данном направлении – объективная жизненная необходимость для России и Ирана ввиду их зависимости и заинтересованности в мире и процветании единого суверенного Афганистана.

Отправной точкой для интенсификации контактов на афганском направлении между представителями России и Ирана (как на двусторонней основе, так и на платформе ШОС) может стать дальнейшее совершенствование координации и институционализации совместных действий в регионе. При этом необходимо разделить два вектора взаимодействия: первый – противодействие угрозам, исходящим из Афганистана (наркотрафик, терроризм, неконтролируемая нелегальная миграция и т.д.), второй – содействие примирению в самом Афганистане.

Ограниченность возможностей российской экономики и неопределенность экономических интересов России в Афганистане снимают ряд ограничений, имеющихся у других региональных акторов, в выстраивании конструктивных отношений с Ираном в среднесрочной перспективе. Экономическое присутствие Ирана в Афганистане отвечает интересам России и может быть использовано ею для достижения собственных стратегических целей. Вопрос содействия восстановлению Афганистана актуален, но находится в жесткой зависимости от политических и военных проблем, поэтому все еще остается второстепенным. Тем не менее опыт Ирана в этом отношении может быть интересен и полезен для России.

Таким образом, Россия и Иран, не будучи конкурентами и разделяя общие цели, имеют возможность реализовать к обоюдной выгоде потенциал двустороннего сотрудничества на афганском направлении путем совершенствования системы реагирования на угрозы безопасности, согласования и соотнесения действий по поддержанию и восстановлению Афганистана, развитию региональной архитектуры безопасности и взаимодействия.

Введение

Смирившись с глобализацией на международной арене, политические силы в последние десятилетия постарались пересмотреть свои интересы и позиции на региональном уровне. Эти новые тенденции сотрудничества в регионах часто связывают с концепцией нового регионализма (неорегионализма), которая подготавливает почву для развития направлений регионального сотрудничества, независимых от мировых процессов, и основанных на двух базовых принципах – тематической открытости и географической гибкости. В настоящей работе с учетом особенностей нового регионализма предпринимается попытка проанализировать отношения Ирана и России, а также выявить роль нового регионализма в расширении сфер сотрудничества этих двух стран в Афганистане. В действительности основным вопросом данного исследования является то, каким образом Иран и Россия могут сотрудничать на уровне евразийского региона, особенно в вопросах достижения стабильности и безопасности в Афганистане. Автор исследования исходит из того, что, несмотря на неоднородность интересов, Иран и Россия все же способны сотрудничать по ряду региональных проблем, если будут использовать подход нового регионализма и смогут дать общее определение характеристикам и нормам, отличающим модель их нынешних внешних связей, что в конечном счете приведет к установлению стабильности в Афганистане. В рамках такой парадигмы страны смогут добиться более близких отношений, эффективнее решать региональные проблемы без ущерба для интересов друг друга.

Краткий обзор теории неорегионализма

Регионализм не является новым понятием в литературе, посвященной международным отношениям, и существует уже более 50 лет. В разные периоды высказывались различные взгляды на эту концепцию, каждый из которых частично отражал структуру управления международной системой на соответствующем этапе. Несомненно, акцент на взаимодействии между политическими единицами на международной арене является одним из основных препятствий для развития сотрудничества между этими единицами на региональном уровне в рамках классического понимания регионализма. Кроме того, страны не выбирают, на какой территории будут находиться, и не могут, подобно бильярдным шарам, перемещаться из одного места в другое. Они всегда зависят от своего географического местоположения и поэтому лишены привилегии примыкать к разным регионам. Это является преградой на пути регионализма, который, в свою очередь, стал причиной большинства войн между соседними странами.

С другой стороны, вражда между региональными соседями может стать предпосылкой к их сотрудничеству. Во многих случаях, когда речь заходит об экономических интересах и национальном благополучии, страны в большей степени бывают заинтересованы в том, чтобы лучше узнать интересы друг друга и предпочитают быть конкурентами, нежели врагами. Они понимают, что разрушения и потери в случае войны бывают очень велики, и стараются избежать их любой ценой. Такой прагматический подход к

**Мандана
ТИШЕЙАР,
эксперт IRAS**

сотрудничеству с целью обеспечения коллективной безопасности и интересов региональных игроков может быть использован как на микроуровне (политические единицы), так и на макроуровне (структура международной системы) регионализма. Регионализм в действительности способствовал укреплению региональной безопасности. Кроме того, такое восприятие дает некоторую свободу странам, не принимающим идеи глобализации.

С начала 1990-х гг., после распада СССР, в этой сфере сформировался новый подход и были приняты новые положения в рамках понятия «неорегионализм» или «новый регионализм».

Основными особенностями нового подхода прежде всего явились открытый характер определения понятия «регион» и его многослойность. Теперь страны, желающие примкнуть к региональным объединениям или выйти из них, не только стали менее зависимы от идеологических ограничений, но и сама география стала понятием весьма относительным. Сегодня вы можете наблюдать, как во многие региональные структуры входят страны, находящиеся далеко за их пределами. Само определение понятия «регион» стало более гибким, вплоть до того, что в одном географическом регионе сегодня могут существовать разные виды регионализма и региональных объединений стран, связанных общими интересами. Следовательно, мы можем констатировать, что такие процессы, как глобализация и однополярность, не смогли стать преградой на пути неорегионализма, и мир на уровне международной системы в большей степени становится глобально-региональным¹²⁹, нежели одно/многополярным.

Кроме того, не только мощные державы могут иметь влияние на разные регионы, но и региональные акторы приобретают свою роль в рамках региона. Странники региональных подходов настаивают на роли средних держав и регионов в политике сверхдержав. Подобный неорегионализм, являющийся своего рода сознательной конструкцией характеристик и норм в рамках институционального строительства, считается новым политическим дискурсом на международной арене. Согласно этому новому дискурсу, «регион» – это то, что мы вкладываем в это понятие, а не обязательно то, что начертано на географических картах. Поэтому, несмотря на то что география все еще является важным фактором, этот элемент обладает куда большей гибкостью и может быть видоизменен каждый раз, когда того будут требовать национальные и государственные интересы.

Неорегионализм. Новые рамки сотрудничества для Ирана, России и Афганистана

Две империи (Иран и Россия) контактировали друг с другом более пяти столетий. Их отношения переживали взлеты и падения. В этой связи распад Советского Союза в начале 1990-х гг. и создание Российской Федерации ознаменовали новый этап во взаимоотношениях двух государств. Эти события вкпе с изменениями в некоторых региональных и международных

¹²⁹ Glo-regionalized world.

структурах создали предпосылки для качественно новых связей, основанных на сотрудничестве.

Однако, несмотря на все это, за прошедшие 25 лет отношения Ирана и России в разных сферах хотя и казались дружественными, не могли быть таковыми в полной мере, поскольку сохранялась существенная разница в интересах двух стран. По этой причине между ними на региональном уровне не сформировалось устойчивого сотрудничества. Возьмем, к примеру, экономику. Известно, что Россия и Иран обладают крупнейшими запасами нефти и газа, благодаря чему они могут быть конкурентоспособными на энергетическом рынке. Тем не менее конкуренция трубопроводов, поставляющих энергоносители из Центральной Азии и Каспийского моря на международные рынки, а также предпринимаемые попытки организовать пути для региональной торговли, способные вернуть былую славу стран, через которые пролегал Шелковый путь, пока не становятся серьезными стимулами для развития более тесного экономического сотрудничества двух стран на региональном уровне.

Обратимся к военной сфере. Не приходится сомневаться, что Россия желает сохранить свое военное превосходство над сопредельными регионами. За прошедшие годы из-за напряженности в отношениях с могущественными государствами Запада доступ Ирана к передовым вооружениям западного образца был ограничен, и иранцам пришлось довольствоваться вооружениями отечественного, а также российского и китайского производства. Русские, в свою очередь, также заинтересованы в продолжении военного сотрудничества с Ираном и сохранении рынка сбыта своего оружия в этой стране. Тем не менее это сотрудничество все еще не привело к развитию военных взаимоотношений между Ираном и Россией на региональном уровне.

За последние годы примеры сотрудничества редко наблюдались и в культурно-идеологической сфере. Однако, несмотря на все трудности, Иран и Россия имеют общие интересы на региональном и надрегиональном уровнях, которые могут создать предпосылки для сотрудничества.

Важный стимул для этого также заключается в решении России создать многостороннюю структуру на международном уровне. Из-за распада СССР структура международной системы была разрушена. Теперь Россия стремится вернуть свои позиции на международной арене через такие идеологии, как «евразийство», «евроатлантизм», а также через демонстрацию своего превосходства в новых формах. Стремление страны сохранить свое присутствие в регионе, которое она называет «ближнее зарубежье»¹³⁰ и в которое входят государства, недавно получившие независимость, свидетельствует о том, что Кремль придерживается подобной политики.

В этой связи Иран, который за прошедшие десятилетия неизменно противостоял Западу, может стать надежным партнером. Сближение Ирана и России с целью противостояния западному империализму и убежденность обоих государств в необходимости создания международной системы, основанной

¹³⁰ Near abroad.

на многополярности, объединила их усилия на уровне региональных структур. Оглядываясь на данный прецедент, отныне мировые и региональные державы для решения общих проблем будут искать выход не в конкуренции друг с другом, а в заключении соглашений. Общие угрозы на региональном уровне заставляют Иран и Россию быть партнерами. Такие угрозы, в частности, мы можем видеть на примере расширения НАТО на восток с 1993 г.

Необходимо отметить и внутрирегиональные угрозы в лице экстремистских религиозных группировок, таких как «Талибан», ИГИЛ, а также группировок, связанных с мафией и контрабандой наркотиков, которые становятся причиной нестабильности на границах, а иногда и внутри центральноазиатских стран и Кавказа. Все это привело к сближению позиций двух стран на региональном уровне и объединению усилий для выхода из кризиса.

Совместные действия в решении региональных проблем в таких странах, как Таджикистан, Азербайджан, Армения и Афганистан, свидетельствуют о подобного рода партнерстве. Стремления двух стран бороться с сепаратистскими настроениями в регионе, вызванными этническими или религиозными соображениями, – еще одно тому подтверждение.

Таким образом, можно констатировать, что геополитический прагматизм и понимание своих позиций и внешнеполитических ориентиров на международной арене, подталкивают Иран и Россию к региональному и надрегиональному сотрудничеству.

Афганистан – страна, хорошо знакомая Ирану и России. Культурно–исторические связи иранцев и афганцев на протяжении тысячелетий сделали эти два народа настолько похожими, что иногда трудно отличить один от другого. Сегодня как и прежде, в советскую эпоху, Россия поддерживает активное присутствие в Афганистане. В период становления коммунистической власти в Кабуле СССР сыграл важную роль в формировании политических структур в Афганистане, а также помог афганскому обществу в осуществлении перехода к современным институтам.

Ожидалось, что после краха талибов в Афганистане Иран и Россия будут играть ключевую роль в формировании нового политического режима в стране. Однако практика показала, что такое их присутствие имело место только в некоторых сферах и не перерастало в формат регионального сотрудничества.

В действительности после отстранения от власти талибов силами НАТО и других иностранных участников, особенно США, государствам, не борющимся напрямую с фундаменталистами и экстремистами, было очень трудно принять участие в политической жизни Афганистана. Хотя талибы и считались также врагами Ирана и России и эти государства опосредованно сотрудничали с силами международной коалиции, тем не менее новое правительство в Кабуле не смогло начать эффективного сотрудничества с Москвой и Тегераном. Это случилось потому, что США и их европейские союзники не были в восторге от присутствия региональных и мировых держав в Афганистане. В результате Россия, которая хотела получить военную базу в Афганис–

тане для установления стабильности и безопасности в стране, особенно в ее северных регионах, не смогла договориться с правительством Х. Карзая.

Поскольку обеспечением мира и безопасности в Афганистане более десяти лет занимались Международные силы содействия безопасности, российские предприниматели и инвесторы не имели достаточных гарантий для капиталовложений и торговых сделок на афганском рынке. Вот почему сегодня они играют столь скромную роль в экономической жизни Афганистана.

Иран, в свою очередь, также неоднократно официально заявлял, что выступает за то, чтобы иностранные силы покинули Афганистан, поэтому не смог создать благоприятную почву для сотрудничества с международными силами. Благодаря соседству и присутствию миллионов афганцев в Иране, а также благодаря тому, что экспорт иранских товаров в афганские города выгоден для обеих сторон, Иран занял хорошую нишу на рынке этой страны и превратился в основного экспортера товаров потребления и энергетических ресурсов для Афганистана. Тем не менее в области долгосрочных инвестиций в добывающую промышленность Иран не смог добиться успехов. В итоге в 2016 г. мы видим, что основным экспортером для Афганистана является Китай, а основным инвестором, вкладывающим в различные отрасли промышленности – Индия.

Рост напряженности на региональном уровне из-за появления новых исламистских экстремистских групп, таких как ИГИЛ, и сохраняющаяся нестабильная ситуация привели к тому, что Афганистан превратился в рай для экстремистских и фундаменталистских групп. Это обстоятельство представляет серьезную угрозу безопасности как для Ирана, так и для России. Чтобы предупредить распространение влияния ИГИЛ в Центральной Азии, обе страны пытаются найти общий язык, как с официальными властями Афганистана, так и с некоторыми крыльями движения «Талибан». В свою очередь официальные власти в Кабуле убеждены, что двойная игра Ирана и России приведет к еще большей нестабильности в регионе и ослабит возможности властей в борьбе с экстремистскими группами. Поэтому законная власть рассчитывает на всестороннюю поддержку региональных и международных держав, чтобы покончить с экстремистскими и террористическими силами в стране.

Анализируя корни и причины появления фундаментализма в Афганистане, афганские специалисты в большинстве своем склоняются к тому, что он имеет скорее экономические, нежели идеологические причины. В частности, тяжелая жизнь и лишения заставляют население городов и отдаленных сел примыкать к разного рода группам. По их мнению, ослабить мощь фундаменталистских групп можно лишь через улучшение качества жизни людей. Таким образом, вложения в различные секторы экономики, создание рабочих мест и увеличение доходов населения поможет установить мир и стабильность в стране, развить экономику и обеспечить социальную защищенность.

Несомненно, Иран и Россия в качестве двух могущественных держав евразийского региона могут сыграть важную роль в развитии экономики Афга-

нистана с целью установления мира и стабильности в стране. Эти задачи могут быть осуществимы как в рамках трехстороннего сотрудничества, так и в рамках инициатив, направленных на поиск партнерства с участием таких стран, как Индия и Казахстан. Во-первых, это повысит уровень безопасности в регионе. Во-вторых, среднесрочные и долгосрочные инвестиции в экономику Афганистана принесут выгоду и экономикам инвесторов. И в-третьих, такое сотрудничество будет соответствовать природе внешней политики этих стран, стремящихся сформировать многополярный мировой порядок. Таким образом, сотрудничество с Афганистаном в области экономики, а также поддержка правительства страны в борьбе с экстремистскими группами, поможет повысить уровень безопасности и стабильности в регионе и обеспечит интересы Ирана и России в обеих областях.

Заключение

Ожидалось, что после распада Советского Союза в Евразии начнется новая большая игра. Игра, в которой примут участие не только мировые сверхдержавы, но и региональные державы, такие как Китай, Иран, Турция, Россия и Индия. И каждый будет стремиться увеличить свое влияние в только что получивших независимость государствах. Такая игра началась. Другое дело, что она не была такой масштабной, какой представлялась. Сопредельные государства не столько стали конкурировать между собой, сколько постарались сохранить мир и стабильность в этих странах, чтобы обезопасить свои границы. Предпринимались попытки найти всевозможные пути для мирного сосуществования в регионе.

В начале 2000-х гг. Иран и Россия вновь показали, что скорее заинтересованы в региональном сотрудничестве, чем в конкуренции и вражде. С точки зрения Ирана, Россия все так же является мощным стратегическим игроком, имеющим сильные позиции в ООН. Россия удовлетворяет часть потребностей Ирана в вооружении и входит в число стран, реализующих Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе. Иран для России также является мощной региональной державой, имеющей много козырей на руках. В этой связи Москва нуждается в партнерских отношениях с Ираном – как для того, чтобы использовать потенциал и возможности Ирана для решения региональных проблем, так и для того, чтобы отвести угрозу от своих позиций в регионе.

Взаимная региональная зависимость, которая сформировалась в процессе создания региональных организаций в этой части мира, является доказательством того, что державы евразийского региона следуют мирной стратегии для продвижения коллективных интересов и обеспечения коллективной безопасности. Несомненно, сотрудничество во имя безопасности в регионе после выхода иностранных сил из Афганистана в 2015 г. дополнительно подготовит почву для региональной интеграции Ирана, России и других сопредельных с Афганистаном государств.

Тема 8. Сотрудничество России и Ирана в Центральной Азии: перспективы и ограничения

**Александр
КНЯЗЕВ,
эксперт РСМД**

Начиная с 1979 г. во внешнеполитической стратегии Ирана концептуальная установка на превращение в лидирующее государство Ближнего и Среднего Востока (а после распада СССР – и Центральной Азии) рассматривается как задача осуществления исторической миссии страны и является приоритетной. Однако с течением времени происходит заметная эволюция средств и методов ее воплощения, представлений о возможных масштабах. К началу 2000–х гг. в этой концепции синтезировались несколько парадигм предшествующего периода: достижение статуса региональной державы (доктрина последнего шаха М.Р. Пехлеви), максимум прагматизма в экономике (концепция президента А.А. Хашеми Рафсанджани) и последовательная интеграция в мировую экономику (идеи президента С.М. Хатами).

Однако нарастание антагонизмов в отношениях Ирана и США во многом предопределило новые изменения в характере иранской политики в регионе. Ее основные тактические установки в странах Центральной Азии были направлены на избежание конфликтности и осторожное утверждение своего присутствия в различных сферах (прежде всего в экономике, образовании, культуре), не масштабно, но уверенно, способствуя преодолению внешнеполитической и экономической изоляции Ирана или иногда не допуская таковой. Эти установки были активизированы после подписания в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (Joint Comprehensive Plan of Action), хотя говорить о качественно новом этапе взаимодействия ИРИ со странами региона пока преждевременно.

Центральная Азия выступает для Ирана стратегическим тылом, учитывая, что векторы основной внешнеполитической и внешнеэкономической активности страны имеют иные направления. В силу этого идеологическая составляющая, пресловутая идея «экспорта исламской революции», вызывавшая в начале 1990–х гг. много алармизмов, не стала сколько-нибудь значимой и означает лишь попытку реинтеграции региона в исторический контекст. Все существующие и нарождающиеся противоречия, связанные с усилением стратегического соперничества в Центрально-Азиатском регионе в целом, для Ирана имеют не идеологические, а геополитические и геоэкономические основы. Постсоветская история стран Центральной Азии знает множество примеров влияния на религиозную сферу со стороны целого ряда других государств (Турции, Пакистана, Афганистана, Саудовской Аравии, Катара, Кувейта, а также «мусульманских» регионов России и КНР), но никак не Ирана с его шиитской доктриной, изначально неприемлемой в регионе доминирования суннитского мазхаба¹³¹.

¹³¹ Князев А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты.
URL: http://www.iran.ru/news/analytics/69322/Regionalnaya_strategiya_Irana_v_Centralnoy_Azii_evolyuciya_i_prioritety

Экономическую активность Ирана в регионе на протяжении четверти века можно охарактеризовать как предельно сдержанную. Исключение составляют Туркменистан (в силу географического положения) и Таджикистан (в силу этнокультурной близости). В целом же в условиях многовекторности внешнеполитических стратегий всех государств региона нежелание конфронтации с США и западными странами служило, пожалуй, главным фактором торможения.

Новейшая история региона не знает примеров принципиальной и антагонистической конкуренции между Ираном и Россией. Впрочем, примеров положительного опыта взаимодействия также немного. Е. Примаков указывал, что уже на начальном этапе российско-иранских контактов по таджикостанской тематике стала ясна бесперспективность усиления иранских позиций в Таджикистане, и влияние Ирана и даже «физическое присутствие» в этой стране пошли на убыль. В отношении общей стратегии был сделан вывод, что Иран стремится выйти из изоляции и «принять участие в позитивных процессах на международной арене»¹³². Опыт того времени во многом определил формат российско-иранских взаимоотношений в Таджикистане в последующем, предотвратив вероятность возникновения прямой конфронтации интересов двух стран. Суть его состояла в основном в том, что иранская сторона признала приоритетность российского влияния в военно-политической сфере. В области же прямого участия в экономике РФ и Россия, и ИРИ ограничились отдельными, не конкурирующими друг с другом проектами, быстро уступив ведущие позиции китайским компаниям.

Как уже отмечалось в ряде исследований, конкурентность России и Ирана, в том числе на центральноазиатском пространстве, связана со схожестью структуры хозяйства с упором на экспорт энергоносителей¹³³. Однако трансформации в мировой системе международных отношений, происходящие на более высоком уровне, нежели региональный, способны, хотя пока скорее теоретически, снять эту конкурентность. Так, в ходе визита президента России в Тегеран в рамках участия в Форуме стран – экспортеров газа было заявлено о предоставлении Ирану российского экспортного кредита в 5 млрд долл. под реализацию «промышленной кооперации». Были обозначены 35 приоритетных проектов в сферах энергетики, строительства, морских терминалов, электрификации и т.п.¹³⁴ Хотя реализация этой программы не имеет прямого отношения к центральноазиатским странам, она могла бы существенно изменить картину двусторонних отношений, а заодно и всего Среднего Востока и Центральной Азии. Подобная кооперация стала бы серьезной заявкой Москвы и Тегерана на переформатирование азиатского энергетического рынка, транспортной инфраструктуры в прямом сотрудничестве и в многосторонних интересах¹³⁵. Это, в свою очередь, неизбежно актуализи-

¹³² О пребывании Е.М. Примакова в Кабуле и Тегеране // Дипломатический Вестник. 1993. № 15–16. С. 65.

¹³³ Звягельская И. В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии.
URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=4757#top-content

¹³⁴ Князев А. Карт-бланш. Тегеран-2015 рисует контуры нового Среднего Востока с участием Москвы.
URL: http://www.ng.ru/world/2015-11-26/3_kartblansh.html

¹³⁵ Там же.

зирует тематику региональной безопасности и подразумевает настоятельную потребность в выходе на новый уровень военного сотрудничества между ИРИ и Россией, в том числе и на центральноазиатском пространстве.

Применительно к Центральной Азии такое сотрудничество можно условно разделить по трем конфликтным узлам разного уровня развития, вызывающим общую обеспокоенность как России, так и Ирана. Первый узел – это комплекс проблем, связанных с ситуацией в Афганистане, второй – сохранение и обеспечение устойчивой долговременной стабильности в акватории Каспия, третий – распространение в регионе религиозного экстремизма и терроризма, беспокоящее Тегеран несколько не меньше Москвы.

В отличие от Москвы, чья политика на афганском направлении в последние годы носит в большей степени ситуативный характер, Тегеран со своей афганской политикой определился системно. Она включает в себя два основных приоритета: во-первых, обеспечение собственной национальной безопасности во всех ее составляющих, во-вторых, положение шиитской общины в Афганистане. Обеспечение национальной безопасности подразумевает целый спектр направлений работы: от высокоэффективного противодействия наркотрафику до инвестирования в приграничные с Ираном провинции Герат, Фарах, а также населенные преимущественно шиитами провинции Бамиан, Дайкунди, Гор, от прямой (в определенные периоды – военной) поддержки как минимум двух афганских этнополитических группировок¹³⁶ до политической работы с любым кабульским правительством. Во всех этих вопросах интересы Ирана и России совпадают в абсолютной степени, и кооперация по ним могла бы стать оптимальным механизмом противодействия общим угрозам.

Однако простая двусторонняя кооперация в вопросах региональной безопасности представляется все-таки полумерой. В Центральной Азии и прилегающих странах Среднего Востока существует запрос на формирование полноценной системы безопасности, на который не отвечают ни географически ограниченно действующая ОДКБ, ни сумма межстрановых двусторонних договорных отношений. При этом константой является то, что «Иран с пониманием относится к сохранению лидерства России в регионе, исходя из того, что только сильная Россия может быть гарантом обеспечения баланса интересов разных стран в Центральной Азии»¹³⁷.

Как для Москвы, так и для Тегерана главным препятствием к активизации сотрудничества, не говоря уже о формировании полноценной геополитической оси, служит общее для наших стран тесное переплетение вопросов стратегического партнерства с внутренней политической борьбой. Речь идет о борьбе, которая происходит между, условно говоря, экономическими элитами, ориентированными на Запад, и частью элит, преследующих национальные интересы собственных государств. Основные внешнеполитические

¹³⁶ Таджикской партии «Джамиат Ислами» и хазарейской «Хезби Вахдат».

¹³⁷ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ: Социально-политические и экономические аспекты. М., 2002. С. 128.

препятствия созданию оси «Москва – Тегеран» можно разделить на два уровня: международный и региональный. Поскольку для Запада стратегическое партнерство Ирана и России – крайне нежелательный фактор международных отношений, провоцируется внутривнутриполитическая борьба против данного партнерства. Прозападные лобби как в Москве, так и в Тегеране имеют немалый ресурс влияния. В результате их действий срываются многие экономические и политические партнерские проекты, договоренности между руководством двух стран. Не способствует росту доверия и позиция части политической элиты в России, ревностно относящейся к росту регионального влияния Ирана. Существует и достаточное количество региональных акторов, для которых возникновение подобной оси было бы крайне неблагоприятным явлением.

Активным региональным противником формирования оси «Москва – Тегеран» в силу достаточно большого количества политических и экономических причин выступает Азербайджан, в меньшей степени – Туркменистан. Доминирование ирано–российского альянса на Каспии и в прилегающих регионах Кавказа и Средней Азии во многом сокращало бы возможности маневрирования этих стран в их отношениях с Западом в самых разных сферах, включая военную и энергетическую.

Лоялен к оси «Москва – Тегеран» был бы, вероятно, Казахстан, участвующий с Россией в ЕАЭС и ОДКБ и уже активизировавшийся после отмены антииранских санкций по целому ряду направлений. Впрочем, в повестке визита президента Казахстана в Тегеран в апреле 2016 г. присутствовали исключительно экономические вопросы. Визит был подчеркнута свободен от любого политического дискурса, что косвенно может свидетельствовать о нежелании Астаны вызывать излишнее раздражение на Западе.

Еще более сдержанный характер носят отношения Ирана с Кыргызстаном и Узбекистаном. В Кыргызстане, пользуясь относительно либеральным законодательством, иранский малый и средний бизнес работает довольно успешно, но на этом, собственно, экономическое сотрудничество и заканчивается. Уровень политических отношений можно охарактеризовать как формальный,отягощенный большим количеством негативных эпизодов, связанных, в частности, с сохраняющимся уверенным американским влиянием в КР.

Причины сдержанности в отношениях между Ираном и Узбекистаном во многом субъективны. На новейшие двусторонние отношения, возникшие после распада СССР, спроецировалась до сих пор существующая в руководстве Узбекистана атмосфера абсолютного неприятия политического ислама, составляющего в Иране сущность всей политической системы. С начала 1990–х гг. эта дистанция во многом диктовала политику Республики Узбекистан в отношении ИРИ¹³⁸. В апреле 2011 г. между правительствами Узбе-

¹³⁸ В конце 1990-х годов Иран достаточно активно взаимодействовал с «Исламским движением Узбекистана», пытаясь «вырвать» ИДУ из-под влияния Саудовской Аравии, Пакистана, Турции. Однако эта тактика вызвала непонимание и серьезное раздражение Ташкента, надолго наложив отпечаток на двусторонние отношения. См.: Доклад А. Князева на международной конференции «Иран и страны Центральной Азии: пересмотр отношений и перспективы на будущее». URL: <http://www.refdb.ru/look/1424584.html>

кистана, Туркменистана, Ирана, Омана и Катара было заключено соглашение о создании транспортного коридора Центральная Азия – Персидский залив. В августе 2014 г. участники (за исключением Катара) подписали меморандум о вступлении данного соглашения в силу, позднее к нему присоединился Казахстан. Транспортно–транзитный коридор должен включить в себя железную дорогу, связывающую Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран, а также морской путь от иранских портов Бендер–Аббас и Чабахар до портов Омана¹³⁹. Этот проект в наибольшей степени интересует Ташкент, так как в случае реализации он позволит серьезно диверсифицировать связи с внешними рынками при сохранении стратегической установки всей внешней политики Узбекистана – равновзвешенного взаимодействия со всеми внешними акторами.

Таджикистан в силу этнокультурной общности занимает особое место в иранской региональной политике, являясь при этом стратегическим партнером России, как и все страны региона (за исключением Туркменистана). Тестом на совместимость и способность к сотрудничеству еще в начале 1990-х гг. стала работа ИРИ и России по межтаджикскому примирению. В последнее время общей проблемой для Тегерана и Москвы становится тенденция к росту влияния в Таджикистане консервативных и радикальных кругов арабских монархий Персидского залива, сближение Душанбе с Эр–Риядом и Дохой¹⁴⁰.

Определенная специфика есть и в ирано–туркменских отношениях, что обусловлено непосредственным соседством двух стран. Прагматически нейтральный статус Туркменистана с точки зрения интересов Ирана до последнего времени служил сдерживающим фактором, позволявшим Ашхабаду дистанцироваться от участия в международных блоковых структурах. Помимо прочего эта линия ирано–туркменских взаимоотношений подкреплена экономическими связями, которые объективно выгодны обеим сторонам. Впрочем, эти связи носят специфический характер и не имеют больших шансов на развитие. Приоритетное направление двустороннего сотрудничества – нефтегазовая сфера. При этом Иран импортирует туркменский газ лишь для обеспечения внутренних потребностей своих северо–восточных провинций по газопроводам Корпедже – Курткуи и Довлетабад – Серахс – Хангеран. Иран – третий торговый партнер Туркменистана после Китая и России, но этот показатель достигается как раз в основном за счет поставок газа.

В целом во всех пяти постсоветских республиках региона качественно новое взаимодействие России и ИРИ в его региональном измерении вряд ли будет воспринято с крайних позиций: позитивно или негативно. Внешняя политика всех республик носит преимущественно ситуативный характер, элементы стратегий существуют, пожалуй, только в Узбекистане и Казахстане. Это означает, что, апеллируя к многовекторности, все они в большей степени

¹³⁹ Иран рассчитывает увеличить товарооборот с Узбекистаном за счет нефти. URL: <http://www.ria.ru/economy/20150915/1252303300.html#ixzz4E4sW1w7M>

¹⁴⁰ Князев А. Средняя Азия вступает в этап турбулентности. URL: http://www.ng.ru/courier/2016-01-18/11_asia.html

заинтересованы в существовании разрозненных внешних акторов, между интересами которых можно на тактическом уровне найти нужную формулировку интересов собственных. Скоординированная же политика таких акторов, как Россия и Иран, серьезно ограничивала бы возможности их маневров.

В регионе отсутствуют российско–иранские совместные экономические проекты, как и общие проекты коммуникационного характера или проекты в энергетической сфере. Объективно в среднесрочном измерении нет и актуальной потребности в проектах такого рода. Экономическое присутствие Ирана в странах региона уже после снятия части санкций пока не показывает стремительной динамики. Поэтому, если где–то и возникают конкурентные ситуации, они либо носят локально–отраслевой характер (например, между Россией и Казахстаном на иранском рынке зерна), либо связаны с участием Ирана (или намерением участвовать) в коммуникационных проектах, противоречащих интересам России и в большинстве случаев находящихся в рамках глобальных китайских проектов. Речь идет, в частности, обо всех транспортных проектах в направлении Восток – Запад, а также о проектах транспортировки энергоносителей, к примеру, о строительстве нефтепровода Казахстан – Туркменистан – Иран.

Тем не менее новая конъюнктура глобальных отношений, трансформации, происходящие в системе международных отношений, включая так называемый поворот России на Восток, позитивно воспринимаемый политическим руководством Ирана, создают оптимальные условия для формирования российско–иранского стратегического и регионального партнерства. Пока на обозримую перспективу главным наполнением такого партнерства должна стать сфера безопасности, тем более что в военных вопросах на Ближнем Востоке подобное сотрудничество уже достаточно эффективно осуществляется.

Следует отметить, что российско–иранское стратегическое сближение могло бы послужить разумным противовесом растущему китайскому влиянию в Центральной Азии. В этом ключе интересно рассмотреть вопрос об отношении КНР к гипотетическому ирано–российскому региональному стратегированию. Если конечные цели создания такой оси не будут согласованы с Пекином, то Китай отнесется к ее возникновению со вполне обоснованной настороженностью. Очевидно также, что без учета китайских проектов стратегическое партнерство России и Ирана в регионе будет носить ограниченный характер, как по политическим, так и по экономическим причинам. В рамках же участия в реализации китайской стратегии «Экономического пояса Шелкового пути» стратегическое сближение Москвы и Тегерана может встретить поддержку и одобрение Китая. Это, в свою очередь, позволит России и Ирану включиться в качестве полноправных участников в ряд перспективных и экономически выгодных трансграничных проектов. Замкнутость в двухстороннем формате существенно ограничивает возможности партнерства буквально по всему периметру границ двух стран и негативно сказывается на его эффективности. Совместные внешнеполитические усилия оси «Москва – Тегеран» могут привести к формированию нового, более

устойчивого и не содержащего в себе антагонизмов баланса сил в регионе Центральной Азии и Среднего Востока и новой системы «сдержек и противовесов» по отношению к региональным стратегиям КНР.

Российские и иранские взгляды на фундаментальные принципы стабильности и развития совпадают с принципами, положенными в основу международного права после Второй мировой войны. Новая конъюнктура глобальных отношений и происходящие в системе международных отношений изменения формируют достаточно благоприятные условия для создания оси «Москва – Тегеран», актуализируя этот вопрос для обеих стран.

**Хамидреза
АЗИЗИ,
эксперт IRAS**

Ввиду своего стратегически важного геополитического положения Центрально–Азиатский регион на протяжении всей истории оставался в центре внимания соседних, а также внерегиональных держав. Это было весьма заметно в отношениях Ирана и России как двух стран, соседствующих с Центральной Азией. С XIX в. на протяжении десятков лет этот регион находился исключительно под влиянием России (царской, а затем советской). С распадом СССР и открытием геополитического пространства Центральной Азии в очередной раз тема присутствия мировых и региональных держав в этом регионе стала серьезно обсуждаться. При этом страны региона, получившие политическую независимость, в большей или меньшей степени продолжали поддерживать связи с Россией, например в области безопасности, экономики и в социально–культурной сфере. Россия, сохранив определение региона, унаследованное из советского прошлого, то есть «ближнее зарубежье», продолжала считать его крайне важным для своих национальных интересов. С другой стороны, Центральная Азия в качестве региона, который граничит с Ираном на протяжении всей истории, имела с ним культурное единство, а также (в некоторые периоды) прочные экономические и политические связи. Это обстоятельство послужило причиной тому, что с момента распада Советского Союза стали активно развиваться отношения между получившими независимость республиками и Ираном. Экономическая привлекательность региона, а также важность событий в сфере политики и безопасности стран с точки зрения их влияния на Иран сделали Центральную Азию более значимым регионом для страны, чем когда–либо. Эти же факторы привели к тому, что Иран был одним из первых государств, официально признавших независимость стран региона и предпринявших шаги к развитию взаимодействия с ними.

В данной статье делается акцент на политике двух соседних стран, Ирана и России, в регионе Центральной Азии. Помимо исследования природы подходов каждой из них к этому региону, автором предпринимается попытка выявить потенциальные направления сотрудничества для них в этой области, а также рассмотреть существующие возможности и ограничения.

Интересы и приоритеты Ирана в Центральной Азии

При изучении интересов и приоритетов Исламской Республики Иран в регионе Центральной Азии следует разделить два фактора: экономику и безопасность – и исследовать интересы Ирана в каждой из этих сфер по–отдельности.

Экономические интересы и приоритеты

В целом три сферы – торговлю, транспортировку энергоресурсов и логистику – можно назвать важнейшими областями, которые Иран обозначил в качестве приоритетных. Что касается торговли, то политика Ирана относительно развития торговых отношений со странами Центральной Азии направлена на решение трех основных задач: обеспечение доступа к сырью для промышленности, использование региона в качестве рынка для

иранских товаров, в особенности потребительских, а также налаживание каналов экспорта из Ирана в другие районы, с одной стороны, и превращения Ирана в транзитный экспортно–импортный путь для этих стран – с другой¹⁴¹.

Развитие приграничных рынков и зон свободной торговли на северных границах Ирана, с учетом существования ограничений и трудностей на местных рынках, стало одним из шагов, способствовавших укреплению экономических связей с республиками Центральной Азии. Стоит также отметить присоединение республик Центральной Азии к Организации экономического сотрудничества (ОЭС) в рамках поддержки Ираном развития регионального сотрудничества¹⁴².

В том, что касается энергетики, с момента распада СССР заявлялось, что Иран может стать самым коротким путем передачи энергоресурсов стран Центральной Азии на мировые рынки. Осуществление подобного маршрута представляется также весьма привлекательным для стран Центральной Азии и для европейских государств, которые являются потребителями этих энергоресурсов. Важнейшим фактором в данной сфере является возникшее у стран региона Центральной Азии намерение найти новые пути переброски своих энергоресурсов, а также стремление европейских покупателей энергоносителей диверсифицировать источники поставок¹⁴³.

В сфере газовой промышленности огромное значение имело установление связей Ирана с Туркменистаном. В октябре 1995 г. Национальная газовая компания Ирана заключила договор с Туркменистаном на строительство газопровода Корпедже–Кург–Куи. В то время, когда этот трубопровод был запущен в эксплуатацию в 1997 г., его мощность составляла всего лишь 4,5 млрд кубометров в год, однако этот объем спустя некоторое время достиг 8 млрд кубометров в год¹⁴⁴. Конечно, связи Ирана и Туркменистана в газовой отрасли не ограничиваются этим газопроводом. Вторая ветка газопровода Туркменистан – Иран была запущена в эксплуатацию 6 января 2009 г.¹⁴⁵ С открытием второй фазы этого газопровода 28 ноября 2010 г. он достиг мощности ежегодной передачи 18 млрд кубометров природного газа¹⁴⁶.

В области нефтяного сотрудничества Ирана с регионом Центральной Азии следует отметить два основных проекта: проект бартерной сделки, который реализуется в настоящее время, и проект нефтепровода Казахстан – Туркменистан – Иран, находящийся в стадии разработки. Туркменистан и Казах–

¹⁴¹ Daman Pak Jami. Economic Diplomacy of Islamic Republic of Iran in Central Asia. Tehran: center for international research and education. 2009. P. 175 (Farsi).

¹⁴² Koulalae E. Politics and Government in Central Asia. Tehran: SAMT, 2008. P. 194.

¹⁴³ Putz C. Why Is Central Asia Excited About the Iran Deal? // The Diplomat, April 15, 2015.
URL: <http://www.thediplomat.com/2015/04/why-is-central-asia-excited-about-the-iran-deal>

¹⁴⁴ Bouvalverdi M. Iran-Turkmenistan ties: An Overview // Central Asia and the Caucasus Studies Quarterly. 2004. No. 56. P. 98 (Farsi).

¹⁴⁵ Turkmenistan Opens New Iran Gas Pipeline // BBC (6/1/2010). Retrieved from January 10, 2010.
URL: <http://www.news.bbc.co.uk/2/hi/8443787.stm>

¹⁴⁶ Turkmenistan Opens New Gas Pipeline into Iran // IRAS, November 28, 2010. Retrieved from November 30, 2010.
URL: <http://www.iraneurasia.ir/fa/pages/?cid=12895> (Farsi).

стан заключили своп–соглашения с Ираном на поставку небольших объемов нефти на нефтеперерабатывающие заводы, расположенные в северных областях Ирана, в обмен на поставку таких же объемов сырой иранской нефти через порты в Персидском заливе¹⁴⁷. Следующим проектом стала транспортировка нефти через нефтепровод Казахстан – Туркменистан – Иран, однако, несмотря на наличие условий для его осуществления, реализация проекта до сих пор откладывается.

В вопросе логистики следует указать на то, что благодаря соседству Ирана с Центральной Азией и Кавказом, Индийским субконтинентом, Персидским заливом и Малой Азией, а также тому, что он расположен между двумя материками – Азией и Европой – и имеет выход к открытым водам, он занимает особое место с точки зрения обеспечения связей между государствами региона. Ирану удалось добиться этого и вновь стать мостом между Западом и Востоком после распада СССР и обретения независимости странами Центральной Азии¹⁴⁸.

Однако с учетом ограничений, введенных со стороны Запада против Ирана, единственными маршрутами, которые страны Центральной Азии сегодня могут использовать, остаются западный маршрут, подконтрольный России, и восточный маршрут, подконтрольный Китаю¹⁴⁹. Хлопок Узбекистана и газ Туркменистана являются двумя основными продуктами Центральной Азии, которые могут экспортироваться через Иран. С целью использовать это преимущество Иран предпринял шаги по развитию железных дорог, и в этой связи следует отметить открытие новой железной дороги Иран – Туркменистан – Казахстан в декабре 2014 г.¹⁵⁰ Помимо этого, президент Ирана в рамках своей поездки в Ашхабад в марте 2015 г. заявил, что Иран и Туркменистан намерены реализовать проект коридора «Север – Юг», который свяжет Персидский и Оманский заливы со странами Центральной Азии¹⁵¹.

Интересы и приоритеты в сфере безопасности

Как и в сфере экономики, интересы и приоритеты Ирана в сфере безопасности в регионе Центральной Азии также можно разделить на несколько частей. Первой из них является борьба с «мягкими» угрозами безопасности. Беспокойство Ирана обусловлено тем, что Центральная Азия граничит с Афганистаном, откуда беспрепятственно могут проникать угрозы подобного характера. Иран придерживается мнения, что нестабильность, существующая в Афганистане, может через Таджикистан и другие части Центральной

¹⁴⁷Bayulgen O. Caspian Energy Wealth; Social Impacts and Implications for Regional Stability // Wooden A.E., Stefes C.H. The Politics of Transition in Central Asia and the Caucasus, London and New York: Routledge, 2009. P. 168.

¹⁴⁸Daman Pak Jami. Economic Diplomacy of Islamic Republic of Iran in Central Asia. Tehran: center for international research and education. 2009. P. 332 (Farsi).

¹⁴⁹Pannier B. Does Nuclear Deal Presage a New Era for Iran-Central Asia Relations? // RFE-RL. 2015. Retrieved from June 4, 2016. URL: <http://www.rferl.org/content/qishloq-ovozi-iran-central-asia/26941315.html>

¹⁵⁰Merat Arron R. Rouhani's Central Asia Policies in Spotlight at SCO Summit // Al Monitor. 2014. Retrieved from June 1, 2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/tr/originals/2013/09/rouhani-central-asia-policy-at-sco-summit.html>

¹⁵¹Vatanka A. Does Iran Have a Bridge to Central Asia? // Al-Monitor. 2015. Retrieved from March 18, 2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/03/iran-turkmenistan-rouhani-kazakhstan.html>

Азии оказать влияние и на него. Кроме того, Иран в ходе прошедших десятилетий принимал у себя множество афганских беженцев, которые не только влекут расходы для бюджета, но и могут рассматриваться как опасный фактор социальной напряженности¹⁵².

Другой важной проблемой для Ирана в Центральной Азии является борьба с религиозным экстремизмом, связанным с ситуацией в Афганистане и усилением влияния движения «Талибан» в регионе. Продолжающееся расширение сферы действий террористической группы ДАИШ на Среднем Востоке и возникновение ряда тенденций к тому, что группа намеревается вести террористическую деятельность в странах Центральной Азии, вызывают серьезное беспокойство в регионе.

Милитаризацию Каспийского моря также можно считать важной угрозой безопасности Ирана. Среди государств региона сложилось мнение, что наличие вооруженных сил в Каспийском море может привести к гонке вооружений. Военный флот России появился в здесь в 1771 г. и до сих пор считается сильнейшим в регионе. Республика Азербайджан также занимает важное место на военной арене в этом море и дополнительно предприняла шаги по обновлению своего флота. Казахстан с помощью стран Запада и России тоже строит свои корабли. И даже Туркменистан, получив статус постоянного нейтралитета в ООН, в прошедшие годы развивал свой флот на этом море¹⁵³. Все эти обстоятельства привели к нарастанию беспокойства от усиления военного соперничества в регионе Каспийского моря, являющегося потенциальной угрозой возникновения противостояния между странами и конфликта. Предотвращение развития подобного сценария, который может считаться прямой угрозой интересам и национальной безопасности страны, входит в число приоритетов Ирана в регионе.

К приоритетам в сфере безопасности Ирана в Центральной Азии также относится учинение влияния в данном регионе недружественных Ирану государств. Иран критикует развитие отношений в сфере безопасности между странами Центральной Азии, США и Израилем, а также присутствие НАТО и ОБСЕ в этом регионе. В отношении НАТО и ОБСЕ Тегеран выражает свое недовольство результатами, которые могут в долгосрочной перспективе привести к вмешательству этих организаций в регион, и опасается того, что действующие программы будут развиваться и дальше¹⁵⁴. Опасения Ирана в этой связи усилились, в особенности после событий 11 сентября, а в дальнейшем после нападения США на Афганистан. События 11 сентября в действительности создали условия для роста влияния США в регионе, к которому они стремились в первые годы после распада СССР. Эта ситуация расценивается Ираном как один из источников угрозы национальным интересам и безопасности.

¹⁵²Herzig E. Iran and Central Asia // R. Allison and L. Jonson (Eds.). Central Asian Security: The New International Context. Washington and London: Brookings and Chatham House, 2001.

¹⁵³Saber M. Iran's Approach at Caspian Sea: Confidence-Building, Security and Stability // Central Asia and the Caucasus Studies Quarterly. 2005. No. 60. P. 89-90. (Farsi).

¹⁵⁴Herzig E. Ibid.

Возможности и ограничения сотрудничества Ирана и России в Центральной Азии

Сравнивая цели и интересы Ирана и России в Центральной Азии, следует подробнее проанализировать сходства и различия между странами. В сфере экономики кажется, что повестки дня двух стран существенно различаются, что сокращает возможности сотрудничества между ними. В целом можно сказать, что попытки России сохранить экономические связи со странами Центральной Азии и удержать свою монополию в различных сферах экономики региона ограничивают реальное и эффективное сотрудничество с другими игроками. Интенсивное развитие, наблюдаемое в сфере торговли, в экономических отношениях региона с третьими странами, расценивается как нежелательное с точки зрения России, поскольку торговые партнерства стран региона могут стать вызовом для нее, а также на более высоком уровне привести к появлению у стран региона новых торговых партнеров, которые будут настроены против Москвы как в области экономики, так и в политической сфере. Изменения, которые произошли в отношениях стран Центральной Азии с Китаем привели к тому, что Россия уступила Китаю место главного торгового партнера стран региона.

Несмотря на то, что экономический потенциал Ирана в регионе более ограничен, чем потенциал Китая, его не стоит игнорировать с точки зрения результатов в долгосрочной перспективе. До сих пор уровень взаимодействия в энергетической сфере с Ираном был ограничен, Москва длительное время имела монополию на экспорт энергоносителей, в особенности в Европу, и сохранение этого положения было для нее приоритетным. Весьма значимо замечание о том, что в нынешних условиях после соглашения по ядерной программе с Ирана были сняты санкции, связанные с энергетической сферой, и крупные западные партнеры проявили интерес к взаимодействию с ним. В области логистики также происходит развитие отношений Ирана со странами региона, появляется возможность налаживания маршрута для торговых связей стран Центральной Азии с Европой и международными рынками, что, разумеется, нежелательно для России. В качестве примера можно привести проект «Один пояс – один путь», который активно продвигается Россией, поскольку пройдет через ее территорию.

Таким образом, с одной стороны есть растущее двустороннее экономическое взаимодействие между Ираном и Россией, а с другой стороны – Россия и инициативы, которые она предпринимает для многостороннего экономического сотрудничества в регионе. Так, например, план Евразийского экономического союза можно назвать сферой многостороннего взаимодействия – единственной сферой, в которой сотрудничество двух стран географически неизбежно. Основная причина этого заключается в том, что Россия посредством ввода Ирана в рамки многостороннего сотрудничества под своим контролем получит гарантии защиты от угроз экономической деятельности Ирана в регионе. Таким образом, неясно, согласится ли Иран с подобной ролью, в особенности в дальнейшем при развитии отношений в условиях постсанкционного периода, и какова будет позиция России.

В отличие от экономической сферы, общность интересов двух стран в вопросах безопасности в Центральной Азии делает возможным как двустороннее, так и многостороннее сотрудничество. Иран и Россия обеспокоены «мягкими» угрозами безопасности, начиная от контрабанды наркотиков до экстремизма, и стремятся избежать развития очага терроризма в регионе. В целом обе страны намерены предпринимать попытки к обеспечению безопасности и стабильности с целью предотвращения влияния нестабильности на свои территории, и в этой сфере их взгляды совпадают. Противодействие присутствию и влиянию внерегиональных сил, в особенности США, в Центральной Азии является другой сферой общих взглядов по вопросам безопасности между Ираном и Россией. Таким образом, кажется, что безопасность и является той областью, в которой обе страны могут сотрудничать на основании общих интересов. Это сотрудничество может быть достигнуто через реализацию двусторонних действий, а также через многосторонние организации с участием стран региона. В этой области ШОС в качестве одной из таких организаций, существующей уже длительное время, обладает необходимым потенциалом, однако ряд факторов, в особенности расхождение во взглядах между Россией и Китаем относительно функций этой организации и нежелание Китая, чтобы она занималась преимущественно вопросами безопасности, создают препятствия на этом пути. Таким образом, все стороны заинтересованы в понимании государствами региона необходимости сотрудничества для устранения угроз безопасности, и, если Россия и Китай сумеют договориться и привлечь к сотрудничеству страны региона, это может создать весьма благоприятные условия для сотрудничества в сфере безопасности между Ираном и Россией в Центральной Азии.

Выводы

Иран и Россия как два государства, граничащие с Центральной Азией, издавна развивали связи в различных сферах со странами этого региона и сегодня реализуют стратегии, в которых экономика и безопасность являются двумя ключевыми элементами. Хотя условия исторического развития и характер взаимодействия Тегерана и Москвы со странами региона имели существенные отличия, в настоящее время в каждой из областей существуют общие элементы, которые могут создать предпосылки для сотрудничества двух стран в Центральной Азии. Несмотря на различия в приоритетах Ирана и России в сфере экономического взаимодействия в регионе, по большей части атмосфера конкуренции между ними сохраняется, однако можно отметить определенное единство в вопросах безопасности в Центральной Азии, что является благоприятной почвой для регионального сотрудничества. Таким образом, развитие взаимодействия в данной области зависит, с одной стороны, от намерений и стратегий обеих стран, и с другой – от их способности привлечь другие государства региона.

Раздел IV. Возможности и перспективы экономического сотрудничества

Тема 9. Развитие региональных и трансрегиональных транспортных путей: перспективы сотрудничества

**Павел
ЗЮЗИН,
эксперт РСМД**

Видение Россией и Ираном перспектив развития региональных и трансрегиональных транспортных коммуникаций в Центральной Евразии

Видение перспектив региональной транспортной интеграции в России и Иране при рассмотрении конкретных проектов различается¹⁵⁵, хотя есть и точки соприкосновения. Действия российской стороны в бассейне Каспийского моря долгое время отставали от множества реализованных межгосударственных инициатив и не в полной мере соответствовали превращению Прикаспийского региона из периферии в перекресток транспортных коридоров. Продолжение экономического подъема в Китае и экспортная ориентированность его экономики приводят к тому, что большинство государств Евразии, в том числе Россия и Иран, проявляют заинтересованность в прохождении через их территорию на Запад грузо- и товаропотоков из КНР. При этом они подверстывают под это долго вызревавшие внутрирегиональные транспортные инициативы и проекты, такие, например, как Северный морской путь, БАМ, железная дорога Иран – Пакистан.

В России инициативы Поднебесной принято рассматривать в первую очередь как транзитные. В условиях ухудшения отношений с Западом участие в подобных проектах в нашей стране стало считаться приоритетным. Китай же стремится продвигать под видом транзитных сухопутных инициатив собственные сугубо утилитарные интересы. Объем перевозок контейнеров транзитом из КНР через Россию достиг 320 тыс. TEU в год¹⁵⁶ и остается на этом уровне. Транзит через Казахстан вырос за последние три года с 6 до 48 тыс. TEU и, по прогнозам, составит в 2016 г. 95 тыс. TEU¹⁵⁷.

Таким образом, на протяжении пятнадцати лет Китай сосредотачивает усилия по выстраиванию сухопутных логистических цепочек за пределами России¹⁵⁸, даже несмотря на выгодность использования российской транспорт-

¹⁵⁵ Developing Railway Transit by Cooperation of Railway and Ports // International Oil, Rail & Port Conference. URL: <http://www.goo.gl/TR0H2Y>

¹⁵⁶ Транзит перевозок крупнотоннажных контейнеров железнодорожным транспортом в сообщении Россия – Китай растет // Официальный сайт ОАО «РЖД». URL: <http://www.goo.gl/g7DEZS>

¹⁵⁷ Транзит контейнеров из Китая в Европу через Казахстан вырастет в 2016 году вдвое // Центр транспортных стратегий. URL: <http://www.goo.gl/lhg2g>

¹⁵⁸ Georgia Welcomes First Silk Road Cargo Train from China. URL: <http://www.goo.gl/hL4SC2>

ной системы по целому ряду ключевых параметров. Так, при транзите грузов через территорию России расстояние сокращается в 2–4 раза в зависимости от маршрута¹⁵⁹, а время доставки грузов – до 12 дней (против 38 дней в среднем при транспортировке морем). Это внешнее обстоятельство способствует повышению роли прикаспийских государств и Пакистана¹⁶⁰. Вокруг именно данной группы стран в Центральной Евразии сегодня и выстраивается большинство региональных и трансрегиональных транспортных проектов, заявленных в той или иной степени на грузопотоки из Китая.

От включения в зарождающиеся в Прикаспии направления перевозок во многом зависит загрузка российской транспортной системы в будущем. Однако Россия крайне медленно развивает связи в данном регионе. Существенным препятствием к этому становится поддерживаемый Европейским союзом проект TRACEKA, который интенсивно развивается, даже несмотря на заведомо большую дальность перевозок, более высокую стоимость транспортировки грузов, необходимость четверной перевалки контейнеров и другие недостатки. В 2015 г. были введены в эксплуатацию железнодорожные линии из Турции в Грузию и тоннель Мармарай под проливом Босфор (в Стамбуле). Это позволило впервые в истории пустить первый грузовой поезд в обход России¹⁶¹. В таких условиях формирующийся широтный транспортно-логистический поток¹⁶² через Казахстан, Азербайджан и Иран оживил судоходство на Каспии. У России есть объективные возможности перетянуть на свою транспортную систему часть этого потока, однако российский порт Оля пока вряд ли способен конкурировать с проектами не только Азербайджана, но и Казахстана. Последний развивает, хотя и не без проблем¹⁶³, крупный портовый кластер в Актау и к 2020 г. планирует увеличить перевалку грузов через порты до 25 млн т в год¹⁶⁴. Новые контейнерные суда для этих целей уже заказаны в России¹⁶⁵.

Таким образом, крупнейшие региональные транспортные проекты – TRACEKA, китайско-казахстанские и китайско-пакистанские – реализуются без участия России или с ее минимальным участием. Они изначально были нацелены на то, чтобы минимизировать использование российской транспортной системы, как это уже было в случае с транссибирскими маршрутами¹⁶⁶. Очевидно, что такой вариант развития событий меньше всего отвечает интересам России.

¹⁵⁹ Шелковый путь 2.0: зачем России новые железные дороги. URL: <http://www.goo.gl/sSkUBI>

¹⁶⁰ CDWP Approves Uplift Projects Worth Rs244bn. URL: <http://www.goo.gl/SLte8Y>

¹⁶¹ Первый поезд из Китая прибыл в Тбилиси в рамках проекта «Шелковый путь» // Грузия Online. URL: <http://www.apsny.ge/2015/eco/1450034694.php>

¹⁶² Украина открыла маршрут доставки грузов из Китая в обход России // Lenta.ru.

URL: <https://www.lenta.ru/news/2016/01/15/newway/>

دش نارهت در او مشیرب هار یتیزنارت راطق نیسین (Первый транзитный поезд Шелкового пути прибыл в Тегеран) // IRNA.fa. URL: <http://www.irna.ir/fa/News/81964170/>

¹⁶³ Вице-премьер Сагинтаев сравнил ситуацию в морпорту Актау с адом. URL: <http://www.goo.gl/xFRGO>

¹⁶⁴ Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015–2019 годы // Strategy 2050. URL: <https://www.goo.gl/f94q4o>

¹⁶⁵ Уникальный сухогруз проводили на воду в Шлиссельбурге кардиолог и муфтий // Федеральное агентство новостей. URL: <http://www.goo.gl/I96di1>

¹⁶⁶ В пролете // Совершенно секретно. URL: <http://www.goo.gl/GG1kbP>

Иранское руководство рассматривает региональные транспортные проекты в соответствии с явно выраженным предпочтением Пекина проложить транспортные коммуникации и направить грузы южнее Каспийского моря¹⁶⁷, где, собственно, и расположен Иран. Тегеран приложил немалые усилия к тому, чтобы стать страной-транзитером¹⁶⁸ китайских грузов, и успешно реализовал эту задачу. В кратчайшие сроки построены две ключевые железные дороги – в Туркменистан и Пакистан¹⁶⁹ (правда, на обоих требуется перевалка из-за различной ширины колеи)¹⁷⁰. Китай в данном случае получил удобный доступ к порту в Персидском заливе (Бендер-Аббас) и осуществил сухопутный обход Малаккского пролива. Тем самым было достигнуто снижение угрозы судоходству на главном экспортном канале КНР из-за иницилируемой ей же самой напряженности в Южно-Китайском море¹⁷¹.

Иран продолжает реализацию сразу нескольких региональных проектов, стремясь сформировать на своей территории как можно более развитый транспортный хаб¹⁷². Уже введена в эксплуатацию железная дорога от Хорремшехра до иракской границы и построен железнодорожно-автомобильный перегрузочный терминал. Для окончательного соединения с иракской сетью Тегеран анонсировал сооружение моста с предоставлением соседу кредита на эти цели¹⁷³. Кроме того, он продвигает возможность переправлять грузы в Европу через Турцию без перегрузки¹⁷⁴ (в настоящее время требуется преодолеть озеро Ван на пароме)¹⁷⁵. Ввод участка Решт – Астара открывает для Ирана перспективы не только достроить западную ветвь коридора «Север – Юг», но и подключиться к TRACEKA через Азербайджан. В результате можно будет провозить грузы из Ирана в Турцию в обход озера Ван. В то же время TRACEKA получает возможности транспортировать грузы южнее Каспийского моря через Тегеран и отказаться от использования каспийских паромов. В этом отношении железнодорожные проекты Ахалкалаки – Карс и Решт – Астара могут быть использованы в рамках одного коридора, что позволит усилить транзитный потенциал и Азербайджана, и Ирана (в обход России).

Определенные шаги Иран предпринял и в части сотрудничества с Индией, ищущей пути преодоления установленной Пакистаном сухопутной бло-

¹⁶⁷ Iran, China and the Silk Road Train // The Diplomat.

URL: <http://www.thediplomat.com/2016/03/iran-china-and-the-silk-road-train/>

¹⁶⁸ First Train from China to Iran Stimulates Silk Road Revival // Xinhua News. URL: <http://www.goo.gl/UtPI3n>

¹⁶⁹ Pakistan – Iran – Turkey Container Train // Grantham A. Various Articles, Mainly About Railways.

URL: <http://www.goo.gl/qE3YBN>

¹⁷⁰ В Иране используется колея 1435 мм, в Азербайджане и других странах СНГ – 1520 мм, в Пакистане – 1676 мм. Единственные сопредельные страны с идентичной колеей – Турция и Ирак. При этом по состоянию на 2016 г. у Ирана была связь только с турецкой сетью.

¹⁷¹ Вопросы географии: начнется ли война в Южно-Китайском море? // ПБК. URL: <http://www.goo.gl/XdG9i9>

¹⁷² Основные логистические маршруты Ирана // Министерство экономического развития РФ. Портал внешнеэкономической информации. URL: <http://www.goo.gl/DoqgL3>

¹⁷³ Iranian President Urges to Speed Up Iraq-Iran Railway Project // Iraqi News. URL: <http://www.goo.gl/gbSxIw>

¹⁷⁴ Erdogan Focuses on Trade During Iran Visit // Al-Monitor.com. URL: <http://www.goo.gl/msAAiY>

¹⁷⁵ Иран и Турция имеют одинаковую европейскую ширину колеи, однако сообщение осложняется необходимостью осуществления паромных перевозок через озеро Ван в Турции. Вопрос строительства сухопутного пути в обход озера обсуждается уже долгое время.

кады¹⁷⁶ и выхода на рынки стран Центральной Азии¹⁷⁷. Этот изначально инициированный Дели проект преподносится как весьма амбициозный¹⁷⁸, но на практике реализуется крайне медленно из-за стремления Индии согласовывать свои внешнеполитические шаги с другими державами, в том числе с США¹⁷⁹.

Для России реализуемые в Иране и его окружении проекты еще раз показывают необходимость подключения к иранскому хабу¹⁸⁰. Проект меридиональной железнодорожной линии к западу от Каспия (в России рассматривается как часть коридора «Север – Юг») всецело вписывается в эту логику и усиливает присутствие России на прикаспийском перекрестке.

В чем общие интересы России и Ирана?

Россия и Иран утратили общую сухопутную границу, но в результате схожих геополитических процессов последних лет они, как и Индия, вынуждены противостоять (с большим или меньшим успехом) попыткам международной изоляции, в том числе отстранению от формирующихся мировых транзитных коммуникаций. В этом отношении стремление Индии вывезти товары и грузы через иранские порты в страны ЕС¹⁸¹ отвечает интересам как России, так и Ирана. Кроме того, активизация процессов в рамках проекта международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» с участием России повышает, пусть и формально, вес Ирана на геополитической арене и при нейтралитете Индии¹⁸² усиливает его политические позиции в зоне Персидского залива. Китай же пока, судя по всему, сосредоточился на более тесных взаимоотношениях с Пакистаном¹⁸³, с которым он имеет общую сухопутную границу и контактирует без участия третьих стран¹⁸⁴.

В условиях стремительного расширения китайской сферы влияния на прикаспийском перекрестке проект МТК «Север – Юг» позволяет Ирану лавировать между интересами крупнейших держав. Нельзя сказать, что Иран и Китай не имеют других отношений, кроме как в сфере энергетики¹⁸⁵. Однако Иран при этом сохраняет свободу маневра и демонстри-

¹⁷⁶ Например, односторонний пропуск Пакистаном транзитных грузов из Афганистана в Индию и блокада встречных перевозок.

¹⁷⁷ Afghanistan-Pakistan Transit Trade Agreement 2010 (APTTA) // Government of Pakistan. Ministry of Commerce. URL: <http://www.goo.gl/JaFGRH>

¹⁷⁸ Why the Chabahar Port Agreement Kills Two Birds With One Stone // Hindustan Times. URL: <http://www.goo.gl/oJWsa1>

¹⁷⁹ Панкратенко И. Ирано-индийские отношения // Iran.ru. URL: <http://www.goo.gl/tDRWeX>

¹⁸⁰ Первый поезд из Мумбаи в Москву по транзитному коридору «Север – Юг» отправится 7 августа // Gudok.ru. URL: <http://www.goo.gl/IS2VGV>

¹⁸¹ В 2014 г. объемы экспорта из Индии в ЕС составляли около 36 млн т.

¹⁸² Панкратенко И. Ирано-индийские отношения // Iran.ru. URL: <http://www.goo.gl/tDRWeX>

¹⁸³ Infrastructure Project: First Tranche of OLMТ Loan Released // The Express Tribune. URL: <http://www.goo.gl/piDMiK>

¹⁸⁴ The China-Pakistan Economic Corridor Gets Even More Ambitious // The Diplomat. URL: <http://www.goo.gl/JFvHIM>

¹⁸⁵ NORINCO to Build Metro in Iran // China Economic Review. URL: <http://www.goo.gl/wa0WzI>; 300 King Long BRT Buses Shipped to Iran // ChinaBuses.org. URL: <http://www.goo.gl/2aKbMc>; First LRVs Shipped to Mashhad // Railway Gazette. URL: <http://www.goo.gl/e6R2j>; Встреча Си Цзиньпина с Аятоллой Хаменеи: Китай и Иран крепят Евразийскую триаду // Аналитический портал GP Геополитика. URL: <http://www.goo.gl/YrkhNp>

рует возможности взаимодействия с другими странами¹⁸⁶, в том числе и с Россией¹⁸⁷. Проект коридора «Север – Юг» (западная ветка) как раз и призван обеспечить двусторонние грузопотоки¹⁸⁸ и экспорт в Иран технологий, машин и оборудования¹⁸⁹, что полностью соответствует желанию России.

Проект МТК «Север – Юг»: перспективы реализации

МТК «Север – Юг» официально позиционируется как инициатива группы стран, однако ни одна из них не рассматривает его как целостный проект, а сосредотачивается на отдельных участках.

Россия видит в проекте МТК «Север – Юг»¹⁹⁰ в первую очередь возможность организовать для себя новый маршрут импорта грузов из Китая и Индии через Иран. В перспективе он также позволит создать условия для пропуска транзитного грузопотока между Балтикой и Персидским заливом, если этот явно выгодный маршрут¹⁹¹ получит политическую поддержку. Без такой поддержки подобная инициатива мало реализуема. Маршрут «Север – Юг» фактически предполагает альтернативу Суэцкому каналу или его глубокий обход. Вместе с тем следует учитывать, что в 2015 г. канал был расширен (пущена вторая ветка)¹⁹² и теперь может пропускать по 97 судов в день без необходимости перегрузки контейнеров в пути (например, из-за разницы колеи). К тому же угрозы со стороны сомалийских пиратов фактически больше не существует¹⁹³. Данные обстоятельства вряд ли побудят отправителей грузов что-то поменять в устоявшихся практиках и в обозримом будущем.

Что касается наземной инфраструктуры (ж/д линий) МТК «Север – Юг», то строительство на иранской территории его западной ветки, в которой в наибольшей степени заинтересованы Россия и Азербайджан, продвигается крайне медленно¹⁹⁴: предстоит достроить не только мостовой переход на ирано-азербайджанской границе¹⁹⁵, но и железнодорожную линию Решт – Астара¹⁹⁶ протяженностью около 175 км. На саммите прикаспийских госу-

¹⁸⁶ Iran, Italy Agree on Hi-Tech Train Project // Fars News Agency. URL: <http://www.goo.gl/vrzEMy>

¹⁸⁷ ОАО «РЖД» в мировой транспортной системе // РЖД. URL: <http://www.goo.gl/gXvsTr>; Russia's Loan to Iran on the Agenda for Moscow's Negotiations // IRNA. URL: <http://www.goo.gl/djHkRf>

¹⁸⁸ Россия, Иран и Азербайджан договорились замкнуть железнодорожное кольцо вокруг Каспия // Gudok.ru. URL: <http://www.goo.gl/djHkRf>

¹⁸⁹ ایساروا و دنه عراق حبش یارب نارای یتال صاوم یاره رسم تنیما (Важность транспортных маршрутов для индийского субконтинента и Евразии) // News.mrud.ir. URL: <http://www.goo.gl/HC33XF>.

¹⁹⁰ Международный транспортный коридор «Север – Юг» (Справка) // МИД РФ. URL: <http://www.goo.gl/Rdn5OK>

¹⁹¹ Винокуров Е.Ю., Джадралиев М.А., Щербанин Ю.А. Международные транспортные коридоры ЕвразЭС: быстрее, дешевле, больше. М.: Евразийский Банк развития, 2009. URL: <http://www.transtec.transtec-neva.ru/files/File/eurozec.pdf>

¹⁹² Egypt Shows Off \$8 Billion Suez Canal Expansion that the World May Not Need // Bloomberg. URL: <http://www.goo.gl/OhKNy1>

¹⁹³ Сомалийских пиратов больше нет. Как это случилось // Украина криминальная. URL: <http://www.goo.gl/ocw9CG>

¹⁹⁴ Iran-Azeri Ministers Hope for Completion of «Friendship Railway» // IRNA.en. URL: <http://www.goo.gl/B71j52>

¹⁹⁵ Iran and Azerbaijan Launch Construction of Cross-Border Railway Bridge // Railway Gazette. URL: <http://www.goo.gl/OUxxuV>; «Север – Юг». Азербайджан и Иран заложили железнодорожный мост // Новости Азербайджана. URL: <http://www.novosti.az/transport/1092.html>

¹⁹⁶ Azerbaijan Allocates \$500m for Railway Project // Iran Daily. URL: <http://www.iran-daily.com/News/140138.html>

дарств в Баку в августе 2016 г. был обозначен мостовой переход и Азербайджаном предоставлен кредит на продолжение строительства¹⁹⁷.

Если говорить о морском варианте коридора, то на Балтике Россия фактически достраивает крупный портовый кластер Бронка, который явно рассчитан не только на ввозные, но и на перспективные транзитные грузы – без них он будет иметь значительный профицит мощностей¹⁹⁸. Однако наращивание такого транзита через российскую территорию требует принятия политического решения в Китае. На Каспии же портовые мощности России не развиты, и при наличии железной дороги со сквозным провозом они вряд ли будут востребованы в ближайшем будущем.

Для прохождения грузов через колею разной ширины используют их перегрузку¹⁹⁹, что приводит к задержкам до 2 суток, а суммарно – до 4 суток при сквозном провозе из Китая в Европу.

Со стороны Индии коридор, по крайней мере его южная внероссийская часть, имеет стабильную поддержку бизнеса (во многом из-за безальтернативности) и вполне конкретную цель: выход индийских компаний и товаров на рынки сопредельных стран Средней Азии и Афганистана²⁰⁰. Как всегда, здесь есть и сложная геополитическая подоплека: согласно проекту, отправной точкой коридора станет строящийся на индийские инвестиции морской порт Чабахар²⁰¹. Дели заинтересован в нем для получения доступа к минерально-сырьевой базе Афганистана²⁰² и уже анонсировал проект строительства железной дороги из порта в Афганистан через Захедан²⁰³. В то же время Индия вынуждена уравнивать силы в зоне Персидского залива²⁰⁴, где КНР строит порт Гвадар (в аренде у Пакистана на 43 года²⁰⁵), не в последнюю очередь из-за роста опасений по поводу появления здесь зарубежной военно-морской базы НОАК²⁰⁶.

Для Ирана принципиально важно, во-первых, получить первый в стране глубоководный порт, поскольку Бендер-Аббас имеет ограничения по осадке принимаемых судов, и «придвинуться» к транзитному каналу через Индийский океан. Это откроет большие возможности для торговли с другими

¹⁹⁷ Азербайджан предоставит Ирану кредит на строительство железной дороги // Москва-Баку.ру.
URL: <http://www.goo.gl/ph5lNw>

¹⁹⁸ Порт Бронка планирует принять первое судно в сентябре // Ведомости. URL: <https://www.goo.gl/NkUYB1>

¹⁹⁹ Правила исчисления сроков доставки грузов железнодорожным транспортом // Официальный сайт ОАО «РЖД».
URL: <http://www.goo.gl/0Sr1iC>

²⁰⁰ Regional Connectivity – Iran as India's Gateway to Western & Central Asia // Arsha Consulting.
URL: <http://www.goo.gl/NHK22n>

²⁰¹ Роухани: порт Чабахар станет символом стратегических отношений между Ираном и Индией // ТАСС.
URL: <http://www.goo.gl/dRG41F>

²⁰² Chabahar Port: Window of Opportunity for India // Iicidi. URL: <http://www.goo.gl/K6a0rm>

²⁰³ Chabahar-Fahraj Railway Project // *ناري ايف ٲيـينـجـالـ و اـمـشـتـسـالـ فـمـظـنـجـا* (Organization for Investment, Economic and Technical Assistance of Iran). URL: <http://www.goo.gl/yDHN3F>

²⁰⁴ Why the Chabahar Port Agreement Kills Two Birds With One Stone // Hindustan Times. URL: <http://www.goo.gl/oJWsa1>

²⁰⁵ Economic Zone: Government Hands Gwadar Land Over to China // Business Recorder. URL: <http://www.goo.gl/WlCNkj>

²⁰⁶ Gwadar Port Integral to China Maritime Expansion // The Tribune. URL: <http://www.goo.gl/ZAi26g>

«морскими» странами²⁰⁷. Во-вторых, Тегеран заинтересован в снижении вероятности морской блокады за счет ввода порта к востоку от Ормузского пролива, через который проходит более 20% мирового нефтяного трафика и где постоянно перемещаются группировки войск малодружественных государств. В-третьих, проект позволяет ускорить социально-экономическое развитие депрессивного остана Систан и Белуджистан.

Таким образом, МТК «Север – Юг», безусловно, получит развитие, но в первую очередь как мозаика внутрорегиональных инициатив за пределами России и в меньшей степени с ее участием (прежде всего из-за неблагоприятной геополитической ситуации).

Транспортно-логистическая система Каспия: возможности и ограничения для развития региональной торговли

Рассматривая ограничения для развития межрегиональной торговли, следует обратить внимание на организационные, геополитические и технические аспекты.

К организационным относятся нетарифные барьеры, хотя преодоление их возможно «камеральными» усилиями – через заключение дополнительных межгосударственных соглашений об упрощении таможенных процедур при межграницных перевозках и согласовании предварительно проработанных логистических схем доставки (т.е. новое капиталоемкое инфраструктурное строительство не требуется)²⁰⁸.

Геополитические ограничения сводятся к сознательному отказу от участия в создании или использовании транспортных коммуникаций даже при условии их большей конкурентоспособности. Например, в Китае из-за геополитических рисков не отдают предпочтение отдельным транспортным маршрутам, а стремятся максимально задействовать мало зависящий от стран-транзитеров морской канал и диверсифицировать сухопутные связи. Это выражается, в частности, в финансировании строительства новых железнодорожных линий при наличии длительно функционирующего Транссиба.

Технические аспекты зачастую также труднопреодолимы. Даже несмотря на относительную простоту провозки грузов между разноколейными участками, при прокладке новых линий возникают сложности. Например, сдерживается реализация железнодорожных проектов в Афганистане, который долгое время находится в «трехколейном» окружении и никак не может определиться со стандартом колеи (1435, 1520 или 1676 мм). Немаловажно и нали-

²⁰⁷ ناری ایاب ربرنیتناک ایاه یتشک مزاعا یارب یبونج هرک مدرتسگ کرادت (Южная Корея готовится к развертыванию контейнерных перевозок в Иран) // IRNA.fa. URL: <http://goo.gl/9ak1Cx>; Iran, Japan Ink MoU on Transport Cooperation // Fars News Agency. URL: <http://goo.gl/eW6MCR>; شرکتغن ینم تکورش ینلع ابورا یداحتا یامیرحت (Санкции ЕС против иранской национальной танкерной компании аннулированы) // Радио «Фарда». URL: <http://www.goo.gl/cwWR42>

²⁰⁸ О встрече глав МИД РФ, Ирана, Азербайджана 07.04, Баку // Информационный центр «After Shock». URL: <https://www.goo.gl/EgnJYJ>

чие непреодолимых узких мест, таких как паромные переправы, участки с крутыми уклонами и негабаритными тоннелями.

Возможности заключаются в оптимизации логистических цепочек перевозок в регионе в условиях ввода целого ряда межгосударственных транспортных линий. Завершение строительства железных дорог от порта Чабахар к Захедану откроет более короткий маршрут провоза грузов между Китаем и Персидским заливом, от этого порта через Азербайджан в направлении России и через TRACEKA в Европу. При этом сроки транспортировки сократятся вдвое даже с учетом перевалки. По сути, вся система транзита сегодня сдерживается строительством железнодорожной линии Решт – Астара. В дальнейшем следует сосредоточиться на усилении уже построенных ж/д линий – укладке вторых путей, ликвидации переездов, укреплении полотна для пропуска утяжеленных поездов, строительстве перегрузочных терминалов на станциях стыкования разноколейных участков (Астара). В рамках запуска железнодорожного сообщения из Ирана в Россию требуется усилить, восстановить и спрямить отдельные магистральные направления перевозок: участки Алды – Сунжа, Кизляр – Сулак, обхода Бакинского узла (Карадаг – Сумгаит – Чаг).

Проект ЭПШП и перспективы Ирана

Продолжающийся уже вторую пятилетку бум транспортно-инфраструктурного развития в Китае сопровождается не только мировыми рекордами²⁰⁹, но и вовлечением значительных человеческих ресурсов в транспортное строительство. Это обстоятельство и определяет выход КНР на внешние рынки с транспортными инициативами, будь то проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) или что-то подобное. Пекин нацелен в первую очередь на экспорт транспортно-строительных услуг и доступ к топливно-энергетическим ресурсам. В этом плане ирано-китайское сотрудничество развивается успешно²¹⁰. Реализуется программа содействия строительству метрополитена в иранских городах (Китай и у себя закладывает ежегодное открытие метро в 3–5 городах), строится экспортный газопровод²¹¹ (в дополнение к Туркменскому).

Таким образом, Иран уже достаточно плотно включен в ЭПШП, но не в том понимании данной инициативы, которого придерживаются в России. Речь идет о реализации иранской стороной нескольких крупных локальных проектов совместно с КНР и другими сопредельными странами в сфере транспорта, например проекта строительства высокоскоростной железной дороги Тегеран – Мешхед²¹².

²⁰⁹ Например, одновременный (в один день) запуск в Пекине 5 новых линий метро протяженностью 111 км и 51 станции.

²¹⁰ Пастухова Г. Сотрудничество Китая и Ирана: взаимные интересы, тактические и стратегические // ПИР-Центр. URL: <http://www.goo.gl/wOB18A>

²¹¹ Iran, Pakistan Inaugurate Gas Pipeline Project // Xinhua News. URL: <http://www.goo.gl/dLStAi>

²¹² China to Help Iran Build High-Speed Rail as Part of «One Belt, One Road» Strategy // South China Morning Post. URL: <http://www.goo.gl/tpGxpZ>

Рекомендации по интенсификации сотрудничества в сфере транспорта

Россия, прикаспийские государства (включая Иран) и Индия осуществляют интенсивное строительство транспортных коммуникаций, в том числе и совместное. Активизация сотрудничества возможна не только в данной сфере, но и в области перевозок пассажиров и грузов, поставок подвижного состава. Например, в Иране запущена обширная программа строительства метрополитена, предусматривающая его работу в девяти городах. Запланировано ввести дополнительно 292 км линий, из которых 159,2 км уже строятся²¹³. В Индии прокладка 578,2 км²¹⁴ новых линий метрополитена ведется в шести городах, проектируется в 13-ти, анонсировано проектирование еще в четырех. В Баку продолжается сооружение третьей линии метро. Помимо метрополитена, и в Иране²¹⁵, и в Индии²¹⁶ анонсированы проекты расширения сетей скоростного автобусного транспорта (BRT), для которых потребуются импортировать большое количество городских пассажирских автобусов. Программа унификации железнодорожной сети (перешивки узкоколейных участков), давно реализуемая в Индии, повышает потребности страны в новом подвижном составе²¹⁷.

Очевидно, что у России есть все возможности не только поставлять подвижной состав²¹⁸ для метрополитена (ранее он уже поставлялся и в Баку, и в Тегеран²¹⁹), но и принять участие в проектировании и строительстве сетей метро для решения транспортных проблем крупнейших городов этого густонаселенного региона²²⁰.

Иранская программа электрификации железных дорог (как магистральных, так и пригородных), а также сооружение других ж/д линий открывают возможности наращивания экспорта российских электровозов, грузовых вагонов и локомотивов²²¹. Другим конкретным проектом может стать поставка на иранский рынок гражданских самолетов российского производства. Потребность в них оценивается на уровне 200–250 машин²²². С учетом анонсирования новых проектов в нефтегазовом комплексе возможен экспорт российских трубокладчиков, которые уже поставлялись в Иран до ввода

²¹³ Urban Rail Transit in Asia // Urban Rail. URL: <http://www.goo.gl/WIRb1c> (дата обращения: 2.07.2016).

²¹⁴ Metro to Cover Whole of Delhi by 2021, No Fare Hike: Sreedharan // The Economic Times. URL: <http://www.goo.gl/OCfoWZ>

²¹⁵ BRT in Iran: Beneficiary of Country's Transportation Reforms // Global Mass Transit Report. URL: <http://www.goo.gl/BCK6Vn>

²¹⁶ В Индии разрабатываются планы на 14 городов и еще в 6 ведется строительство линий BRT (Bus Rapid Transit – скоростные автобусы, движущиеся по выделенным полосам).

²¹⁷ РЖД – перспективы в Индии // WINAMORE BTS. URL: <http://www.goo.gl/S0AATx>

²¹⁸ Подписан контракт на поставку вагонов метро Бакинскому метрополитену // Сделано у нас. URL: <http://www.goo.gl/D3qz7T>

²¹⁹ В 1995 г. для Тегеранского метрополитена поставлено 8 вагонов российского производства.

²²⁰ В Калькутте (Индия) метрополитен был построен и открыт в 1984 г. при техническом содействии СССР.

²²¹ «Уральские локомотивы» поставят 40 электровозов в Иран // Gudok.ru. URL: <http://www.goo.gl/m8lfx>

²²² Iran Seeks More Aircraft as Questions Linger Over Earlier Deals // Tehran Times. URL: <http://www.goo.gl/HjHZQz>

санкций²²³, большегрузных автомобилей, комбайнов и т.д.²²⁴ Перспективно и сотрудничество в сфере оснащения иранских транспортных средств системами спутникового позиционирования в рамках взаимодействия двух стран по программе ГЛОНАСС²²⁵.

Что касается инфраструктуры для дальнейшего развития морской линии через Каспийское море, то необходимо решать в первую очередь отдельные внутрироссийские проблемы. Так, в Махачкале нарастают сбои в работе порта²²⁶, что отнюдь не способствует наращиванию объемов транзита через него грузов, в том числе нефтяных, составляющих значительную грузовую базу в регионе. Эта проблема требует неотложного решения. Российский порт Оля развивается крайне медленно и изначально менее конкурентоспособен для транзита по сравнению с другими портами Каспия²²⁷: требует лоцманской и ледовой проводки, имеет ограничения по осадке принимаемых судов²²⁸, нуждается в постоянном углублении подходного канала.

В сложившейся ситуации наиболее выигрышным в долгосрочной перспективе представляется сосредоточение усилий на развитии железной дороги²²⁹. Это потребует сооружения на ирано-азербайджанской границе мостового перехода и станции смены тележек вагонов, а также перегрузочного терминала для перевалки грузов и контейнеров.

Другой важнейший проект – возобновление строительства железной дороги от Чабахара до Захедана, которое было начато еще в 2010 г.²³⁰

²²³ Справка о торгово-экономическом сотрудничестве с Исламской Республикой Иран // 5-я международная выставка инноваций и технологий INOTEX. URL: <http://www.goo.gl/QH2err>

²²⁴ КАМАЗ в 2016 году планирует поставить в Иран первые 100 грузовиков // Аналитическое агентство «Автостат». URL: <https://www.autostat.ru/news/26010/>; Иран закупит у «Ростсельмаша» партию комбайнов // Vestifinance.ru. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/68950/>; КАМАЗ, ГАЗ и «АвтоВАЗ» готовятся к десанту в Иран // Life. URL: <https://www.goo.gl/bhdTKU>

²²⁵ Станции ГЛОНАСС появятся в Иране // Lenta.ru. URL: <https://www.lenta.ru/news/2014/05/13/glonass/>

²²⁶ Криминальный транзит. Рамазан Абдулатипов бьется за директора Махачкалинского порта Гаджиева, распугавшего российских нефтяников // Компромат.Ru. URL: http://www.compromat.ru/page_37027.htm; Сдача Махачкалинского порта приведет к распаду России // Центр изучения региональных проблем. URL: <http://www.rf-region.ru/articles/2838.htm>

²²⁷ Мазур Е. Перевалочная немощь // НЭО Центр. URL: <http://www.goo.gl/1SgRMB>

²²⁸ На подступах к Каспию // Новая перевозочная. URL: <http://www.goo.gl/efMQf2>

²²⁹ Железные дороги России и Азербайджана договорились о сквозной ставке по международному транспортному коридору «Север – Юг» // Официальный сайт ОАО «РЖД». URL: <http://www.goo.gl/5Zx3Fs>

²³⁰ Railway Construction Launched With a Bang // Railway Gazette. URL: <http://www.goo.gl/5Glx09>

**Бахрам
АМИРАХМАДИАН,
эксперт IRAS**

Как стабильная страна на беспокойном Ближнем Востоке Исламская Республика Иран может играть более весомую роль. Сети наземных (автомагистралей, железные дороги), воздушных и морских транспортных маршрутов Ирана находятся на соответствующем уровне и часто не имеют равных в регионе. Запуск порто-франко Чабахар и сети железных дорог на востоке Ирана превратят его в могущественную страну. Кроме того, соединение иранских железнодорожных сетей с Астарой и запуск железнодорожного маршрута Казвин – Решт – Энзели – Астара позволит соединить железные дороги Ирана и России (через территорию Республики Азербайджан) и превратить этот маршрут в Международный транспортный коридор «Север – Юг». При этом незагруженные мощности иранских портов и торговых судов позволят стране успешно реализовать открывающиеся возможности. Шестая пятилетка экономического развития, которая начнется в 2017 г., будет иметь хорошие шансы на достижение поставленных целей, а наземные и воздушные коридоры Ирана уже сегодня очень важны для региона. В настоящей статье транспортная инфраструктура исследуется с точки зрения расширения сотрудничества ИРИ со странами Евразии с учетом перспектив развития коридора «Север – Юг».

Логистический потенциал Исламской Республики Иран

В последние годы из-за небезопасности воздушного пространства Ирака, Сирии и Украины увеличилось число транзитных рейсов через воздушное пространство Ирана. Согласно данным информационных агентств, Иран занял первое место по темпам роста авиаперевозок. Благодаря удачному географическому расположению (транспортный коридор «Восток – Запад») Иран имеет уникальный потенциал, который необходимо реализовать через конкурентоспособные проекты и программы. Он расположен в самом сердце важнейшего пути, соединяющего Восток и Запад, регионы с высоким трафиком (Азиатско-Тихоокеанский и Европейский). Основным преимуществом Ирана является его стабильность. Особенно если принять во внимание сложное положение сопредельных с Ираном стран и региона в целом.

Наличие террористической группы ИГИЛ в регионе, вызванные этим проблемы безопасности и нестабильность создали предпосылки для использования территории Ирана в целях обеспечения связности Европы со странами Персидского залива. Иран со стороны кажется оазисом мира и спокойствия в охваченном войнами и кризисами ближневосточном регионе.

С точки зрения международных стандартов иранская наземная дорожная сеть, дорожная инфраструктура, дорожная полиция, безопасность, система дорожных знаков, автозаправочные станции и сервис находятся на приемлемом в регионе уровне. Иранская железная дорога дает выход к морю центрально-азиатским странам через железнодорожный маршрут Серахс – Бендер – Аббас (с 1996 г.).

Благодаря соединению иранской железнодорожной сети через пункты Захедан и Мирджава на границе с Пакистаном появилась возможность использовать маршрут Запад – Восток. Эта железная дорога соединяет Пакистан на востоке с Турцией на западе и функционирует при поддержке ОЭС. Желез-

нодорожный маршрут, проходящий по восточному побережью Каспийского моря и соединивший в 2014 г. Иран, Туркменистан и Казахстан, сделал возможным транспортное сообщение между Ираном, Центральной Азией и Россией на северо–восточном направлении. Запуск первого поезда Китай – Иран, состоявшийся 15 февраля 2016 г., стал поворотным событием в истории железнодорожных перевозок региона. Поезд прошел через Шелковый путь и добрался до пункта назначения за 12 суток. Теперь железнодорожные сети Ирана имеют протяженность 13 000 километров и соединяют эту страну с соседями в направлениях Север – Юг и Восток – Запад.

Железнодорожные проекты Ирана

Соединение железных дорог Ирана, Туркменистана и Казахстана на восточном побережье Каспийского моря

Запуск железнодорожного маршрута Горган – Инчебурун в июле 2015 г. сделал возможным транспортное сообщение между Ираном, Туркменистаном и Казахстаном. Именно этот маршрут позволил в феврале 2016 г. сделать первые шаги на пути возрождения железной дороги вдоль Шелкового пути и развития грузоперевозок из Ирана в Китай, а оттуда в Европу. Тогда впервые товарный поезд прибыл из Китая в Иран. Это стало возможным благодаря трехстороннему сотрудничеству Ирана, Туркменистана и Казахстана.

В настоящее время иранские железные дороги соединяются с соседними железнодорожными сетями через 5 пунктов:

- таможенный переход Рази в Турции (на западе),
- таможенный переход Джульфа в Нахичевани (на северо–западе), а оттуда соединение с железными дорогами Армении, которые были блокированы с 1988 г. Власти Азербайджана и Армении ведут переговоры для их открытия (в настоящее время не функционируют),
- таможенный переход Инчебурун (на северо–востоке от Каспийского моря),
- железная дорога Серакса (на северо–востоке), которая открыта вот уже 15 лет,
- и таможенный переход Мирджава (на востоке Ирана) в провинции Систан и Белуджистан, который соединяет Иран с Пакистаном.

В настоящее время обсуждается возможность соединения Ирана с Азербайджаном, Ираком и Афганистаном. Таким образом, Иран будет соединен железнодорожными сетями со всеми соседями²³¹.

Железнодорожное соединение Ирана и Азербайджана

Иран и Азербайджан подписали в октябре 2015 г. протокол о развитии железнодорожного сообщения в рамках комиссии по экономическому сотрудничеству двух стран (под названием «Астара – Астара»).

²³¹ На официальном открытии международной железной дороги восточной части побережья Каспийского моря на таможенном переходе Инчебурун присутствовали главы трех государств. Информационное агентство Фарс, 03.12.2014.

Запуск этого коридора будет важным шагом на пути реализации иранских проектов, нацеленных на развитие железнодорожного транзита. Практические работы по данному 10-километровому маршруту начались в апреле 2016 г. Этот коридор по праву можно назвать одним из самых важных внешних железнодорожных соединений Ирана. Иран и Азербайджан пошли на это соглашение, так как имеют много общих экономических и транзитных интересов. Было решено, что Азербайджан выделит Ирану для осуществления этого проекта 500 млн евро. Иран, в свою очередь, берет на себя часть строительных работ и вопрос предоставления земли под строительство. После запуска коридора иранские железные дороги соединятся с российскими железными дорогами.

На границе Иран создаст транзитный терминал мощностью в 5 млн тонн. Иран и Азербайджан также планируют совместно (50% на 50%) построить 80-метровый железнодорожный мост через реку Астарачай (на границе иранского города Астара и азербайджанского города Астара). По словам официальных лиц, благодаря этому железнодорожному коридору объем торговли между двумя странами увеличится в 4 раза. Строительство иранского участка железнодорожного маршрута Казвин – Решт – Астара соединит внутреннюю иранскую железную дорогу с этой линией. Соединение железных дорог Ирана и Азербайджана позволит объединить 5200-километровую железную дорогу по маршруту Индия – Финляндия (порт Хельсинки) в результате чего по коридору «Север – Юг» время доставки груза сократится с 45 суток до 20.

Железнодорожное соединение Ирана и Ирака

Строительство железной дороги Иран – Ирак или Басра – Шаламче было оговорено в меморандуме о развитии сотрудничества между Ираном и Ираком в сфере железных дорог в январе 2015 г. В апреле 2015 г. начало его реализации было положено в ходе церемонии с участием министра дорог и градостроительства Ирана и министра транспорта Ирака. Президент Ирана до этого выразил надежду, что в результате иранцы получат возможность поехать на поезде к святым местам уже в 2017 г.

Для реализации этого проекта в Иране существует 13-километровая железная дорога из Хорремшехра до Шаламчи. Новая железнодорожная ветка на данном направлении, которая должна быть построена, представляет собой 33-километровую линию от границы Шаламчи до Басры, которая находится на территории Ирака. Поэтому ее строительство является задачей иракской стороны. В этой связи на иранскую сторону возложено лишь возведение одного моста через реку Эрвендруд (Шатт-эль-Араб). Иран приступит к строительству моста, как только иракская сторона начнет выполнять свою часть работы. Запуск железной дороги Шаламче – Басра соединит иранские железные дороги через Хорремшехр с Ираком и странами восточного побережья Средиземного моря, и перевозка грузов и пассажиров выйдет на новый уровень. Среди основных преимуществ проекта следует отметить возможность использования железной дороги вместо автомагистралей для

перевозки значительной части импортируемых и экспортируемых товаров в дополнение к пассажирским перевозкам.

Железная дорога Хаф – Герат

Железнодорожное соединение Ирана с Афганистаном – это следующее звено, благодаря которому Иран будет полностью соединен с соседними странами. С этой целью в 2014 г. было задумано строительство железной дороги Хаф (в провинции Северный Хорасан) – Герат (на западе Афганистана). Эта железная дорога построена до границ Ирана. Остался только участок, расходы на строительство которого уже заложены в бюджет 1395 г. (март 2016 – апрель 2017 гг.). Данный маршрут решит проблему поставок полезных ископаемых из Ирана в другие страны региона, а также создаст новые возможности для афганской торговли. Официальные лица двух стран надеются, что строительство железной дороги завершится до 20 марта 2017 г.

Порты

Иран имеет 2043 км береговой линии на юге (Персидский залив – 1358 км, Оманский залив – 796 км) и 675 км водной границы на Каспийском море. Благодаря этому Иран обладает существенным географическим и экономическим потенциалом для развития регионального сотрудничества. В регионе Персидского залива через порт Шахид Раджаи Иран поддерживает товарооборот и торговые связи более чем с 80 известными мировыми портами посредством 35 ведущих контейнерных линий. Портовый комплекс Шахид Раджаи может принять 70 млн тонн товара в год и имеет потенциал для использования 36 причалов, а также владеет крупнейшим и самым передовым контейнерным терминалом страны. После запуска второй фазы проекта развития порт Шахид Раджаи будет иметь мощность 5–8 млн TEU в год. Существенный объем грузоперевозок с разными категориями товаров будет осуществляться именно через этот порт.

Как главные ворота импорта и экспорта и важный фактор, влияющий на экономику Ирана, этот крупный портовый комплекс в последние годы начал движение в сторону глобализации и завоевания большей доли в сфере морских грузоперевозок и международной торговли. Чтобы Шахид Раджаи занял первое место среди портов в регионе в Плане развития в на двадцатилетний период (до 2025 г.) предусмотрены программы развития и повышения его эффективности. Речь в том числе идет о поощрении частных инвестиций в этот портовый комплекс. В результате к настоящему времени привлечено 9 триллионов риалов инвестиций со стороны частного сектора.

В результате принятых мер в 2011 г. порт Шахид Раджаи достиг 46%-ного роста и среди 3500 основных мировых портов занял 44 место (поднявшись на 28 позиций с 72-й на 44-ю).

Порт Имам Хомейни на северо-западе Персидского залива также считается одним из важнейших иранских портов. Его пропускная способность составляет примерно 55 млн тонн в год. Порт имеет 38 причалов общей протяжен-

ностью 7 км и может принимать у себя большие суда. Его преимуществом является доступ к аэропорту, автомагистралям и железной дороге.

На побережье Оманского залива Иран имеет порт Джаск и единственный иранский порт с выходом в океан – Шахид Бехешти в Чабахаре. Портовый город Чабахар, являющийся свободной торговой зоной и единственным океанским иранским портом, способен увеличить количество стратегических пунктов, которые страна имеет в Персидском заливе, и стать важными торговыми воротами в самой восточной точке страны. Порт Чабахар способен завоевать серьезную долю на рынке Персидского залива, если благодаря развитию сможет привлечь внимание мировых морских перевозчиков.

После запуска транзитного коридора «Юго–восток – Северо–восток» из Чабахара до Серахса, торговые суда, желающие сэкономить время, деньги и топливо, будут заинтересованы в услугах порта Чабахар и остановят свой выбор на нем. Иран планирует в будущем перенести существенную часть своих терминалов экспорта нефти с Персидского залива на восточное побережье Оманского залива в Чабахар. Реализация данного проекта даст развитие юго–востоку страны.

Каспийское море

В бассейне Каспийского моря порты Энзели, Амирабад и Ноушехр являются важнейшими иранскими портами. Порт Энзели – это торговый многоцелевой порт. Наряду с ним на территории свободной торгово–промышленной зоны строится порт Каспиан. Запуск железной дороги Казвин – Решт – Энзели – Астара сделает регион одним из самых активных. Имея необходимые логистические возможности для заключения нефтяных свопов с прикаспийскими странами (до одного миллиона баррелей в день), порт Амирабад после возобновления нефтяных своп–операций будет играть важную роль в экономике региона. Что касается порта Ноушехр, то он также активно используется для погрузки и разгрузки товаров общего потребления.

Судоходство

В настоящее время «Судоходная компания Исламской Республики Иран» известна грузоотправителям и клиентам как достойный мировой партнер благодаря почти полувековому блестящему опыту морских грузоперевозок, надежной международной сети и способности быстро предоставлять разнообразные услуги высочайшего качества.

«Судоходная компания ИРИ» имеет мощный флот, состоящий из океанских лайнеров и служебно–вспомогательных судов, которые функционируют на всех международных направлениях и предоставляют современные услуги, например, доставку «от двери до двери». Иранские торговые суда имеют разные мощности и курсируют между многими важными мировыми портами.

Кроме того, «Национальная иранская танкерная компания», которая имеет в распоряжении 42 супертанкера (класса VLCC), в настоящий момент явля-

ется самой крупной в мире танкерной компанией. Она поставляет сырую иранскую нефть на экспортные рынки, а также ведет торговлю с такими нефтегазовыми компаниями, как Royal Dutch Shell, Total, Saudi Aramco и с государственными нефтяными компаниями Кувейта и Абу-Даби (всего 150 компаний).

«Каспийская судоходная компания» была создана в 1992 г., и сегодня имеет в своем распоряжении 24 торговых судна, транспортирующих грузы между северными портами страны и иностранными портами прикаспийского региона. В число ее основных целей входит развитие национального торгового флота страны на Каспийском море, налаживание судоходных линий со всеми прикаспийскими портами, оптимизацию морских грузоперевозок и укрепление присутствия национального флота Ирана в регионе, с учетом увеличения объема коммерческих, торговых и экономических операций. «Каспийская судоходная компания» в качестве единственного представителя национального иранского флота на Каспийском море предлагает свои услуги в сфере морских грузоперевозок через Волго-Донской канал, Черное море и во всех портах в этом районе. В 2015–2016 гг. (1394 год по иранскому календарю) ей были осуществлены грузоперевозки общим объемом 2,150 млн тонн. Из 6 млн тонн загруженных и отгруженных товаров в северных портах страны, 32% приходится на «Каспийскую судоходную компанию». Она обладает крупнейшим в Иране торговым флотом на Каспийском море и осуществляет 31% от общего числа морских грузоперевозок в этом регионе.

Транспортные маршруты Ирана в Каспийском регионе

Иран и Россия считают себя соседями (несмотря на отсутствие сухопутной границы). Однако, к сожалению, они не используют в достаточной мере имеющиеся возможности для налаживания связей: наземные (через Республику Азербайджан на границе Дагестана), морские (Каспийское море) и воздушные. Конфликт Чечни с центральным правительством Российской Федерации в середине 1990-х гг. привел к тому, что наземный маршрут Ирана через территорию Республики Азербайджан, затем через границу близ исторического города Дербент на границе России и Азербайджана был закрыт для иранских пассажиров и грузовых автомобилей. Поэтому экспортная продукция Ирана (особенно овощи и фрукты) в Россию поставлялась на неиранских грузовых автомобилях, зарегистрированных на граждан Турции или Азербайджана. Это привело к повышению конечной стоимости иранской продукции в России, в результате чего Иран не выдержал конкуренции с Турцией и Азербайджаном на российском рынке. Иран неоднократно просил Россию открыть границу для иранских грузовых автомобилей. Россия всегда обещала сделать это, но так и не открыла. Именно поэтому торговля между Ираном и Россией в больших объемах ведется через Каспийское море между иранскими и российскими портами. Однако эти торговые отношения касаются только торговых судов и не включают в себя пассажирское судоходство.

Воздушное сообщение между Ираном и Россией

К сожалению, с момента открытия авиасообщения между двумя странами в советский период вплоть до сегодняшнего дня существует только один рейс Тегеран – Москва. Между тем как Турция, являющаяся соседом Ирана, осуществляет многочисленные рейсы в различные города как европейской, так и азиатской части России.

После запуска регулярных морских линий от северных портов Ирана до Астрахани и Актау (Казахстан) в мае 2015 г., с целью содействия иранским предпринимателям и экспортерам, которые отправляют свои грузы в астраханский порт, был подготовлен проект регулярного авиарейса Тегеран – Астрахань. К счастью, уже в середине июня 2016 г. он был запущен. Ожидается, что данный рейс, который будет выполняться два раза в неделю, поможет сократить финансовые и временные затраты при торговле с Россией и упростит доступ к морскому порту Астрахани. Этот воздушный маршрут был открыт по предложению предпринимателей и частного сектора и способен создать необходимые условия для развития экономического сотрудничества между двумя странами.

Программы развития воздушного транспорта

Когда Иран объявил, что для модернизации своего устаревшего воздушного флота нуждается в 500 единицах новых самолетов, многие авиакомпания изъявили желание присутствовать на иранском рынке. В результате корпорации «Аэробус» и «Боинг» смогли заинтересовать иранскую сторону и заключить предварительные договоры для продажи самолетов. Незамедлительно после снятия санкций и визита президента страны во Францию, с «Аэробусом» был заключен договор на покупку 118 самолетов. По словам министра дорог и градостроительства Ирана, французская сторона обязалась предоставить самолеты Ирану в течение 16 лет. Таким образом, «Аэробус» передаст Ирану 45 самолетов «Аэробус 320», 45 самолетов «Аэробус 330», 16 самолетов «Аэробус 350» и 12 – «Аэробус 380». Министр дорог и градостроительства Ирана также сообщил о покупке 100 авиалайнеров «Боинг».

Международный транспортный коридор «Север – Юг» как перспектива для регионального сотрудничества между Ираном и Россией

Географическое расположение Ирана дает ему важные преимущества. Это подчеркивают как иранские, так и зарубежные специалисты. Инфраструктура Ирана в сфере транспортировки (железная дорога, автомобильные дороги, порты) товаров и коммерческих услуг (погрузка, разгрузка, хранение и распределение) имеет необходимый потенциал. Одним из таких элементов инфраструктуры является Международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК «Север – Юг»), которому не придается должного значения. С учетом изменившихся условий стала очевидной необходимость уделить более пристальное внимание данному коридору.

МТК «Север – Юг» был запущен в 2000 г. Россией, Индией и Ираном с целью создания более короткого маршрута (чем нынешний морской коридор через Суэцкий канал) и экономии времени и расходов на транспортировку грузов. Затем к проекту присоединились Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Оман, Армения, Азербайджан, Украина, Кыргызстан и Турция. Однако ряд факторов стал причиной того, что за прошедшие 15 лет проект не был реализован. Давление на иранскую экономику со стороны США и стран Евросоюза в связи с развитием атомной программы в 2000–х гг. и нежелание России принимать активное участие в этом процессе из-за правовых ограничений, возникших в условиях санкций, а также позиция Индии, которая избегала практических шагов в сфере инвестиций, явились причинами, затормозившими развитие проекта. Теперь, после снятия санкций Иран имеет возможность активизировать работу по развитию данного коридора. Открытие коридора поможет увеличить объем региональных торговых сделок, коммерческих услуг, укрепить международные торговые связи между участниками проекта, создать рабочие места, а также содействовать развитию региона в целом.

Создание Международного транспортного коридора «Север – Юг» преследует следующие цели:

- развитие транспортных отношений (грузовые и пассажирские перевозки);
- увеличение доступа участников соглашения на мировые рынки через предоставление транспортных услуг (в сфере железнодорожного, автомобильного, морского и воздушного транспорта);
- содействие росту объема международных грузовых и пассажирских перевозок;
- обеспечение безопасности пути, в том числе для продукции, также охрана экологии в соответствии с международными стандартами;
- координирование транспортной и транзитной политики, а также подготовка необходимой правовой базы для реализации соглашения;
- создание равных условий для поставщиков всех видов транспортных услуг стран-участниц соглашения в рамках Международного транспортного коридора «Север – Юг».

Инвестиции в реализацию МТК «Север – Юг»

Инвестиции со стороны ОАЭ включают строительство двух судов для региона Персидского залива, возведение доков для судов и железнодорожной станции в морском порту Дубая.

Инвестиции со стороны Ирана будут направлены на строительство доков для судов в Бендер–Аббасе, в порту Шахид Раджаи, в Амирабаде, а также железнодорожной станции в порту Амирабад.

Инвестиции России в рамках проекта должны быть направлены на создание портовых сооружений и инфраструктуры в Лагане, строительство доков в

Лагане, строительство 34 судов для Каспийского моря, а также 4 буксиров для контейнеровозов.

Реализация согласованных планов в рамках проекта Международного транспортного коридора «Север – Юг» зависит от следующих аспектов:

- улучшение и развитие структур управления проектом;
- единство участников проекта в рамках реализации соглашения;
- пристальное внимание правительств к вопросам возведения инфраструктуры;
- увеличение объема товарооборота через все имеющиеся маршруты и в обе стороны.

Помимо геополитических выгод, которые сулит Ирану увеличение грузопотоков через Международный транспортный коридор «Север – Юг», открытие коридора позволит стране упрочить свои позиции и на Каспийском море, поскольку Иран будет играть в данном проекте центральную роль. Со стратегической точки зрения этот коридор способен гарантировать свободный оборот товаров в условиях кризиса в свободных международных водах, когда перемещение судов будет проблематично. Поскольку Иран находится в центре этого коридора, его запуск является выгодным для страны во многих аспектах. Такой механизм позволит превратить географические преимущества Ирана в геополитические.

Транзит

К сожалению, из-за санкций против Ирана, а также устаревания и физического износа наземного транспорта, сбоев в работе железнодорожного транспорта, сложностей осуществления транзита вследствие нестабильной обстановки в Афганистане, неэффективных таможенных систем Туркменистана и Азербайджана и коррумпированности служащих этих республик, предприниматели не находят эти транспортные маршруты экономически выгодными. Поэтому Иран, обладающий логистическими возможностями и многочисленными преимуществами в сфере транзитных сетей, возможностей для хранения товаров и портовых сооружений, в последние годы использовал свой транзитный потенциал даже в меньшей мере, чем соседний Азербайджан.

Статистика транзита товаров через Иран демонстрирует, насколько большое значение коридор «Север – Юг» имеет для увеличения транзитных возможностей Ирана. Это значение еще больше возрастет после создания всей необходимой инфраструктуры. В то же время даже нынешнее состояние транзитных маршрутов Ирана показывает, что коридор «Восток – Запад» играет менее значимую роль для страны поскольку транзитные товары главным образом проходят через северные и южные границы Ирана. Создание соответствующей инфраструктуры в портах, через которые происходит ввоз и вывоз товаров, будет играть существенную роль в увеличении доли этих портов в экономике страны. Благодаря наличию необходимых возможностей

для погрузки и разгрузки товаров Бендер–Аббас на юге Ирана, где расположен такой важный порт, как Шахид Раджаи, занимает первое место по объему транзита товаров в Иране. Если наряду с коридором «Север – Юг» внимание будет уделено и коридору «Восток – Запад» (в частности, пунктам ввоза и вывоза грузов), это еще более укрепит позиции Ирана в данной отрасли. Соседство с Турцией, соединяющей Азию с Европой, на северо-западных границах страны, а также с такими странами, как Ирак, Афганистан, Пакистан и Индия, которые зависимы от импорта природных ресурсов, создает возможности для активизации коридора «Восток – Запад».

В 2014 г. общий тоннаж грузов, перевезенных по железным дорогам Исламской Республики Иран вырос на 50% по сравнению с 2013 г. Причиной послужил рост транзита хлопка, древесины и контейнерных перевозок. Первое место по объему перевозимых через Иран товаров занимает хлопок (более одной четверти (26%) от общего объема транзита).

В 2013 и 2014 гг. более 99% хлопка, следующего транзитом через Иран, поступало из-за границы через Серахс, а вывозилось из страны через порт Бендер–Аббас. Древесина поступала преимущественно через Рази. В 2013 и 2014 гг. наибольший тоннаж груза проходил через Серахс (в объеме 331 тонн) и покидал страну через порт Бендер–Аббас.

Согласно статистике, за 12 месяцев – с марта 2015 по март 2016 гг. – объем транзита товаров через Иран составил примерно 10 919 тонн. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года эта цифра сократилась на 11,5%.

Основная часть транзита за 12 месяцев 2015 г. пришлась на следующие категории товаров: топливо (42%), различные виды хлопка, химические компоненты, стройматериалы и бытовая техника (каждая позиция по 4%). Кроме того, более 2105 млн тонн транзитных товаров за исследованный период составили инструменты, лекарственные препараты, кожа и пр.

Тема 10. Торгово–экономические отношения между Россией и Ираном: достижения и возможности

**Нина
МАМЕДОВА,
эксперт РСМД**

Текущее состояние российско–иранских торгово–экономических отношений: препятствия для реализации потенциала

Рост товарооборота между Россией и Ираном, который отчетливо прослеживался с 2000 г. и пик которого пришелся на 2010–2011 гг., был прерван в связи с ужесточением антииранского санкционного режима в 2010–2012 гг.²³² В 2013 г. объем товарооборота сократился почти в 2,5 раза – до 1,6 млрд долл. (см. табл. 1).

Таблица 1. Объем торговли России с Ираном в 2010–2014 гг. (млн долл.)

Год	Экспорт	Импорт	Товарооборот
2010	3378	272	3650
2011	3400	350	3750
2012	1900	430	2330
2013	1170	430	1600
2014	1327	355	1682

Источник: Министерство экономического развития Российской Федерации. Портал внешнеэкономической информации. Распределение по странам (URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown)

В российской внешней торговле на долю Ирана приходится не более 1%. Тем не менее для России, в экспорте которой доля топливных товаров превышает 71%²³³, Иран важен как рынок сбыта промышленных товаров. Даже в 2014 г., когда Россия резко увеличила поставки в Иран зерна (40% экспорта), более половины ее экспорта составляли промышленные товары. Внешнеторговый баланс для России постоянно положительный, причем в торговле как товарами, так и услугами (это происходит главным образом за счет технических услуг по обслуживанию Бушерской АЭС).

Позитивные сдвиги в российско–иранском экономическом сотрудничестве наметились после заключения 14 июля 2015 г. в Вене соглашения под названием «Совместный всеобъемлющий план действий» (СВПД). Однако реальный рост товарооборота проявился лишь во второй половине 2015 – начале

²³² Мамедова Н.М. Сотрудничество России и Ирана: соотношение экономических и геополитических интересов // Российско–иранские отношения. Проблемы и перспективы. М.: ИВ РАН, 2015. С. 56–57.

²³³ World Trade Organisation. URL: http://www.stat.wto.org/CountryProfiles/RU_e.htm

2016 г. В первом квартале 2016 г. товарооборот вырос на 22,1% по сравнению с первым кварталом 2015 г., в том числе увеличение объема российского экспорта составило 25,6%²³⁴.

Активизации российского бизнеса способствовало принятие нескольких правовых документов. 11 марта 2016 г. президент России В. Путин подписал Указ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2231 от 20 июля 2015 г.»²³⁵, предусматривающий снятие с Ирана российских санкций. При этом в документе устанавливалось, что до 18 октября 2025 г. российским организациям требуется получение предварительного разрешения СБ ООН на поставку, продажу или передачу Ирану «всех предметов (материалов, оборудования, товаров и технологий), ...указанных в Списке ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный контроль»²³⁶. Это требование чрезвычайно важно для возобновления российско-иранского взаимодействия в военно-технической сфере. Правовой базой служат также Протокол 12-го заседания Постоянной межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и соглашения, достигнутые в ходе визита В. Путина в Иран в ноябре 2015 г. Важной вехой в развитии военно-технического сотрудничества стала отмена запрета на поставки в Иран комплексов С-300. Реализация контракта началась на основе современной модификации комплекса.

Безусловно, расширение российско-иранских экономических связей может стать фактором, который будет задавать тон отношениям двух стран как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Основные препятствия на пути расширения двустороннего сотрудничества можно разделить на две категории – внешние и внутренние.

К внешним факторам можно отнести следующие:

- осложнение отношений между Западом и Россией (в сложившихся условиях Иран может использовать российский фактор как стимул к росту заинтересованности Запада в использовании иранского энергетического и транзитного потенциала);
- сохранение санкций в отношении Ирана, особенно со стороны Соединенных Штатов в энергетической сфере (они могут затормозить участие российских компаний в нефтегазовых проектах, по некоторым из которых уже были достигнуты соглашения);
- возможное давление со стороны США и ЕС с целью воспрепятствования реализации транспортных проектов с участием России (главным образом железнодорожных);

²³⁴ Министерство экономического развития Российской Федерации. Портал внешнеэкономической информации. Распределение по странам.
URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown/

²³⁵ Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2016 № 109 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2231 от 20 июля 2015 г.». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40611>

²³⁶ Путин официально снял российские санкции с Исламской Республики Иран.
URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/2095793.html>

- сохранение в краткосрочной перспективе низких цен на энергоносители, экспорт которых обеспечивает основную часть валютных поступлений России и Ирана и служит финансовой основой роста их промышленного потенциала (это особенно важно для России как поставщика в Иран промышленных товаров, хотя и с невысокой долей добавленной стоимости);
- преимущественная ориентация двух стран на рынки Европы и Восточной Азии.

Факторы внутреннего характера:

- однотипность российского и иранского экспорта с преобладанием энергетической составляющей;
- отсутствие у России и Ирана четких программ по развитию взаимных связей;
- превалирование в структуре экспортных организаций России и Ирана крупных компаний, тесно связанных с государством и в большей степени подверженных санкционному контролю;
- отсутствие совместных банковских и страховых структур;
- ограниченность представлений об импорто–экспортном потенциале и особенностях ведения бизнеса;
- низкий уровень социальных и культурных связей.

Россия в конкуренции за иранский рынок

С началом выполнения СВПД активизировалась и борьба за иранский рынок. Миллиардные соглашения уже подписаны со странами Европы. Однако большинство компаний все еще находятся на «низком старте». Наиболее реальными представляются соглашения, заключенные с Китаем и Индией (по порту Чабахар). Конкретных контрактов мало, очевидно, что для возвращения в Иран европейских компаний в полном объеме потребуются время²³⁷. В краткосрочной перспективе возможно возвращение в страну французских и итальянских автомобильных концернов, которые вступили в конкуренцию с китайцами. Попытки Тегерана ограничить поставки комплектующих из Китая могут быть использованы российскими компаниями для выхода на иранский рынок.

О заинтересованности в расширении связей с Ираном заявил новый премьер–министр Турции Б. Йылдырым. Интерес Турции к иранскому газу, в том числе для транзита в Европу, усиливает для России конкуренцию за европейский рынок. Вместе с тем рост потребности Ирана в добыче газа, а также ввод в эксплуатацию газопровода «Мир» (в Пакистан) и газопровода в Ирак повышают вероятность участия российских компаний в освоении месторождения «Южный Парс»²³⁸. Планируемое строительство заводов по

²³⁷ Bizzer M. EU Eyes Return as Iran's First Trade Partner. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/06/iran-eu-trade-relations-post-jcpoa-mogherini-tehran.html#ixzz4AaocXQdX>

²³⁸ Иран после снятия санкций готовится стать крупным экспортером газа. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/05/24/642111-iran-posle-snyatiya-sanktsii-gotovitsya-stat-krupnim-eksporterom-gaza>

производству сжиженного природного газа²³⁹, усилив конкуренцию на рынке СПГ, может ослабить соперничество между Ираном и Россией по выбору маршрутов газопроводов. Велика вероятность того, что в ближайшее время позиции России («Газпрома») из-за экспорта газа из Ирана не изменятся, а при участии «Газпрома» в добыче иранского газа укрепятся.

Основные отрасли торговли и сотрудничества: перспективы развития

В России и Иране отраслей, конкурентоспособных с точки зрения мирового рынка, немного²⁴⁰. Традиционно Россия экспортирует в Иран металлы, древесину и изделия из нее, электрические машины и оборудование, бумагу и картон, плавучие конструкции. В 2014 г. экспорт металлов впервые уступил поставкам зерна, но эта статья импорта для Ирана – величина непостоянная (в частности, в 2016 г. крупные закупки зерна уже не планируются). Для России растет значимость импорта иранской сельскохозяйственной продукции. В 2014 г. доля овощей, фруктов и продуктов их переработки в иранском экспорте в Россию превысила 81%²⁴¹, с 2015 г. начались поставки рыбы и морепродуктов. В январе 2016 г. 25 иранских компаний получили разрешение на поставку в Россию продовольствия. Москва снизила пошлины на закупаемые в Иране рыбу и молочную продукцию, которую Тегеран готов поставить в 2016 г. в объеме более 1 млн т. С 2016 г. принято решение экспортировать в Иран мясо птицы, оленину, говядину²⁴².

Иран имеет емкий автомобильный рынок, реализует социальную программу по замене устаревших грузовых автомобилей. Конкуренция на этом рынке велика, но и перспективы хорошие. Пока на нем представлен «КАМАЗ», вероятно участие «ГАЗ», учитывая, что проект «ГАЗа» с иранской автомобильной компанией «Замьяд» включен в Протокол 12-го заседания Постоянной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (п. 3.13).

В области ТЭК очевидна заинтересованность иранской стороны в координации энергетической политики наших стран – маршрутов экспортных газопроводов, в том числе в рамках Форума стран – экспортеров газа, в вопросах добычи нефти, поставок электроэнергии в границах с Россией и Ираном страны. Тегеран неоднократно заявлял о своей заинтересованности в участии компании «НОВАТЭК» в разработке месторождения «Южный Парс», компаний «Роснефть», «Зарубежнефть», «Газпромнефть», «ЛУКОЙЛ», «Татнефть» в нефтегазовых проектах²⁴³. Поскольку более 15% произве-

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Gholamreza Shafei: «Iranian Pessimism Towards Russia is One of the Reasons Hindering Further Economic Cooperation» // IRAS, 04.05.2016. URL: <http://www.iras.ir/iras.iren/doc/interview/1190/gholamreza-shafei-iranian-pessimism-towards-russia-is-one-of-the-reasons-hinderin>

²⁴¹ Расчет сделан по: Портал внешнеэкономической информации. Обзор и статистика внешней торговли России. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries

²⁴² Иран намерен импортировать из России оленину. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/66425>.

²⁴³ Протокол 12-го заседания Постоянной Российско-Иранской Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Москва, 10–12 ноября 2015 г.; «НОВАТЭК» и ЛУКОЙЛ заходят в Иран после снятия со страны санкций. URL: https://www.znak.com/2016-01-25/novatek_i_lukoil_zahodyat_v_iran_posle_snyatiya_so_strany_sankcii

денной электроэнергии теряется из-за изношенности электросетей, перед российской стороной открываются возможности совместной работы по их модернизации.

Перспективным для России остается рынок строительства атомных электростанций. 11 ноября 2014 г. был подписан контракт на сооружение двух новых энергоблоков АЭС в Бушере, достигнуто соглашение о строительстве 8 блоков АЭС по российским технологиям. Но не стоит забывать о том, что в 2016 г. Иран заключил соглашение с Китаем о строительстве двух АЭС.

До введения санкций Иран занимал третье место среди покупателей российских вооружений. В ближайшее время сдерживающим фактором в этой области могут быть не только ограничения по ВТС, предусмотренные СВГД, но и возможная продажа Израилем оружия Украине²⁴⁴.

В авиации наиболее перспективными могут быть поставки гражданского самолета «Сухой Суперджет 100». Но, как и в автомобильной отрасли, проблема заключается в мощности нашего производства и качестве продукции. Иранский рынок способен повысить уровень окупаемости «Сухого»²⁴⁵.

Иран заинтересован в возобновлении научно-технического сотрудничества с Россией в космосе. В краткосрочной перспективе речь идет о дистанционном зондировании Земли, включая обмен данными с российского космического аппарата «Ресурс-П», о создании и запуске Россией для Ирана космических зондов, в среднесрочной – об участии в создании и запуске искусственных спутников Земли.

Российские компании возобновили свое участие в проектах в традиционных областях сотрудничества, таких как строительство и модернизация железных дорог, сооружение электростанций. Россия выделила кредит в 2,5 млрд евро на реализацию инфраструктурных проектов, в числе которых модернизация железной дороги Гармсар – Инче Бурун, завершение строительства дороги Решт – Астара, строительство ТЭС в Бендер–Аббасе²⁴⁶.

Обе страны обладают большим туристическим потенциалом. Хотя поток иранских туристов в Россию в 2016 г. резко вырос, существенное увеличение числа россиян, посещающих Иран с туристическими целями, по-прежнему сдерживается обязательностью соблюдения норм шариата в бытовой жизни.

В связи с изменившейся структурой российского импорта важным направлением стало таможенное сотрудничество. Подписанное в мае 2016 г. соглашение о двухстороннем сотрудничестве на 2016–2017 гг. предусматривает обмен информацией о товарах и транспортных средствах, о таможенной стоимости пересекающих границу товаров.

²⁴⁴ Katz M.N. Iran and Russia. URL: <http://www.iranprimer.usip.org/resource/iran-and-russia>

²⁴⁵ Цатурян С., Нерсисян Л. Против кого Иран разворачивает штыки? URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1948282.html>

²⁴⁶ Russia to Provide Iran with €2.5 Billion Infrastructure Loan. URL: <https://www.rt.com/business/345566-russia-iran-loan-money/>

Возможности научно-технического сотрудничества и сотрудничества в сфере инновационного развития

Основная цель провозглашенного лидером страны Али Хаменеи курса на «научный джихад» – ускорение научно-технических инноваций. В соответствии с «Перспективным планом развития страны до 2025 г.» предполагается увеличить долю научно-исследовательских работ в ВВП до 2,5%²⁴⁷. Особое внимание уделяется развитию информационных технологий (ИТ). В мае 2016 г. в Тегеране прошла 5-я Международная выставка инноваций и технологий, в которой участвовали 91 иранская и 23 российские компании. В ходе ее работы между российской АНО «Наносертифика» и Центром развития нанотехнологий ИРИ было заключено соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает совместное проведение испытаний, совершенствование методологии оценки и обеспечения безопасности в наноиндустрии, разработку методик измерений и испытаний²⁴⁸. 1 июня 2016 г. было заявлено о намерении создать до конца года совместный инвестиционный фонд «Роснано» и Ирана, ведутся работы по формированию правовой основы для этого фонда и перечня совместных проектов²⁴⁹.

По всей стране создаются научно-технические парки (в 2014 г. их было около 30). Новейшие системы связи наиболее широко используются в армии, где тестируются типы ракет и торпед. Но в целом качество даже мобильной связи (дает почти 73% всех доходов телекоммуникационной отрасли) отстает от общемировых тенденций на 3–5 лет, покрытие сетей неравномерное, широкополосный доступ в Интернет низкоскоростной. В связи с этим перспективным представляется участие российской стороны в проектах по внедрению сетей LTE (беспроводной высокоскоростной передачи данных для мобильных телефонов), прокладке транскаспийского кабеля, строительству сетей Wi-Fi, ввозу сетевого оборудования и телефонных аппаратов (на сегодня основной поставщик – Китай).

Следует учитывать, что отрасль ИТ в Иране относится к числу закрытых и контролируется государством. В стране лишь незначительная часть телекоммуникационного оборудования производится местными компаниями. Доля информационно-коммуникационных технологий крайне низка в экспорте (менее 1%) и импорте (менее 4%). Учитывая, что в Иране повсеместно открываются центры обработки данных, производятся (по зарубежным лицензиям) микропроцессоры, мониторы, принтеры, мобильные телефоны и т.п., с высокой долей вероятности можно ожидать появления на этом рынке новых компаний. Тегеран надеется, что сотрудничество в области ИТ, включая реализацию проекта создания телекоммуникационного кольца вокруг Каспийского моря (участники – российско-азербайджанская

²⁴⁷ A Summary of Selected Technology Achievements in the IRI. Tehran, 2012. P. 18.

²⁴⁸ Открылась 5-я Международная выставка инноваций и технологий Inotex 2016. URL: http://www.rus-irn.tpprf.ru/news/?CODE=otkrylas5yamezhdnarodnayaavystavkainnovatsiyitekhnologiyinotex2016_i136529&sphrase_id=1623566; [Совместное соглашение о сотрудничестве в области нанотехнологической продукции между Ираном и Россией подписано]. URL: <http://www.news.nano.ir/54455/1> (на перс. яз.)

²⁴⁹ «Роснано» и Иран создадут совместный инвестиционный фонд. URL: <https://www.russian.rt.com/article/305541-rosnano-i-iran-sozdadut-sovmestnyi-fond>

«С–Ring Telecom» и иранская «Iran Electronic Development Company»), даст стране шанс войти в число мировых экспортеров IT–услуг, повторив успех России²⁵⁰.

К числу перспективных относится обмен технологиями в области фармацевтики. В 2016 г. одна из крупных иранских компаний «Sobhan Recombinant Protein» и российская «Петровакс Фарм» подписали соглашение о производстве в Иране по российской технологии вакцины против гриппа. «Петровакс Фарм» передаст технологию и возьмет на себя профессиональное обучение специалистов иранской компании. Еще один проект предусматривает передачу от иранской «Sobhan» российской компании технологии производства полного цикла вакцины против вируса гепатита В²⁵¹. Во время как российский рынок испытывает дефицит в лекарствах, в Иране разработаны новейшие препараты для борьбы с раком, диабетом, заболеваниями крови. В соответствии с шестым пятилетним планом, рассчитанным до 2020/2021 гг., иранская фармацевтика должна стать экспортной отраслью.

Рекомендации по расширению взаимных экономических связей

Российско–иранские торговые и научно–технические связи необходимо развивать как в рамках двухсторонних отношений, так и в формате региональных организаций, прежде всего ШОС и ЕАЭС.

Для расширения экономических связей между двумя странами целесообразно предпринять следующие шаги.

1. Диверсифицировать российский экспорт. В связи с усилением конкуренции на иранском рынке после отмены санкций нельзя рассматривать Иран как потребителя дешевой, низкосортной продукции и научно–технических услуг, особенно в горнодобывающей, нефтехимической, нефтеперерабатывающей и газовой отраслях.
2. Разработать программы взаимного сотрудничества на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу, учитывая «Перспективный план развития Ирана до 2025 г.» и пятилетние планы. В программах сотрудничества предусмотреть участие в научно–технических парках, разработку не только проектов, но и производственных цепочек, обеспечивающих долгосрочное взаимодействие сторон.
3. Обеспечить маркетинговую поддержку путем совместного выпуска постоянного бюллетеня или организации работы сайта, из которых можно будет узнать о состоянии иранского и российского рынков, о ключевых отраслевых производителях в России и в Иране, об импортерах, сервисных центрах, национальных особенностях ведения бизнеса. Разработать сайты и выпустить каталоги российской продукции на английском языке или на фарси.

²⁵⁰ Обухова А.Н. Импортно–экспортный потенциал ИРИ. Доклад на конференции «Иран во втором десятилетии XXI века». М.: ИВРАН, 2015.

²⁵¹ Россия и Иран обмениваются технологиями производства лекарств. URL: <http://www.tass.ru/obschestvo/3311793>

4. Активизировать участие сторон в национальных зонах свободной торговли: в иранских – «Энзели» (на Каспии), «Арас»; российских – «Алабуга» (Татарстан), «Агидель» (Башкортостан), «Калуга–юг» (Калужская область), «Северный» (Белгородская область).
5. Начать подготовку соглашения о создании специальной зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном.
6. Шире использовать возможности участия в региональных организациях и региональных проектах (ЕАЭС, ШОС, МТК «Север–Юг», проекты железных и шоссейных дорог, «Экономический пояс Шелкового пути»). Реализация совместных региональных проектов усилит позиции российских компаний в Иране и в регионе и ослабит возможные ограничения со стороны Запада. В настоящее время наиболее эффективным представляется участие России в инициированном Китаем проекте «Экономический пояс Шелкового пути». Проект ориентирован на использование территории Ирана для продвижения китайских товаров в Европу и ресурсов стран Персидского залива в Китай.
7. Расширить участие во внешнеторговом обмене малого и среднего предпринимательства, учитывая опыт ведения бизнеса в санкционный период, когда страну покинули все крупные российские компании, занимавшие ведущее место в экономическом сотрудничестве. Сформировать новые организационные структуры (внешнеторговые объединения, совместные торгово–промышленные палаты, наделенные правом на льготы) для вовлечения во внешнеторговые связи широких слоев иранских и российских предпринимателей. Исходя из льготной политики Ирана в отношении кооперативов, нельзя исключать возможности создания совместных кооперативных обществ (союзов), которые могли бы быть особенно эффективны в рамках сотрудничества отдельных иранских провинций и российских регионов.
8. Учредить совместные банковские и страховые структуры, открыть филиалы банков в свободных зонах. Предложенная Россией кредитная линия в 5 млрд долл. и кредитная линия «Внешэкономбанка» для Центрального банка Ирана в 2 млрд долл. способны существенно повлиять на реализацию промышленных, транспортных и финансовых проектов.
9. Создать совместные оснащенные современным оборудованием транспортные компании с целью сохранения качества сельскохозяйственной продукции, поставляемой Ираном на российский рынок.
10. Упростить визовые процедуры, заключить межправительственное соглашение о безвизовых групповых туристических поездках.
11. Расширить двусторонние научно–культурные связи. Открыть в Иране российский культурный центр. Деятельность иранских культурных центров в России показала их эффективность для установления контактов с государственными деятелями и деловыми кругами Ирана.

Поставленная Россией и Ираном задача многократного увеличения в среднесрочной и долгосрочной перспективе объема экономического сотрудни-

чества (до 10 млрд долл. и более²⁵²), возможно, слишком амбициозная, но важно то, что она поставлена на официальном уровне и определена как государственная. Позитивный тренд, наблюдаемый сегодня в отношениях между нашими странами, повышает вероятность достижения заявленной цели.

²⁵² Iran, Russia Finalize Historic Customs Agreement. URL: <http://www.financialtribune.com/articles/economy-business-and-markets/37574/iran-russia-finalize-historic-customs-agreement>

Введение

Среди всех соседей Ирана Российская Федерация, благодаря своему большому потребительскому рынку, считается одним из приоритетных направлений развития торгово-экономических отношений. Исследование истории торгово-экономических связей двух стран в различные периоды показывает, что объемы торгового оборота между ними были неустойчивы. События последних месяцев, включая и ухудшение отношений между Россией и Западом из-за украинских событий, а также между Россией и Турцией из-за сбитого российского самолета стали причиной сближения обеих стран в политической и экономической сферах. Доказательством этого являются пять встреч президентов двух стран за прошлый год. Они отражают положительный процесс развития экономических связей и стремление глав обеих стран укреплять экономические отношения. Таким образом, на экономическое взаимодействие Исламской Республики Иран и Российской Федерации влияют международные события, изменения в регионе и на двустороннем уровне. Ключевым вопросом является вопрос стабилизации сотрудничества и превращения его в долгосрочное стратегическое партнерство, в особенности учитывая финансовые и торгово-экономические аспекты. Для этого рассмотрим возможности, проблемы и механизмы для развития двусторонних торговых и экономических отношений Ирана и России и попробуем предложить способы укрепления отношений.

**Фархад
ПАРАНД,
эксперт IRAS**

Текущая ситуация в сфере экономических отношений

Среди партнеров России Исламская Республика Иран занимает 53-е место по импорту и 60-е – по экспорту. В настоящее время основными экспортными товарами из Ирана в Россию являются фрукты, овощи, сухофрукты, консервированные овощи, томатная паста, финики, соль и сера, продукты органической химии, изделия из пластика, лекарства, стекло, ковры, транспортные средства, изделия из железа, цемент и многие другие товары. Экспорт из России в Иран включает в основном листопрокатные изделия, пшеницу, древесину, ячмень, кормовое и фуражное зерно, железо и сталь, кокс и полукокс, каменный уголь, подсолнечное масло, горячекатаные балки, газетную бумагу, угольные электроды, листопрокатные изделия из стальных сплавов. Таблица ниже отражает торговый баланс и товарооборот между Ираном и Россией за последнее десятилетие.

Усиление негативного влияния санкций против России и снижение доли некоторых стран на российском рынке с одной стороны и укрепление политических отношений между двумя странами по причине ослабления санкций против Ирана с другой создали весьма подходящую возможность для развития экономических связей в различных отраслях.

В этой связи следует отметить, что правительство Исламской Республики Иран при подготовке стратегии развития на 20 лет и шестой программы развития страны на пятилетний период уделяет особое внимание развитию нефтяного экспорта и отдает приоритет взаимодействию с соседними странами, включая Россию. Среди преимуществ, которые могут значительно

Внешняя торговля Исламской Республики Иран и Российской Федерации (2007–2016 гг.)
в млн долларов

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2 кв. 2016
Экспорт	367	349	332	336	370	501	317	296	173	47
Импорт	863	1370	884	425	759	1631	688	639	517	538
Торговый баланс	-496	-1021	-552	-89	-389	-1130	-371	-343	-344	-491
Торговый оборот	1230	1719	1216	761	1129	2132	1005	935	690	585

Источник: Таможенное агентство Исламской Республики Иран (IRICA)

содействовать развитию экономических отношений с Россией, можно отметить небольшое расстояние и наличие морского пути, возможность транзита торговой продукции России через Иран в Южную и Восточную Азию, благоприятные климатические условия и плодородные почвы в Иране, а также способность обеспечения российского рынка необходимыми товарами в различные сезоны года, культурную и историческую общность народов юга России и иранцев, привлекательность рынка Ирана для России.

Существующие препятствия для развития экономических связей

В терминах макроэкономики одной из важнейших сложностей на пути развития экономического сотрудничества между Ираном и Россией является наличие сложностей в банковском секторе, прежде всего в сфере денежных переводов и кредитования. Несмотря на ряд соглашений, в этой области остается еще много проблем. Незначительное присутствие представительств российских банков в Иране и слабость межбанковских отношений способствовали тому, что экономические связи между Ираном и Россией остаются весьма ограниченными. Кроме того, получение российской сертификации для иранских товаров требует длительного процесса проверки производственной линии российскими экспертами и передачи образцов продукции для тестирования в Россию. При этом срок действия сертификата составляет 1 или 3 года. Сложности, связанные со страхованием и кредитованием, а также отсутствием подходящих условий для кредитования иранских проектов, также являются одной из насущных для иранской торговли проблем. В этой сфере необходимо наращивание сотрудничества Фонда прямых инвестиций России и Российского агентства по страхованию экспортных кредитов (ЭКСПАР). Следует также отметить, что высокие таможенные тарифы, отсутствие системы двусторонних преференциальных тарифов с Россией ограничивают возможность торговли во многих сферах.

Среди других препятствий для развития экономического сотрудничества между Ираном и Россией можно назвать инфраструктурные проблемы, в частности – неразвитость наземных, воздушных и морских путей сообщения, нехватку рефрижераторных контейнеров для отправки скоропортящихся продуктов, запрет на швартовку иранских кораблей на 35 причалов в порту Астрахани (из 40 имеющихся), трудности с расписанием движения

судов типа РО–РО, дискриминацию при определении очередности в российских портах по отношению к иранским судам и невозможность ускорения очередности для кораблей, перевозящих скоропортящиеся грузы.

Негативную роль также играют постоянное изменение экспортного и импортного законодательства, таможенного законодательства, законов о регистрации и ликвидации компаний, налогового и инвестиционного законодательства, окончание действия некоторых соглашений и невыполнение ряда заключенных договоренностей, сложность процессов получения документов на импорт молочных и продуктов с содержанием животного белка (среди которых колбасные изделия, консервы и др.), недостаточные возможности для сотрудничества технических, инженерных и строительных компаний Ирана и России в российских проектах. Низкий уровень осведомленности иранских и российских производителей и коммерческих компаний с имеющимся потенциалом обеих стран, а также продолжающиеся проблемы, связанные с выдачей виз со стороны России для иранских предпринимателей, инвесторов и водителей, также осложняют условия для экономического сотрудничества с Россией иранских производителей и бизнесменов.

К сожалению, приведенные выше факторы сдерживали развитие экономических связей между Ираном и Россией: до настоящего времени на российский рынок экспортировался очень небольшой ассортимент иранских товаров. Кроме того, низкое качество и высокая стоимость продукции наряду с частым несоответствием упаковки требованиям российского рынка делали ее неконкурентоспособной. Дополнительными причинами неудачи иранских бизнесменов в России стали недостаточно активная деятельность в области маркетинга, взаимодействия с потребителями и организации выставок, отсутствие понимания потребностей и предпочтений рынка.

Меры по развитию экономического сотрудничества

За прошедшие годы для укрепления экономических связей между странами был предпринят комплекс мер. Он включает следующие шаги:

- проведение первого заседания рабочей группы по промышленности, торговле и инвестициям между странами в августе – сентябре 2014 г. в Тегеране;
- подписание основополагающего соглашения между Гарантийным фондом Ирана и Российским агентством по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСПАР) 30 ноября 2014 г. в Тегеране;
- подписание соглашения о промышленно-экономическом сотрудничестве между министром промышленности, рудников и торговли Ирана и министром экономического развития России 30 ноября 2014 г. в Тегеране;
- подписание соглашения между Ветеринарной организацией Ирана и Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору России в ноябре 2014 г.;

- проведение двенадцатого заседания российско–иранской межправительственной комиссии в ноябре 2015 г. в Москве;
- подписание соглашения о создании судоходной линии на Каспийском море между Организацией развития торговли Ирана и Судоходной компанией Исламской Республики Иран 6 июня 2015 г.;
- отмена и снижение пошлин на некоторые товары, такие как финики, фисташки, рыба, креветки, капуста и изюм;
- получение разрешений на экспорт молочных продуктов, продуктов животноводства и морепродуктов на российский рынок;
- подписание соглашения об упрощении визового режима между странами;
- подписание соглашений о зеленом коридоре между странами.

Предлагаемые меры по увеличению товарооборота между странами

- переговоры о снижении таможенных тарифов Евразийским экономическим союзом;
- организация совместного банка для поддержки экспорта и инвестиций между странами;
- составление всеобъемлющего маркетингового плана и стратегии продвижения в средствах массовой информации обеих стран в целях повышения информированности предпринимателей и производителей Ирана и России о потенциале и возможностях друг друга;
- развитие морских, наземных и воздушных путей сообщения между странами для увеличения двусторонней торговли;
- соединение железных дорог двух стран;
- развитие правовых основ сотрудничества между странами;
- создание Организации каспийского экономического сотрудничества с участием прикаспийских государств;
- отход от торговли исключительно товарами и движение в сторону использования всех способов экономического сотрудничества;
- проведение форумов и семинаров для презентации инвестиционных и экспортных возможностей;
- субсидирование логистики и страхования для снижения конечной стоимости экспортируемых из Ирана в Россию продуктов.

Тема 11. Перспективы сотрудничества России и Ирана с третьими странами и международными организациями

**Елена
ДУНАЕВА,
эксперт РСМД**

В современной системе мироустройства наблюдается тенденция к смещению мировой политической и экономической активности с Запада на Восток, в Азию. Происходит подъем региональных держав и формирование с их участием интеграционных союзов, которые могут образовывать полюса силы.

Россия и Иран поддерживают идею полицентричного мира и весьма заинтересованы в активном участии в переформатировании региональных отношений как в Центральной Евразии, так и в Большой Восточной Азии. Оба государства стремятся упрочить свое место в новой конфигурации интеграционных связей.

Формирование центральноазиатского и евразийского центров влияния открывает для двух стран большие возможности. Россия желает стать системообразующим элементом большой межрегиональной евро-азиатской структуры и усилить свое влияние в регионах Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Она может задействовать возможности Ирана как перспективного регионального игрока, занимающего особое геостратегическое и геоэкономическое положение связующего звена между Западом и Востоком. Совпадение интересов двух государств в геополитике и близость позиций по проблемам обеспечения безопасности и стабильности создают базу для их взаимодействия как на двусторонней основе, так и в других форматах. Участие в региональных проектах не только отвечает экономическим интересам России и Ирана, но и способствует выводу отношений между ними на качественно новый уровень.

Заккрытие «ядерного досье» и снятие с Ирана международных санкций открывают возможности для взаимодействия страны с региональными структурами. Проявляя интерес к восстановлению контактов с западным миром, прагматичный Тегеран активизировал политику «Взгляд на Восток 2»²⁵³. Он пытается расширить свои экономические связи и получить доступ к новым рынкам. По мнению иранских политологов, суть внешнеполитической стратегии правительства Х. Роухани состоит в следующем: «Иран как региональная держава должен играть важную роль в политической жизни региона, в обеспечении его безопасности, что требует поиска возможностей для взаимодействия со всеми великими и крупными державами и центрами силы на глобальном уровне. При этом Иран должен сохранить традиционный региональный подход с акцентом на экономику и безопасность и использовать региональную интеграцию не только в отношениях с соседними, но и более отдаленными государствами»²⁵⁴.

²⁵³ Внешняя политика, проводившаяся президентом ИРИ М. Ахмадинежадом в 2005–2013 гг., получила название «Взгляд на Восток». Активизация контактов с азиатскими государствами в период президентства Х. Роухани, проводящаяся в условиях снижения влияния США на эти отношения и переноса Тегераном акцентов с экспорта нефти на инвестиционные проекты, была названа «Взгляд на Восток 2».

²⁵⁴ Barzegar K. Regionalism in Iran's Foreign Policy. URL: <http://www.en.cness.ir/default.aspx?tabid=98&ArticleId=303>

Россия, Иран и ШОС

Один из приоритетов восточного вектора внешней политики России – развитие, расширение и институциональное укрепление Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Иран, имея статус наблюдателя в этой организации с 2005 г., неоднократно заявлял о намерении стать ее полноправным членом. В то время Тегеран видел в ШОС структуру для обеспечения региональной безопасности, способную ограничить влияние США и укрепить имидж ИРИ на международной арене. При этом экономические преимущества отодвигались на второй план.

Члены ШОС проявили интерес к участию Ирана в организации, поскольку цели иранской региональной политики во многом совпадали с задачами ШОС. К тому же они рассматривали ресурсный, экономический, логистический и военный потенциал Ирана как перспективный²⁵⁵. Однако резкий антиамериканизм Тегерана и международные санкции заставили временно отложить вопрос о его полноправном членстве²⁵⁶. Сегодня Иран рассчитывает стать членом ШОС, хотя внешне не проявляет такой явной заинтересованности, как во времена президентства М. Ахмадинежада.

В последние годы интерес Ирана к ШОС, помимо отмеченного выше стремления встать в один ряд с государствами, решающими судьбу региона, обуславливается появлением новых угроз. Прежде всего, речь идет о радикальном ислализме и терроризме, которые активно распространяются в государствах–соседах и пытаются проникнуть через западные и восточные границы ИРИ. Осознавая, что эта угроза носит трансграничный характер, Иран опасается проникновения террористических и экстремистских организаций на Кавказ, в районы Средней Азии, Западного Китая. Обеспокоенность Тегерана вызывают также сепаратизм, трансграничная преступность, наркоторговля, незаконная миграция, транспортировка оружия. В деятельности ШОС, в координации ее усилий с ОДКБ Иран видит реальную возможность снизить риски дестабилизации региона и, в частности, стабилизировать ситуацию в Афганистане. В этих аспектах интересы иранской стороны по многим параметрам совпадают с интересами России и других членов ШОС²⁵⁷.

Общность подходов ИРИ и ШОС наблюдается также в противодействии росту влияния внерегиональных игроков. Вступление Ирана будет способствовать повышению международной значимости организации, которая объединит в своих рядах наиболее влиятельные государства региона – Россию, Китай, Индию и Иран. Это позволит оптимизировать баланс сил в регионе и выра-

²⁵⁵ Подробнее о взаимных интересах ИРИ и ШОС см.: Мамедова Н.М. Иран и ШОС // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС): Сб. ст. / Под ред. М.Р. Аруновой. М.: ИВ РАН, 2011. С. 42–44; Мамедова Н.М. Иран и ШОС // Роль и место Ирана в регионе: Сб. ст. / Под ред. Н.М. Мамедовой, М. Иманпур. М.: ИВРАН, 2007. С. 69–70.

²⁵⁶ В июне 2010 г. на саммите ШОС был одобрен проект Положения о порядке приема новых членов, согласно которому государство, вступающее в организацию, не должно находиться под санкциями ООН. См.: Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую Организацию Сотрудничества // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока. М.: ИВ РАН, 2011. С. 185–187.

²⁵⁷ Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Перспективы развития стратегии ШОС // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России: Сб. ст. / Под ред. Ю.В. Морозова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 73–80.

ботать совместные подходы по внутрирегиональной и глобальной проблематике.

В условиях расширения ШОС и появления новых партнеров по диалогу улучшаются и ее экономические перспективы, особенно в свете заявленных намерений о сопряжении организации с ЕАЭС и ЭПШП. Это расширит возможности взаимодействия, усилит региональную интеграцию, даст новый стимул развитию. Иран выдвигает идею координации проектов ШОС и Организации экономического сотрудничества (ОЭС)²⁵⁸, поддерживает инициативу экономического партнерства ШОС, ЕАЭС и АСЕАН.

Резкое снижение цен на нефть, обострение борьбы за рынки энергоресурсов требуют большего согласования политики в области добычи и транспортировки нефти и газа. Без учета позиции Ирана решение этих вопросов малоэффективно. Координация политики с крупнейшими потребителями иранской нефти (Китай и Индия), согласование новых путей поставок газа, взаимодействие в сфере добычи и переработки углеводородов, объединение электросетей и взаимопоставки электроэнергии – все это повышает взаимную привлекательность ШОС и Ирана и открывает перспективы создания Энергетического клуба ШОС.

Россия и Иран осознают взаимосвязь проблем безопасности с проблемами социально-экономического и культурного развития. Важным направлением деятельности ШОС становится сотрудничество в гуманитарной сфере, где потенциал Ирана достаточно высок. Его участие расширяет возможности реализации проектов в области образования (светского и религиозного), совместного выпуска фильмов, телесериалов, воссоздания исторических памятников, научно-технологического сотрудничества, развития туризма. Все это в совокупности способствует укреплению межцивилизационного диалога.

Не стоит забывать и об инструментах «мягкой силы» Ирана, таких как общее историческое прошлое, культурные традиции, языковая близость с государствами Центральной Азии, Афганистаном, Индией и Пакистаном, южными районами России. В сочетании с российской и китайской культурными компонентами использование «мягкой силы» Ирана даст возможность достаточно эффективно противодействовать радикальным исламистским идеям. При этом гуманитарные контакты смогут компенсировать осложнения, возникающие на других направлениях сотрудничества.

В настоящее время для членства ИРИ в ШОС уже нет серьезных препятствий. Вместе с тем у некоторых государств-членов сохраняется настороженность, в частности, по поводу курса Тегерана на продолжение конфронтации с США, который имеет влиятельных сторонников внутри страны. Жесткую антизападную позицию занимают консервативные силы, недовольные заключением «ядерной сделки». Они сохраняют влияние на ряд государственных институтов и имеют потенциальную возможность вернуться во власть после

²⁵⁸ Организация экономического сотрудничества (Organization of Economic Cooperation) – региональная организация, восстановленная в 1985 г. по инициативе Ирана. Сегодня в нее входят Азербайджан, Афганистан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан.

выборов 2017 г. Дальнейшее развитие событий в Иране, которое может привести к отказу от выполнения условий Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), не отвечает интересам ШОС. Организация, хотя и представляет собой незападное объединение, отнюдь не склонна позиционировать себя противостоящей Западу.

Еще один момент, осложняющий вступление Ирана в ШОС, касается его поддержки исламских организаций в Таджикистане. Позиция Тегерана вызывает резкие протесты со стороны официальных властей республики и создает проблемы в отношениях между двумя странами. Между тем традиционные связи двух народов и опыт взаимодействия в политической сфере вполне могут помочь Таджикистану найти пути конструктивного взаимодействия с национальными исламскими политическими силами, не разделяющими радикальные идеи. В результате появится импульс к разрешению проблем в межгосударственных отношениях.

Очевидно, что эти факторы, а также озабоченность Китая возможностью усиления российско–иранского политического взаимодействия внутри ШОС послужили причиной того, что в ходе Ташкентского саммита 2016 г. вопрос о принятии ИРИ так и не был согласован. Что касается России, то она не видит препятствий для присоединения Ирана к ШОС²⁵⁹. По словам спецпредставителя президента РФ по ШОС Б. Хакимова, у членов организации «в принципиальном плане возражений нет, есть технические нюансы – когда запустить этот процесс»²⁶⁰. Предполагается, что на следующем саммите вопрос может быть решен окончательно.

В Иране еще накануне саммита высказывались сомнения по поводу перспектив приема страны в постоянные члены ШОС. Некоторые считали нецелесообразным поднимать этот вопрос до получения официального приглашения²⁶¹. Выражались опасения в связи с тем, что членство в любой международной структуре, где решения принимаются консенсусом, означает ограничение суверенитета государства²⁶². Отмечалось также, что ИРИ придется приводить свои внутренние правовые акты в соответствие с Уставом и другими документами ШОС²⁶³. Поскольку в практике Ирана это будет первое после исламской революции полноправное вступление в многостороннюю международную организацию, вопрос о возможном несоответствии статей Конституции страны некоторым положениям Хартии ШОС довольно чувствителен для иранцев.

Несмотря на различие подходов к вступлению в ШОС внутри страны, руководство ИРИ сохраняет свою заинтересованность в этом вопросе – для него

²⁵⁹ Латухина К. Путин призвал принять Иран в ШОС. URL: <https://rg.ru/2016/06/24/putin-prizval-priniat-iran-v-shos.html>

²⁶⁰ Представитель РФ: договоренности о присоединении Ирана к ШОС пока нет, но процесс идет. URL: <http://tass.ru/politika/3394519>

²⁶¹ Бехештипур Х. Почему Ирану не надо торопиться в ШОС? URL: <http://www.khabaronline.ir/print/54452/weblog/beheshtipur?mo...> (на перс. яз.)

²⁶² Там же.

²⁶³ Pakparvar M. I.R.Iran and SCO after Nuclear Deal (JCPOA): Opportunities and Challenges. Доклад на Международном форуме «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества». Сочи, 19 апреля 2016 г.

полноправное участие в организации означает выход на уровень принятия решений в системе международных отношений.

Россия, Иран и ЕАЭС

Иран заинтересован в установлении партнерских отношений с ЕАЭС. В интересах России, ключевого игрока ЕАЭС, расширить внешний контур этого пространства, что позволит вывести на новый уровень и внутренние связи. Взаимодействие с ИРИ обеспечит выход на рынки и доступ к важнейшим транзитным маршрутам Среднего Востока.

Иран надеется на преференциальные тарифы, чтобы на начальном этапе расширить торговое партнерство и по возможности увеличить долю своих товаров в торговле с Россией. Рост товарооборота между двумя странами серьезно сдерживается высокими таможенными тарифами, сложностью процедур на границах и малой вариативностью транспортных путей. Учитывая, что часть товаров экспортируется в Россию через государства зоны ЕАЭС, ИРИ выражает стремление к участию в проекте зоны свободной торговли (ЗСТ). Россия заинтересована в поставках продовольствия из Ирана, которые частично могли бы заместить турецкие. Майские соглашения 2016 г. о предоставлении Россией таможенных льгот на ряд товаров (в среднем до 25%) и введении на некоторые группы товаров нулевых тарифов призваны стимулировать торговые отношения двух стран. Между сторонами подписаны межправительственное соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных вопросах и протокол об упрощенном таможенном коридоре. Поскольку действие этих документов распространяется на пять стран ЕАЭС, можно считать это первым шагом на пути к взаимодействию ИРИ с данной структурой²⁶⁴.

В Иране осознают, что отрицательное сальдо в торговом балансе с Россией сильно затрудняет взаимодействие в финансовой сфере и сдерживает дальнейшее развитие контактов. Очевидно, что участие в проектах ЕАЭС откроет для Тегерана возможности выстраивания институциональных финансовых отношений и оптимизации механизмов сотрудничества.

Евразийская комиссия ведет с Ираном консультации по соглашению о временной ЗСТ, которые пока носят неформальный характер. В ходе переговоров согласовываются группы товаров обоюдного экспортного интереса. Временное соглашение будет представлено на одобрение главам всех государств²⁶⁵. Ожидается, что к концу 2016 г. Иран сможет присоединиться к ЕАЭС.

Перспективными представляются реализация совместных логистических проектов (например, создание ирано–российско–армянских или ирано–российско–азербайджанских компаний по транспортировке и складированию

²⁶⁴ Страны ЕАЭС в июне проведут экспертные консультации о зоне свободной торговли с Ираном / Петербургский Международный Экономический Форум 2016. URL: <http://www.tass.ru/pmef-2016/article/3369501>

²⁶⁵ В ЕЭК обсудили целесообразность заключения Соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-05-2016-10.aspx>

грузов), развитие контактов среднего и малого бизнеса, в частности в сфере сельхозпроизводства и переработки сырья в сопредельных районах – Астраханской области, Поволжье, Дагестане, а также в Армении²⁶⁶.

Оценивая перспективы российско–иранских партнерских отношений в рамках ЕАЭС, стоит иметь в виду, что Иран пока рассматривает ограниченный формат своего участия и присоединение к Союзу на самом низком интеграционном уровне. Углубление взаимодействия будет зависеть от оценки реальных выгод и рисков по результатам совместной деятельности²⁶⁷.

По мнению России, привлекательность ИРИ для ЕАЭС состоит не только в расширении торговых связей и привлечении иранских инвестиций в ряд южных районов. Идея сопряжения ЕАЭС, ШОС, ЭПШП и АСЕАН, высказанная В. Путиным на Деловом форуме Россия – АСЕАН в мае 2016 г.²⁶⁸, требует формирования новой карты транспортных маршрутов и повышает интерес к Ирану как стране, обладающей огромным транзитным потенциалом. Открываются возможности для создания множественных транспортных коридоров с ЕАЭС и превращения его в один из основных транспортных узлов макро–региона.

В связи с этим особое внимание стоит уделить завершению проекта МТК «Север – Юг», который значительно укорачивает маршрут, сокращает время перевозок и транспортные расходы на пути от Балтийского моря к Персидскому заливу и Южной Азии²⁶⁹. Важность этого проекта определяется тем, что на всем протяжении он контролируется странами, входящими в ЕАЭС и ШОС, и является наиболее экономичным маршрутом. В настоящее время в основном задействованы мультимодальный транскаспийский маршрут и западная ветвь МТК, проходящая через Азербайджан²⁷⁰. Транзитный потенциал железнодорожной инфраструктуры Каспийского региона практически не используется, хотя взаимная торговля между Европой и странами Персидского залива и Южной Азии неуклонно растет²⁷¹. Причины такой ситуации – отсутствие ряда «связующих звеньев» транспортной цепи, недостаточное развитие инфраструктуры на отдельных направлениях, несогласованность тарифов, различия в ширине колеи и т.д. Недавно завершено соединение железных дорог на азербайджано–иранской границе, что позволит активизировать западную ветвь МТК, проходящую вдоль азербайджанского побережья Каспия, и увеличить мощность транзита из Ирана в Россию до 25 млн т. Этот маршрут может сократить транзит грузов через Турцию (включая маршрут Босфор – Дарданеллы). Реконструируется порт Оля,

²⁶⁶ Перспективы отношений Ирана и ЕАЭС: вызовы и возможности. Интервью с доктором Ф. Парандом.
URL: <http://www.iras.ir/fa/doc/interview/936> (на перс. яз.)

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Встреча с представителями Делового форума Россия – АСЕАН.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51951>

²⁶⁹ Соглашение о создании МТК было подписано Россией, Ираном и Индией еще в 2000 г.

²⁷⁰ По транскаспийскому маршруту осуществляется транспортировка грузов из южных портов Ирана (Персидский залив) автомобильным транспортом в северные порты на Каспии и далее морем до российских терминалов с последующей доставкой сухопутным транспортом до Санкт-Петербурга.

²⁷¹ Мориц Р. Развитие потенциала коридора «Север – Юг». URL: <http://www.gudok.ru/transport/zd/?ID=882159>

решаются задачи привлечения дополнительных грузов (обратная загрузка). По разным оценкам, доходы России от использования данного транспортного коридора могут составить 2–5 млрд долл.²⁷²

Перспективны «восточная» прикаспийская часть проекта через Казахстан и Туркменистан с выходом на Иран²⁷³, а также строительство «восточного луча» от Саратова, который может соединить железные дороги России и Казахстана с Китаем и частично переключить грузопотоки, проходящие по маршруту Китай – Западная Европа, на Россию.

Иран также проявляет большую заинтересованность в мобилизации возможностей МТК. В частности, активизированы работы на участке Казвин – Решт – Энзели – Астара иранская, завершён участок Бафк – Захедан, соединяющий границы Ирана и Пакистана. Реконструируются порты на Каспийском море и в Персидском заливе. Значимость скорейшей реализации всех возможностей этого проекта не ограничивается повышением доходов от транзита для Ирана и России. В перспективе данный коридор должен обеспечить сопряжение транспортной инфраструктуры ЕАЭС с южной (иранской) веткой проекта ЭПШП и соединить Россию с широтным транспортным коридором «Восток – Запад».

Россия и Иран в сотрудничестве с третьими странами в регионе

Проект «Север – Юг» интересен многим государствам, но особое значение он имеет для поднимающейся экономики Индии.

В последние месяцы Дели ищет выход в Центральную Азию, используя альтернативные возможности Ирана. В мае 2016 г. Иран и Индия подписали договор о развитии порта Чабахар в Оманском заливе²⁷⁴. Одновременно было заключено трехстороннее соглашение между Ираном, Афганистаном и Индией о строительстве железнодорожной ветки Чабахар – Захедан (Иран) – Зарандж (Афганистан), которое было названо стратегическим²⁷⁵. Реализация данного проекта обеспечит доступ Индии к Центральной Азии и в Афганистан в обход Пакистана. Строительство крупного промышленно-транспортного узла на юго-востоке Ирана расширит возможности грузоперевозок через иранскую территорию. Таким образом, иранский порт Чабахар превратится в крупнейший хаб. О готовности инвестировать в развитие этого порта (вторая очередь) заявили Китай и Япония²⁷⁶. Причем первый, выстраивающий свою карту морского пути в Юго-Западной Азии и уже вложивший

²⁷² Грозин А.В. Международный транспортный коридор «Север – Юг» как фактор интеграции евразийского пространства. URL: <http://www.materik.ru/problem/detail.php?ID=15111>

²⁷³ В конце 2014 г. была введена в строй железнодорожная ветка, проходящая вдоль восточного побережья Каспийского моря, которая соединила Жанаозен (Казахстан), Берекет (Туркменистан) и Горган (Иран).

²⁷⁴ Согласно договоренностям, предполагается строительство двух терминалов и пяти мультимодальных причалов. В целом Индия выделяет на развитие порта 500 млн долл., из которых 150 млн – по кредитной линии индийского «EXIM Bank». Ожидается, что первая очередь порта войдет в строй к концу иранского года (март 2017 г.).

²⁷⁵ Иран, Индия и Афганистан. Стратегические соглашения в Тегеране. URL: <http://www.parstoday.com/ru/news/iran-i27145>

²⁷⁶ [Китай инвестирует в Чабахар]. URL: <http://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/03/08/1086284/> (на перс. яз.)

капиталы в пакистанский порт Гвадар, заявляет о большей перспективности иранского проекта. Иранские власти, превратив Чабахар в свободную зону, ожидают участия в ее развитии и других государств.

Иран и Индия обсуждают и другие проекты, в том числе строительство газопровода из Чабахара в Гуджарат, участие Индии в экономическом развитии Афганистана и добыче нефти на месторождении «Южный Парс» (Фарзад–Б). Россия, несомненно, должна отслеживать ситуацию и прилагать усилия к расширению взаимодействия с Индией и Ираном с целью достижения большей привязки индийских интересов к проекту «Север – Юг» путем обеспечения надежности соблюдения сроков и условий транзита.

Положено начало трехсторонним экспертным консультациям по вопросам безопасности и противодействия нетрадиционным угрозам, афганской проблематике, проблемам нераспространения²⁷⁷. Начала работу трехсторонняя комиссия по таможенным вопросам. Россия, Индия и Иран, имея свой формат отношений и выступая совместно в региональных организациях, могут уравнивать позицию Китая по целому ряду вопросов. Достаточно перспективным представляется сотрудничество в области своп–поставок газа или СПГ, мирного атома, нефтехимии, медицины и фармацевтики, высоких технологий, образования.

Стратегические партнерские отношения Ирана с Китаем, его заинтересованность в китайском проекте «Один пояс – один путь», который значительно увеличит транзитный потенциал страны, открывают перспективы взаимодействия России с этими государствами как в рамках региональных институтов, так и в трехстороннем формате с целью выработки экономической и геополитической стратегии региона. Политические контакты, фундамент которых был заложен во время переговоров по ядерной программе, могут развиваться на основе совпадения стратегических интересов в ходе обсуждения следующих вопросов: будущее мироустройство, ближневосточная проблематика, противостояние «трем силам зла», безопасность в Азии и т.д. Три страны проявляют интерес и к военному сотрудничеству. Россия может использовать интересы Ирана для уравнивания роли Китая в регионе.

Очевидно, что совместное участие в логистических, инвестиционных, нефтегазовых проектах в рамках ШОС и ЭПШП повысит уровень хозяйственного взаимодействия и обеспечит перелив капиталов, товаров и услуг на больших пространствах. Помимо строительства и модернизации железных и шоссейных дорог на территории России, Ирана, в Каспийском регионе, для трех стран может оказаться весьма полезным сотрудничество в организации ЗСТ, упрощении таможенного регулирования, совершенствовании законодательной базы внешнеторговой деятельности, проведении финансовых операций (с привлечением Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, в котором эти государства выступают соучредителями). Возможно также объединение усилий трех государств для создания единой энергосистемы региона.

²⁷⁷ [О второй международной конференции в рамках трехстороннего диалога «Индия –Россия – Иран»]. URL: <http://www.ir.sputniknews.com/iran/20151209/1014434.html> (на перс. яз.)

Важным направлением в расширении сотрудничества на трехсторонней основе могут стать разработки в области космических технологий, нанотехнологий, в ядерной энергетике и медицине. Создание механизма экспертных консультаций поможет расширить зоны взаимодействия.

Нельзя не отметить перспективы развития культурно–гуманитарного сотрудничества трех стран, представляющих три мировые цивилизации. Диалог между ними и выстраивание культурного взаимодействия будут способствовать укреплению доверия, развитию толерантности, улучшению образа каждого из государств.

Рассматривая возможности трехсторонних форматов, следует учитывать, что попытки укрепить связи в треугольнике Россия – Иран – Индия будут наталкиваться на недовольство Китая, который имеет проблемы в отношениях с Индией и ведет свою игру в Евразии. Пакистан также может выражать обеспокоенность в связи с углублением отношений Ирана и России с Индией. Однако работа в региональных организациях на многосторонней основе может помочь нивелировать возникающие проблемы.

Сотрудничество России и Ирана в регионе в разных форматах будет способствовать реализации политических целей и экономических интересов двух стран, укреплению их позиций в международных структурах. Появятся возможности упрочить доверие между Москвой и Тегераном, вывести двусторонние связи на качественно иной уровень, снизить их зависимость от отношений с другими государствами, сделать их развитие необратимым и закрепить фундамент стратегического партнерства.

**Мохсен
ШАРИАТИНИА,
эксперт IRAS**

Сотрудничество Ирана, России и Китая в международной политике можно назвать новым процессом. Примером тому является содействие урегулированию проблемы ядерной программы Ирана, сохранению действующего политического режима в Сирии, сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), совместная борьба с терроризмом и экономическое сотрудничество. Однако этот новый процесс, несмотря на его значимость, недостаточно исследован. Другими словами, на сегодняшний день отсутствуют работы, тщательно анализирующие, насколько это сотрудничество институционализировано и какие охватывает сферы. В настоящей статье автор постарается ответить на вопросы, связанные с взаимодействием Ирана, России и Китая, или так называемом «новом стратегическом треугольнике» в международной политике. С этой целью взаимодействие, сотрудничество и конкуренция трех стран будут рассмотрены на трех уровнях: глобальном, региональном и национальном, что даст возможность показать важность сотрудничества со стратегической точки зрения.

Глобальный уровень

На глобальном уровне Иран, Россию и Китай объединяет неприятие существующего международного порядка. Все три страны называют многополярность одним из своих стратегических приоритетов. При этом важно отметить, что Тегеран, Москва и Пекин по-разному представляют себе трансформацию международного порядка. Иран и Россию с определенным допущением можно назвать государствами, которые стремятся изменить сами основы современного миропорядка, в то время как Китай придерживается более умеренных взглядов и отдает предпочтение изменениям действующей системы с опорой на уже существующие механизмы. Разница в подходах к пересмотру параметров системы стала причиной, подтолкнувшей три страны к выбору различных путей для изменения международной системы в сторону многополярной.

Другим фактором на этом уровне анализа является влияние на стратегическое взаимодействие трех стран друг с другом, оказываемое типом их отношений с США. Иными словами, каждая из трех стран по-своему определяет свою политику по отношению к Соединенным Штатам. С другой стороны, США в качестве важнейшего игрока в действующей системе также выбирают различные подходы в отношении этих стран. Во внешней политике России США представляются стратегическим соперником и в некоторой степени угрозой безопасности. Подобное восприятие формирует специфический пример совмещения элементов политики соперничества и сотрудничества, при одновременном использовании двумя странами стратегии сдерживания и взаимодействия по отношению друг к другу. С другой стороны, взаимоотношения США и Китая можно назвать стратегическим сотрудничеством и конкуренцией, так как сферы сотрудничества двух стран очень широки, а их стратегическое соперничество имеет различные проявления.

Пример взаимодействия Ирана и США отличается от двух вышеуказанных случаев; между обеими странами не только нет двусторонних отношений, но

США даже пытаются ограничить свободу действий Ирана в международной политике. С другой стороны, Иран можно назвать важнейшим вызовом для региональной политики США в Западной Азии.

Кроме того, взгляды трех стран на Совет Безопасности ООН в качестве важнейшего институционального элемента существующего международного порядка также сильно отличаются. Китай и Россия как два постоянных члена Совета Безопасности считают его одним из ключевых механизмов международной политики. Другими словами, с точки зрения Китая и России, Совет Безопасности является одним из ключевых механизмов обеспечения многополярности в системе международных отношений и одним из важнейших препятствий для односторонних действий США. Однако Иран, являясь страной, которая с начала 1980-х гг. до настоящего времени оказывалась под воздействием санкций со стороны Совета Безопасности, считает его несправедливым, угнетающим и даже нарушающим законы институтом.

В целом, несмотря на то, что Китай, Россия и Иран стремятся пересмотреть основы современного миропорядка и называют многополярность одним из своих внешнеполитических приоритетов, подход каждой из этих стран к реализации данной цели, способы взаимодействия с США, а также отношение к различным институтам действующей международной системы специфичны и имеют мало общего друг с другом.

Региональный уровень

Китай и Россия считаются как региональными, так и мировыми державами в том смысле, что они имеют огромное влияние, как в своих регионах, а также являются важными игроками в мировой политике. Однако Иран является региональной державой, и сфера его внешнеполитических интересов ограничивается его ближним зарубежьем и регионом Ближнего Востока. На региональном уровне анализа ключевым вопросом, который следует учесть при описании стратегического треугольника Китай – Россия – Иран, является различие региональных приоритетов и стратегических интересов во внешней политике трех государств. Восточная Азия, ближнее зарубежье и Ближний Восток являются основными приоритетами региональной политики соответственно Китая, России и Ирана. Иными словами, регионы, являющиеся ключевыми во внешней политике этих стран, не совпадают.

Кроме того, их видение стратегических интересов также различается. Важнейшей стратегической задачей Китая в текущем положении является защита своих интересов в Южно-Китайском море, в то время как ключевой проблемой России остается обеспечение безопасности своих интересов в ближнем зарубежье, в особенности на Украине. Стратегические интересы Ирана отличаются от других стран, поскольку важнейшим приоритетом Тегерана является сохранение желаемого баланса сил на Ближнем Востоке.

Несмотря на разные приоритетные направления внешней политики трех стран, региональная политика Ирана, России и Китая совпадает в некоторых сферах, в то время как в других не исключено соперничество. Регион

Центральной Азии является важнейшей точкой, где сходятся приоритеты и угрозы для трех государств. Это регион, в котором они не только имеют общие границы, но и общую историю, и таким образом он также занимает важное место в их внешней политике. Он считается частью ближнего зарубежья России, северо-западным краем границ безопасности Китая, а также северо-восточным краем границ безопасности Ирана. На протяжении последних нескольких столетий Россия была основным игроком в этом регионе и по-прежнему является важнейшим гарантом безопасности и одним из ключевых акторов в геоэкономике Центральной Азии. Однако после распада СССР Иран предпринял попытку развить экономическое и культурное взаимодействие с новыми независимыми странами Центральной Азии, предоставив им доступ к открытому морю. В последние годы Китай как набирающая силу держава превратился в лидирующего игрока в геоэкономике Центральной Азии и предпринял успешные попытки по обеспечению региональной интеграции в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Однако превращение Центральной Азии в точку пересечения региональной политики трех стран не означает, что их интересы в этом регионе максимально совпадают. Растущее влияние Китая в геоэкономике Центральной Азии может привести к снижению доли и места Ирана и России в экономиках стран этого региона. Кроме того, с замыканием энергетической и логистической инфраструктуры этого региона на Китай, у стран региона появилась альтернатива Ирану и России в качестве двух традиционных путей доступа к мировым рынкам. Доступ к транспортной инфраструктуре Китая снизил транзитную значимость Ирана и России для этих стран, и в то же время, заставил Тегеран и Москву столкнуться с новыми конкурентами на энергетическом рынке. Шанхайская организация сотрудничества в качестве символа новой интеграции в этом регионе является другой сферой, где интересы и подходы трех стран находятся в сложном балансе соотношении. Очевидно, что существуют важные различия между взглядами России и Китая на развитие этой организации, связанные с различиями в способах обеспечения и проецирования влияния двух стран. Для Китая в Восточной Азии основой такого влияния является геоэкономика, в то время как Россия с давних времен была и остается основной геополитической силой в регионе.

Но более важным вопросом, отражающим сложность взаимодействия трех стран в Центральной Азии, является давно стоящий, нерешенный и не имеющий определенных перспектив вопрос полноценного членства Ирана в ШОС. Несмотря на то, что Иран за прошедшие десять лет прилагал серьезные усилия для получения членства в этой организации, никаких изменений до сих пор не произошло. Очевидно, что в этой организации Китай и Россия играют ключевую роль и таким образом, не включение Ирана в качестве полноценного члена в данную организацию можно с высокой степенью назвать результатом отсутствия политической воли этих двух стран. Несмотря на то, что на некоторое время вопрос членства Ирана в Шанхайской организации сотрудничества откладывался по причине санкций со стороны ООН, с отменой этих санкций в 2015 г. не произошло никаких изменений. Сложный характер этого процесса играет важную роль в изучении треугольника

Иран – Китай – Россия. Он показывает, что сотрудничество трех стран даже в области, где пересекаются интересы безопасности каждой из них, до сих пор не оформилось. Иными словами, Китай и Россия за прошлые годы не проявили желания к вовлечению Ирана в решение проблем в сфере безопасности и экономики Центральной Азии.

Помимо Шанхайской организации сотрудничества два масштабных проекта по региональной интеграции, которые были предложены за последнее время Китаем и Россией – «Один пояс – один путь» и Евразийский экономический союз – также свидетельствуют о том, что две страны имеют различные приоритеты, как на региональном, так и на глобальном уровне. В этой связи возникают два ключевых вопроса: как взаимосвязаны эти инициативы и ШОС? Во-вторых, можно ли считать появлением этих инициатив свидетельством неудачи этой организации в деле интеграции евразийского пространства? С одной стороны, данные проекты двух ключевых игроков стратегического треугольника в регионе Центральной Азии, а с другой – стремление Ирана подчеркнуть значение Организации экономического сотрудничества (ОЭС), свидетельствуют о том, что каждое из трех государств придерживается своей особой концепции интеграции в этом регионе. До настоящего времени эти концепции не были согласованы друг с другом. Кроме того, нельзя не отметить наличие конкуренции между концепциями Ирана, России и Китая, в особенности между новыми проектами России и Китая в этом регионе.

Национальный уровень

Политические системы Ирана, России и Китая существенно отличаются друг от друга и имеют разные приоритеты. Глубокие различия политических систем этих государств сильно затрудняют их сближение. Другими словами, у них отсутствуют общие ценности, и им остается сотрудничать только на основе общих экономических интересов. Кроме того, исторический опыт взаимодействия играет отрицательную роль во взаимодействии трех стран. Сотрудничество Китая и России друг с другом выросло намного больше, чем сотрудничество Ирана с каждой из этих стран или трехстороннее сотрудничество.

Однако важнейшим отрицательным фактором, влияющим на взаимодействие в рамках этого стратегического треугольника на национальном уровне, можно назвать слабость общественных связей, определяющих сотрудничество стран друг с другом. Общественное мнение Китая и России, а также некоторая часть их элиты не приветствуют стратегическое сотрудничество с Ираном. С другой стороны, в Иране общественное мнение также не поддерживает идею стратегического взаимодействия с Россией, и до некоторой степени – с Китаем. Слабость общественных связей привела к тому, что взаимодействие трех стран ограничивается правительственным уровнем.

Другой момент, который следует отметить, – низкий уровень координации на административном уровне между Ираном, Россией и Китаем при формировании и реализации трехстороннего сотрудничества. Недавнее взаимодействие Ирана и России в использовании военного аэродрома Хамадан

и его окончание служат тому подтверждением. В региональных проектах, таких как «Один пояс – один путь» или Евразийский экономический союз, несмотря на то что три страны имеют общие интересы, они также до сих пор не смогли сформировать механизмы для осуществления этих интересов в формате трехстороннего сотрудничества.

Заключение

Число общих интересов Ирана, Китая и России в рамках меняющейся международной системы увеличивается. К общим интересам можно отнести продвижение концепции многополярности, обеспечение стабильности и безопасности на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Афганистане, борьба с терроризмом, развитие региональной интеграции в Евразии и военное сотрудничество. Тем не менее, до сих пор не выработаны механизмы трехстороннего сотрудничества между Тегераном, Москвой и Пекином. Хотя в кризисных ситуациях, таких как ситуация вокруг ядерной программы Ирана и конфликт в Сирии, они сотрудничают друг с другом, это сотрудничество продиктовано по большей части необходимостью и носит временный характер.

Другими словами, стратегический треугольник Иран – Китай – Россия еще не сформировался. Такие факторы, как слабая организация, наличие противоположных приоритетов, разница в экономических и военных потенциалах, отсутствие общих ценностей и различный характер отношений со странами Запада, можно назвать важнейшими причинами институциональной слабости этого треугольника. Продолжительный процесс принятия Ирана в качестве полноценного члена в Шанхайскую организацию сотрудничества является одним из основных проявлений неразвитости сотрудничества. Отсутствие ясности в данном вопросе отражает неопределенность будущего стратегического треугольника Иран – Китай – Россия в целом. В целом, на стратегический треугольник Иран–Россия–Китай гораздо большее влияние будут оказывать внешние события, нежели единая и четко определенная стратегия.

Об авторах

Эксперты РСМД

ДЕМИДЕНКО Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий Кафедрой международной политики и зарубежного регионоведения, руководитель образовательной программы «Зарубежное регионоведение» Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. Автор более двух десятков научных публикаций, в том числе в таких изданиях, как «Вестник аналитики», «Практика управления», сборники Российского совета по международным делам (РСМД) и коллективные труды РАН (Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, ИМЭМО).

ДУНАЕВА Елена Викторовна, кандидат исторических наук, в 1979 г. окончила Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова по специальности историк–востоковед, референт переводчик персидского языка. Старший научный сотрудник в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, доцент МГИМО МИД РФ (преподает персидский язык). Автор двух монографий (в соавторстве), разделов в ряде коллективных монографий и более 100 статей. Занимается изучением современной истории Ирана и Ближнего Востока.

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Института стран СНГ. Возглавляет отдел евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, старший научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ЗЮЗИН Павел Владимирович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра исследования транспортных проблем мегаполисов НИУ ВШЭ.

КНЯЗЕВ Александр Алексеевич, доктор исторических наук, востоковед, действительный член Русского географического общества.

КОРТУНОВ Андрей Вадимович, кандидат исторических наук, генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД). В 1995 – 1997 гг. занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

КОЖАНОВ Николай Александрович, кандидат экономических наук, выпускник Восточного факультета СПбГУ и Института арабских и исламских исследований университета Эксетера (степень магистра с отличием; Великобритания). На момент публикации является доцентом Европейского Университета в Санкт-Петербурге, а также внештатным сотрудником Российско-евразийской программы Королевского института международных отношений (Chatham House).

ЛУКЪЯНОВ Григорий Валерьевич, магистр политологии, старший преподаватель Департамента политической науки на Факультете социальных наук НИУ ВШЭ (Москва).

МАМЕДОВА Нина Михайловна, кандидат экономических наук. С 1969 г. работает в Институте востоковедения РАН. С 1997 г. возглавляет сектор Ирана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. Доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ и НИУ ВШЭ. Автор 6 монографий и более 300 статей и разделов в коллективных монографиях и учебных пособиях.

САЖИН Владимир Игоревич, кандидат исторических наук, профессор, востоковед, специалист по Ирану, Афганистану, региональным проблемам Ближнего и Среднего Востока. В настоящее время занимает должность старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН. Работал в системе Академии наук СССР и России, преподавал в высших учебных заведениях Москвы. Автор более 200 научных публикаций и трех монографий.

ТОПЫЧКАНОВ Петр Владимирович, кандидат исторических наук, сотрудник программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Эксперты IRAS

Хамидреза АЗИЗИ является научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) и старшим преподавателем кафедры региональных исследований в Университете имени Шахида Бехешти (SBU). Он получил докторскую степень за исследования Центральной Азии и Кавказа в Тегеранском Университете в 2015 г. Является автором многочисленных книг, статей и монографий в сфере изучения Центральной Азии, Южного Кавказа и России. В последнее время он также принимал участие в подготовке таких работ, как «Развитие отношений Россия–ХАМАС: источники и последствия» и «Энергетический фактор в ирано–туркменских отношениях».

Бахрам АМИРАХМАДИАН является старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) и старшим преподавателем Тегеранского университета. Он защитил кандидатскую диссертацию по специальности «политическая география» в Тегеранском Университете в 1997 г. Его основные научные интересы включают Евразию, Южный Кавказ и ситуацию в Афганистане. Также он является соавтором «Энциклопедии субъектов Российской Федерации» и работы «Каспийское море, безопасность России и национальные интересы Ирана».

Джахангир КАРАМИ является старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) и доцентом Тегеранского университета. Он получил докторскую степень в области международных отношений в Тегеранском Университете в 2000 г. Его научные интересы включают в себя российскую внешнюю политику, политические процессы в Евразии, вопросы региональной и международной безопасности. Среди его работ –

главы в книгах «Шанхайская Организация Сотрудничества и создание «Новой Азии», а также «Ожидания и реальность в отношениях между Ираном и Россией».

Давуд КИАНИ является первым заместителем директора Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS), и доцентом Исламского университета Азад, где он получил докторскую степень в области международных отношений в 2005 г. Он является автором многочисленных книг, статей и монографий по вопросам российской политики на Ближнем Востоке, российско-европейских отношений, политики в Евразии, а также Иранской внешней политики. Среди его работ «Иран и Центральная Азия: культурная перспектива» и «Иран и новая геополитика Германии».

Расул МУСАВИ является старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS), заслуженным дипломатом, бывшим послом Ирана в Таджикистане, Финляндии и Эстонии, а также советником главы Центра Международных Исследований и Образования при Министерстве иностранных дел Ирана. Он получил докторскую степень по политологии в Исламском университете Азад. Его основные научные интересы затрагивают вопросы региональной безопасности, регионов Евразии и Ближнего Востока. Он является автором таких работ как «Стратегия НАТО на Кавказе» и «Таджикистанский мир».

Фархад ПАРАНД является старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) и атташе по торговле посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации. Он получил докторскую степень в области коммерческого управления в Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко в Украине в 2009 г. Его научные интересы включают в себя финансовую и торговую политику России. Под его руководством было реализовано несколько проектов по украинской и российской экономике и вопросам их интеграции с Европейским Союзом для различных иранских правительственных и неправительственных организаций.

Мохаммад Казем САДЖАДПУР является руководителем Центра Международных Исследований и Образования при Министерстве иностранных дел Ирана (IPIS), а также старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS). Он получил докторскую степень по политологии в Университете Джорджа Вашингтона (США) в 1990 г. Автор многочисленных книг, статей и научных монографий в области региональной и международной безопасности, анализа внешней политики, отношений великих держав и Ближнего Востока. В последние годы выступил соавтором таких научных работ, как «Размышления об эпохе перехода с незападной точки зрения» и «Многосторонняя дипломатия».

Мандана ТИШЕЙЯР является старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS), а также доцентом Колледжа страхования ОЭС при Университете имени Алламе Табатабаи. Она получила докторскую степень в области международных отношений в Университете им. Джа-

вахарлала Неру (Индия). В сферу ее научных интересов входят Евразия, Индийский субконтинент, а также проблемы прогнозирования. К ее основным работам относятся «Политика и общество в Индии» и «Футурология в стратегических исследованиях».

Жанд ШАКИБИ является приглашенным научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) и доцентом Нью-Йоркского университета. Он получил докторскую степень в области сравнительной политологии (исследования России) в Лондонской школе экономики и политических наук (LSE) в 2001 г. Его основные научные интересы затрагивают геополитику российской идентичности, международную политику России в регионе Ближнего Востока, а также внутреннюю политику в сфере идентичности и отношений с Западом (царский, советский и постсоветский периоды). Автор таких работ как «Хатами и Горбачев: Политика перемен в Исламской Республике Иран и СССР» и «Центральные управляющие органы Российской империи».

Мохсен ШАРИАТИНИА является приглашенным научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS), а также старшим преподавателем кафедры региональных исследований при Университете имени Шахида Бехешти (SBU). Он получил докторскую степень в области международных отношений в Университете имени Алламе Табатабаи в 2008 г. К его основным научным интересам относятся азиатские исследования, а также внешняя политика Ирана. Среди его последних работ выделяются такие исследования как «Азиатская интеграция: угрозы и возможности для Ирана» и «Глобальный переход власти, санкции и экспортная ориентация Ирана».

Махмуд ШУРИ является старшим научным сотрудником Центра по изучению Ирана и Евразии (IRAS) и руководителем Евразийской Программы в Центре Стратегических исследований (CSR) при Совете целесообразности Ирана. Он получил докторскую степень в области международных отношений в Тегеранском университете. Является автором многочисленных книг, статей и научных монографий по вопросам России, Кавказа, Центральной Азии и политики в Каспийском регионе. К его работам относятся «Иран и Россия: рассуждения и роль Запада» и «Иран и Россия: от баланса сил к анализу идентичности», а также «Иранский обзор международных отношений 2:2».

Российский совет по международным делам (РСМД)

Российский совет по международным делам (РСМД) — это некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повысить эффективность внешней политики России.

Наряду с аналитической работой, РСМД ведет активную образовательную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Члены РСМД — это ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД Игорь Иванов, член-корреспондент Российской Академии Наук (РАН), занимал пост министра иностранных дел Российской Федерации в 1998–2004 гг., и пост секретаря Совета Безопасности Российской Федерации в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995–1997 гг. он занимал пост заместителя директора Института США и Канады РАН.

Центр по изучению Ирана и Евразии (IRAS)

Центр по изучению Ирана и Евразии, более известный как IRAS и основанный в 2004 г., является независимым, некоммерческим, неправительственным аналитическим и издательским центром, который базируется в Тегеране и ориентирован на анализ и продвижение понимания ключевых проблем и текущих политических тенденций в Евразии и на Южном Кавказе.

Миссия IRAS заключается в распространении объективного и реалистичного понимания иранских интересов в Евразии и на Южном Кавказе, продвижении политики для их защиты и укрепления регионального сотрудничества между Ираном и соседними государствами.

Исследования IRAS ведутся по восьми основным направлениям: оборона и безопасность, энергетика и охрана окружающей среды, экстремизм и терроризм, региональное сотрудничество, мир и конфликты, политика и выборы, общество и культура, а также торговля и экономика, которые включают в себя региональные программы по Центральной Азии, Южному Кавказу, Восточной Европе, Китаю и России.

Основная задача IRAS проста и сложна одновременно: IRAS оказывает экспертную поддержку политикам и лицам, определяющим политический курс страны, в принятии основных решений. Данные решения должны основываться на актуальной доступной информации, которая подкреплена точными данными, наиболее сильными методиками и самыми яркими умами.

Исследования IRAS основываются на точности и беспартийности. Независимо от спонсора исследования или подхода иранского правительства к определённой проблематике, исследования IRAS всегда свободны от коммерческой и идеологической односторонней предвзятости. Исследования рецензируются как собственными, так и внешними специалистами. Тщательность и контроль качества в исследованиях является той составляющей, которая делает институт доверенным источником экспертизы и анализа по проблемам Евразии и Южного Кавказа.

IRAS ведет свою работу прозрачно и открыто. Приверженность Института IRAS к интересам общественного блага также подразумевает, что Центр своими исследованиями пытается быть востребованным как можно более большим количеством людей, а не только политиками, экспертами и научными сотрудниками. Все отчеты IRAS доступны для свободного и бесплатного пользования из любой точки мира.

В итоге IRAS под руководством и при экспертном участии некоторых выдающихся иранских ученых стремится к тому, чтобы быть признанным в качестве выдающегося аналитического центра с региональным фокусом, а также

наиболее надежным иранским источником политических идей и анализа по евразийской и кавказской тематике.

Центр по изучению Ирана и Евразии (IRAS)

Корпус 6, Д. 2, Аллея Амини, Улица Вали-Аср, Тегеран,
Исламская Республика Иран

Тел .: +98 (21) 88 77 05 86

Факс: +98 (21) 88 79 24 96

Электронная почта: editor@iras.ir

Сайт: www.iras.ir/en

**Российский совет по международным делам
Центр по изучению Ирана и Евразии**

**ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И ИРАНА:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Доклад № 29/2017

Верстка — О.В. Устинкова

Источники фото на обложке:
справа наверху: REUTERS/Sergei Karpukhin;
слева внизу: Flickr/daniyal62 CC License By 4.0;
справа внизу: REUTERS/Mikhail Klimentyev/RIA Novosti/Kremlin/Pixstream

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 250 экз.)

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ (РСМД)
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1
Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
www.russiancouncil.ru